

184 (2) Рос-Маш
Т 22

И С П О В Е Д Ъ Я З Ы Ч Н И К А

АНДРЕЙ

ТАРХАНОВ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Андрей
ТАРХАНОВ
•
ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

АНДРЕЙ

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное
издательство

2001

ИСПОВЕДЬ
ЯЗЫЧНИКА

ТАРХАНОВ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

1972 - 2001

- 65359 -

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.
ХМАО

ББК 83.3 Ма
Т 22

В оформлении книги
использованы работы Г. Райшева.

Книга издана по заказу
Комитета по средствам массовой информации
и полиграфии Ханты-Мансийского
автономного округа.

ISBN 5-7529-0737-3

© А.С. Тарханов, 2001

© Сред.-Урал.кн. изд-во, 2001

Поющая тропа язычника

о поэзии мансийского поэта

Андрея Тарханова

Путь к литературной известности в наше время порой на удивление легок. Достаточно ошеломить читателя внешней броскостью, оглушить его барабанным грохотом метафор – и можно войти в число именитых поэтов, начать печататься в самых авторитетных изданиях. Между тем кто-то недавно сказал, что самым сложным и загадочным, трудно постижимым является не модернистское, а реалистическое искусство. Модернизм поверхностен и быстро устаревает, сходит с арены. А реалистическое искусство живет и восхищает людей вечно. Достичь вершин художественного совершенства невозможно без приобщения к классике.

В современной литературе мансийский поэт Андрей Тарханов остается малозамеченным критикой. А между тем он – один из самых интересных и своеобразных художников слова.

Да, Тарханов пишет на русском языке. И русскую классическую поэзию знает превосходно. Он усвоил ее опыт: опыт Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева, Некрасова, Есенина. Но должен сразу сказать, что выбор языка для творчества – не его прихоть. Не все знают, что «манси» – это лишь общее этническое обозначение для четырех племен, имеющих существенные различия в языке и культуре. Во вводной части учебного пособия «Мансийский язык» А.Н. Баландина и М.П. Вахрушевой читаем: «Расхождения в языке между отдельными территориальными группами манси оказались настолько значительными, что еще в прошлом веке венгерский ученый Мункачи был склонен считать тавдинский диалект отдельным мансийским языком. Такое же резкое расхождение обнаруживается в языке кондинских и сосьвинских манси. «Например, у северных (сосьвинских) манси, кедр – это «ульпа», у восточных (кондинских) – «тат», олень – «сали» и «хоней», волк – «хайтнут» и «щаш». Сходства нет даже в корневых словах. Тарханов – из племени кондинских манси. Оно, в отличие от сосьвинских, еще в начале века перешло на русский язык. На нем велось обучение мансийских детей в школах и интернатах. Так что не вследствие «измены» национальным традициям обратился Тарханов к русскому языку, к русской литературе. Но в данном случае

это оказалось благом! Потому что, сохранив глубокую и страстную любовь к родному краю и к своему народу, связь с его историческим укладом и моралью и в то же время влюбившись в русскую классику, Тарханов создал масштабное и синтетическое по содержанию искусство. Он ведет рассказ о таежном крае, его природе, людях, а вместе с тем – это рассказ и о всей нашей стране, и о всем человечестве. Андрею Тарханову удалось связать в одно целое судьбу мансийской тайги и судьбу всей планеты, величины безмерно малые и безмерно великие. Причем этот синтез от сборника к сборнику крепнет и развивается. Герой-манси все более ощутимо раскрывается как гражданин огромной державы.

Если в первом сборнике («Первая связь», Тюмень, 1963) у поэта было всего одно стихотворение, в котором национальный образ приобретал планетарный размах («Говорят кедры»), то в следующих его сборниках это качество стало получать все более полное и всестороннее развитие. И вместе с тем поэзия Тарханова стала обретать черты героического романтизма. Об этом убедительно говорит обращение Тарханова к мансийским героическим песням и легендам, по мотивам которых он создал несколько великолепных стихотворений. Герой лирики Тарханова также очень много усвоил из характера мятежного героя лермонтовского «Паруса», ищущего бури, из прекрасного облика пушкинского героя – жизнелюба и гуманиста. Поэзия Тарханова благодаря историзму стала философичной. Негромкая, она в то же время одна из самых дерзновенных и мужественных в постановке крупных общечеловеческих тем. Укажу на поэму А. Тарханова «Остров спасения» в его сборнике «Зеленый дождь» (Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1975). Это было необычное явление – отклик на высадку американских астронавтов на Луну. Поэт в форме героического мифа написал о своей мечте увидеть Землю «островом спасения», единым домом человечества. Он призывал народы США и СССР создать «планету без меча».

Разговор о поэзии Тарханова в целом, о тенденциях ее развития необходим, потому что без этого разговора просто невозможно говорить о содержании программного сборника поэта «Храм милосердия», появившемся в нашей литературе словно «Бог из машины». И замечу, что Тарханов повел речь о милосердии года на четыре раньше, чем Даниил Гранин.

Сборник «Храм милосердия» – порождение национальной культуры, которая существует, увы, как бы сама по себе, не

замечена критикой как национальное явление. Но развивается эта культура своим путем, синхронно с русской, и ставит перед собой те же самые социальные и художественные задачи, что и лучшие, наиболее гражданственные русские поэты и писатели. Она обладает таким же даром пророческого предвидения будущего нашего общества, хотя и показывает его жизнь сквозь свою призму – ныне отнюдь не захолустной, а наоборот, одной из самых духовно динамичных национальных окраин. И поэзия Тарханова – полнокровная и полноправная часть нашей русской культуры.

Пушкин говорил о «высшей смелости» в поэзии – «смелости изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью». Такая смелость есть у Тарханова. В самом деле, разве не удивительно, что его языческая в своей основе лирика так естественно трансформируется в образы, типичные для русской литературы, образы Тургенева и Достоевского? Что такое природа – храм или мастерская? Спасет красота мир или нет? Порой Тарханов говорит о том же, что и русские классики:

*Любят манси деревья, –
Любят свои соборы.
(«Манси – народ вечерний...»)*

Или:

*Ты, Красота, –
спасенье мира,
Я верю, Красота, в тебя.
(«Не верю в стих...»)*

По натуре Тарханов – оптимист. И для него типично состояние мажорности, ликования, праздничности. Это особенно заметно в его ранних стихах, удивительно звонких и жизнерадостных. Но со временем, по мере обретения зрелости и философичности, овладения общечеловеческой тематикой, на его поэзию все более ложится тень сомнения и раздумья. Его сборник «Храм милосердия» в эмоциональном отношении представляет из себя весьма сложное переплетение радости и грусти, вдохновенной веры в жизнь и тревоги за нее, безмятежности и отчаяния. Автор тонко чувствует и красоту, молодость, величие мира и его хрупкость, его уязвимость для зла. Все, что присуще миру в целом, присуще и образу мансийского края в поэзии Тарханова.

Образ Храма в его поэзии – это образ Природы, среди которой мы живем, порой не замечая ее священную красоту. Он умеет нам это напомнить не путем деклараций, а очень тонко и

поэтично рисуя контуры этого Храма в окружающем мире. Это у Тарханова не отвлеченный образ. Для него он естественен, потому что он воспринимает саму жизнь как чудо, как эстетическое явление, он ее обожествляет в самом простом земном облике – и в этом дает знать себя языческое происхождение его поэзии. Тарханов предельно одухотворяет мир. Ручей для него «серебрист, как сорога» (рыба), хвоя в лесу его «целует», а не задевает, зверобой к нему прислоняется, как «брат», в своем доме он «принимает, как верных друзей, шепот – эхо уснувшего грома, шорох снега и зябких ветвей», он слышит «смех дождей». Капли в лесу – это вообще уже нечто сказочное – это «капли совершенства, которые «в душу струятся с веток и с небес». Даже лучи звезд для него – «черемухую пахнут», а лунный свет становится «молоком», которым вспоена «тропа язычника», по которой он ходил в детстве. А за всеми этими образами стоит мудрая и добрая Мать-Природа.

Поэтический мир Тарханова – это мир человека, который не отделил себя от природы и не чувствует себя чем-то отличным от нее. Гармония настолько полная, что Тарханову мало любить природу самому. Он живет в родном краю, «и лесом, и небом любим». Это взаимная любовь.

Поскольку поэзия Тарханова близка к живописи, то, я бы сказал, по яркости и свежести красок она близка импрессионизму. Но вместе с тем не меньше у поэта и стихотворений, окрашенных в трагедийные тона. Поэтому картина жизни мансийского края в поэзии Тарханова полна не только романтической приподнятости, но и самого жестокого реализма, порой документального. В его стихах «Умершие деревни», «В Хуло-ре», «Не вернулись в селенья охотники...», «Ограда», «О жадности», «Дума злого духа», «Забытый идол» есть элементы социальной сатиры. Чувство дисгармонии бытия врывается и в стихи о природе – «Сны камня», «Звездный час», «Береза и старик», «Уже утихли всех ученых споры...», «Мы всеми в юности любимы...», «Гром машин стоит окрест...».

Поскольку Тарханов одухотворяет вещи, то рассказ об «умерших деревнях» превращается в трагическое повествование об исчезновении красочной народной жизни. Он создает неповторимый облик каждого селения, его былой славы, его своеобычия. Это историческая художественная летопись мансийского народа, вызывающая к нашей совести.

Я читал статьи некоторых русских писателей с призывом создать летопись исчезнувших деревень. В мансийской поэзии она уже создана. Все, о чем в русской литературе пока что гово-

рится в форме публицистики (я имею в виду и тему «милосердия»), – здесь уже освоено в самой эффективной форме. Вот тебе и малая литература! Насколько она способна занимать передовые позиции даже в масштабе всей нашей литературы.

Поэзия Тарханова не только синтетична по содержанию. Она точно так же синтетична и в своих художественных средствах. Она искусно сочетает реалистическую конкретность с романтической символикой. Это позволяет поэту, оставаясь очень национальным в микроощущении, вместе с тем добиваться большой обобщенности и философичности образа.

Лаконизм поэзии Тарханова – это ее национальная черта, впрочем, вообще свойственная древним формам человеческой культуры, в частности японской поэзии. Лирика Тарханова тоже следует эстетике «цивилизации сосновой иглы», то есть стремится в одной игле показать весь лес. Поэт верен исторической культуре манси, живших спартанской жизнью, воспитанных в простоте, скромности и правдивости. В его поэзии реализована прославленная немногословность и сдержанность. Отсюда и ее особенности: близость загадке, афоризму, пословице.

Мне бы хотелось остановить внимание на стихотворении «Весенний этюд», чтобы показать, в чем мансийская поэзия похожа на русскую, а чем она отличается от нее.

*Горбатый пенёк обрел свои черты.
Ручей из слез его
На свет родился.
Смеялся над уродом леса ты,
И я твоей жестокости стыдился.*

Очень легко было скатиться в банальность в таком стихотворении, в очередную декларацию. Но Тарханов сумел создать образ. Он пишет не о сострадании к убогому, он пишет о рождении из уродства красоты – через страдание и доброту. Он говорит об универсальном качестве духовности, об умении увидеть за внешним уродством – душу. Вот на этом моральном изломе, на гребне, и видится национальная, языческая черта человека, обладающего редким природным даром высокого, проникновенного, благородного сострадания ко всему сущему на земле. В четыре строчки поэт вместил целую жизнь. Это ведь та же «Некрасивая девочка» Н. Заболоцкого, раздумье о том, что такое красота: «Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

Необходимо сказать и еще об одной стороне творчества Тарханова. В сборнике «Храм милосердия» есть два стихо-

творения о Венгрии: «Вечерний Балатон» и «В Хортобадской степи». У поэта – давние дружеские связи с Венгрией. Еще в шестидесятые годы поэзию Тарханова «открыла» и стала пропагандировать в Венгрии составительница двухтомной антологии угро-финского фольклора известная поэтесса Анна Беде. Она приезжала в Ханты-Мансийск и включила в антологию и стихи Тарханова. Из Венгрии она написала ему письмо, «стихотворение в прозе». Оно было опубликовано в сборнике поэта «Зеленый дождь». Из письма видно, что Беде высоко оценила поэзию Тарханова. Приведу такие строки: «Андрей! Человек, улыбающийся в бурях, в поединке огня и льда, – кроток и мудр. Ты никогда не покидал очищенного болью своего народа, придешь ли когда-нибудь к нам в птичий рай, принесешь ли нам, мечтающие в снегах леса, мерзнущие на холоде бледно-кудрявые узоры, веселые болотные ягоды, прекрасную повесть о возобновившейся человеческой жизни?»

Союз писателей Венгрии пригласил Тарханова в гости, и он месяц жил среди венгерских друзей, побывал в разных уголках страны. С тех пор в его сборниках – «Пасхальный день», «Плач неба», «Снежная симфония» – постоянно появляются стихи о Венгрии. Дружба с венгерскими филологами и поэтами стала фактом его биографии. Стихи Тарханова уже много лет постоянно публикуются в Венгрии и Финляндии и вносят свой полезный вклад в укрепление дружбы наших народов. В прошлом году он участвовал в работе Угро-финского конгресса в Будапеште.

Почему такой взволнованный отклик вызвала поэзия Тарханова у венгерских специалистов по древней угро-финской культуре? Они почувствовали в ней национальные гены. При всем своем пластицизме поэзия Тарханова чрезвычайно музыкальна, темпераментна, богата ритмически. В ней есть пленительная мягкость и задушевность, скрипичная певучесть и вместе с тем удаль и страстность: есть огненная венгерская кровь! Творчество Тарханова свидетельствует о расцвете древних форм угро-финской культуры в нашей стране. Причем, я бы сказал, общезначимых, по-своему ведущих к гармонии.

Перед национальным искусством, особенно малых народов, стоят колоссальные трудности. Как создать современные художественные формы, если современное искусство столь далеко ушло от древнего, на тысячелетия? В этом случае очень легко впасть в подражание, в механическое копирование русской современной поэзии, что происходит сплошь и рядом. Я знаю национальных поэтов, которые самую топорную риф-

мованную прозу публикуют как поэзию, как лирику. Национальное в ней сводится к описанию экзотических обрядов, чтобы потешить «культурную публику».

Тарханов не пошел по этому зыбкому пути этнографизма, по пути создания иллюстративного и чисто информативного искусства. Поэтому, даже усвоив тайну классического стиля, он не стал дублировать классику. Он создал свою национальную художественную форму, суть которой состоит в величайшей простоте и наивности. Ему не надо было «впадать, как в ересь, в немыслимую простоту». Она была его естественным состоянием. Но эта поэзия, предельно приближенная к природе и первоэданым формам прекрасного, не является ли она наиболее естественным проявлением поэзии как таковой?..

Во всех стихах А. Тарханова, ранних и поздних, читатель чувствует изумительную легкость языка, его художественную выразительность, высоту стиля и слога. Его слова глубоко проникновенны. В музыке стихов, в сочной палитре красок природа становится одухотворенной и слитой воедино с человеком.

*Я стану веткой,
на которой
Снегирь как язычок огня.
Я стану жарким сердцем бора,
Посланник завтрашнего дня.*

В этом нерасторжимом единстве природы и человека, в этом восторженном гимне бытия поэт находит свое вдохновение, цель своей жизни и, главное, – свое предназначение.

Русский философ П.А. Флоренский писал, что «эстетическое начало должно быть подчинено христианским мотивам»¹, а великий мыслитель Г. Гегель говорил, что «искусство должно поставить в центр своих изображений, прежде всего, божественное начало»².

У поэта-лирика Тарханова таким началом является природа:

*...На свете есть одна Икона,
И я ее боготворю.*

Поэт убежден, что в природе на равных правах существуют дух и материя, где дух ее – мировой разум, а материя – ее творение... Но «в начале было Слово».

По этому поводу И. Кант писал: «Две вещи наполняют душу всегда новым и более сильным удивлением и благоговением – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

¹ П.А. Флоренский. Богословские труды. – М., 1972. – С. 99.

² Г. Гегель. Эстетика. – М., 1968. – Т. 16. – С. 184.

Вспомним строки Тарханова:

*Под куполом ночного неба
Хоть раз, дружище, полежи, –
Забудешь про истоки гнева
И обретешь покой души.*

Красота, лиризм, создаваемые поэтом А. Тархановым, показывают «свободную бесконечность духа, которая, обращаясь к человеку, строит его самого»¹, а сам поэт, «одухотворенный природой», как ясновидящий, дает разгадку тайны вещей»².

Тарханов своим творчеством знакомит нас с нравственными нормами и моралью языческой веры своего народа, которые пропитаны одними и теми же христианскими заповедями, завещанными в Нагорной проповеди, как вечночеловеческие истины. Поэт-язычник, крещенный в православии, убеждает нас в том, что в нашей любви к природе – «один Господь, одна вера». Поэт-философ убежден, что «возвращение к исконным началам – это единственный путь к созданию самобытной национальной культуры»³.

Андрей Тарханов создал оригинальную национальную лирику, которая своеобразно сочетает в себе национальное начало и опыт мирового искусства, его двух основных направлений – реализма и романтизма. В этой поэзии есть все, чем богата человеческая культура. Это капля. Но капля, в которой отразился наш мир.

Константин Яковлев,
литературный критик

¹ Ф. Шиллер. Письма о эстетическом воспитании. – 1975. – С. 312.

² А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – М., 1892. – Ч.1. – С. 316.

³ См. подробно: А.С. Хомяков. Полн. собр. соч. В 8 т. – М., 1897.

Андрей
ТАРХАНОВ

Осеннее танго

[Избранные
[стихотворения]

Андрей
ТАРХАНОВ

Осеннее танго

[Избранные
[стихотворения]

* * *

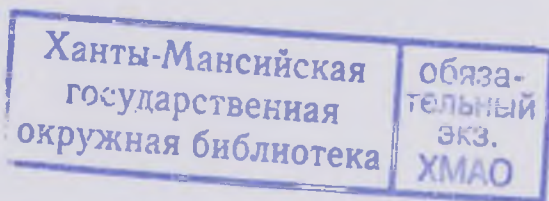
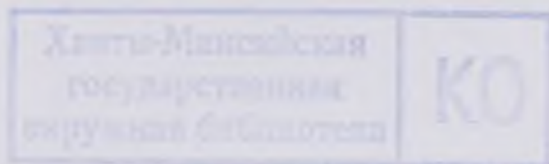
*Венгерскому другу
Керести Ференцу*

Паруса снимает с лодок осень.
Воздух звонок,
 словно стон струны.
Принеси мне, ветер, запах сосен
С той туманной дикой стороны.

Там остались идолаы и сказки
И олень задумчивый в бору.
Там берестяным веселым маскам
Больше не смеяться на пиру.

Черный идол поседел от горя:
На сто верст в округе – ни души.
По чужой беспрекословной воле
Вы, мои язычники, ушли.

Парус мой разлукой озабочен.
Видно, и на мне – печать вины...
Принеси мне, ветер, запах сосен
С той далекой дикой стороны.

- 65359 -

* * *

*...Звезды... все они – только покров,
и за этим покровом сквозит
Прекрасное.*

А. Блок

Угасает закат.
И на огненном плесе
Огнегривые кони в полете горят.
Не смыкай свои очи.
И выпадут росы
Оттуда,
Где вечные звезды не спят.
Скинем с тайны покров.
Пусть умрем мы за это,
Но Прекрасное стоит, поверьте, того.
И родится ребенок грядущего Лета
У Весны.
И на сердце,
Как в небе Прекрасном,
Легко.

* * *

Как зелена сегодня луговина!
И парус бел,

и ласкова волна.

Она уже кувшинки напоила,

Она уже, как я,

душой вольна.

Я уплыву далеко, луговина,

На поиск Бухты веры и любви.

Ни в чем, как мать,

поверь, ты не повинна,

Меня зовут, зовут мечты мои.

Горят пути за мною, луговина.

Крепчает ветер, мачту накренья.

Ты вспоминай, прошу, утрами сына,

Ты вспоминай печального меня.

Бригантина

Было празднично.
Пахло в садах абрикосами.
Ветер моря,
 как бабочка,
 цвел у лица.
Я купил «Бригантину» в ларьке Феодосии,
Я сегодня похож на лихого купца.

Я несу «Бригантину».
И у взрослых прохожих
Загораются детским восторгом глаза.
Я иду с «Бригантиной» цветочной порошею,
Будто крымские маки,
 у ней паруса.
Все слышнее прибой –
Голос моря органного.
Море ждет «Бригантину» –
 как звонкую весть.
Знаю, люди мои,
 в мире много желанного!
Верю, люди мои, –
 создан мир для чудес!

Зов неба

Гори, гори, моя звезда...
Из старинного романса

О, сколько раз, взмахнув крылами,
Летал во сне над лесом я
И восхищенными глазами
Оглядывал свои края!
Сияла мать.

Отец гордился.
Виденья эти – от мечты...
Икар за всех людей решился
Взлететь, не ведая беды...
Горели крылья и машины.
Но высота звала, звала!
Гагарина – родного сына
Россия в космос вознесла.
Америка смотрела в небо.
Там Олдрин,

Коллинз

и Армстронг

Шептали на Луне: «Победа...
Мы верим, люди, – с нами Бог...»
Зов неба в нас живет с пеленок.
И первый крик – сигнал туда.
Я в мир пришел,
еще ребенок,
Но жди меня, моя звезда...

* * *

Пылает купол златоглавый.
Столица, я на время твой.
Здесь многие искали славы,
Ушли бесславно на покой.

Всегда тая в душе почтенье
К таежным рекам и лесам,
Ценю свое прикосновенье
К священным плитам, к именам.

Толпе проворной нету края.
Но говорю я от любви:
Поклон тебе, река людская, –
Тревоги, радости твои.

И коли я зовусь поэтом,
Я с вами, люди, в каждом дне.
Делюсь я искренним заветом:
Я вам – судья,
вы – судьи мне.

* * *

Ковш Медведицы черпает тьму,
И колодец бездонный пустеет.
Удивляются совы ему:
Ради солнца он сил не жалеет.
Слышу музыку я в небесах.
Ковш сияет:

 работа – к исходу.

И глухарь на бордовых ветвях
Снова славит явление восхода.
Небосвод за деревней ясней.
Утро каждое неповторимо.
День сегодняшний –

 лучший из дней,
Как он трудно родился, любимый!

* * *

*С тобою я привык мечтать,
С тобою, ясною звездою...
Из народной песни*

Ночами трепетны леса,
Струится облак нега.
Встаю я ночью в три часа
Для звезд зеленых неба.
И в этой россыпи одна
По-матерински светит.
Я знаю —

дарит мне она
Единственное лето.
Как это лето сохранить
Для нежности и блага,
Чтоб стали памятными дни
И чтоб жила отвага?
С мечтою этой я страдал.
Но где б на свете ни был.
Я думал о тебе, звезда.
Твое сияло лето.
Однажды зов услышал твой:
Чтоб не было промашек,
Возьми любви — воды живой
У солнца и ромашек,
Тогда родится Бог в душе.
Он — твой спаситель лета.
Я на ромашковой меже
Открыл в себе поэта.
Прошу, звезда,

в ночи свети.

Моя мечта с тобою.
И наполняется в пути
Моя душа любовью.

* * *

*Вот уже три года не вижу и не слышу
снегирей. Куда они подевались?
Не к добру это...*

Из разговора

Вы и вправду потерялись
Снежной воли – соловьи.
Но сегодня... прочь, усталость!
Вы явились от зари.

Я, взгрустнувший от наветов
Многоопытных врунов,
Снова славлю час рассвета
И причуды облаков.

Рядом в зябком мире верба
Расцвела, к себе маня.
И вселилась в сердце вера
В правду завтрашнего дня.

Кто-то верит в силу Бога,
Кто-то верит в дар любви.
Но вражды на свете много,
Так что пойте, снегири!

Сумерки марта

Ночь улетает.
И разве не жалко –
В разные дали уйдем?
В сумерках марта.
В сумерках марта
Кони стоят под окном.
Выйду туда в голубое свечение.
На голубые пути.
Сумерки марта на удивленье
Могут, как травы, цвести.
Это с ветвей осыпается иней.
Это дыханье Весны.
Сотни подснежников матово-синих
В гривы коней вплетены.
Но отчего этот обволок дивный
Тает и тает в зрачках?
Видно, с зарей самолет реактивный
Шторы открыл в небесах.
Ночь улетает.
И разве не жалко
Нежного взмаха руки?
Сумерки марта.
Сумерки марта,
Ваши стихают шаги.

Случай в доме отдыха

Давно не слышал я аккордеона –
 Обветренного голоса души.
 Мне говорит сосед задорным тоном:
 – А, ну-ка, брат, «цыганочку» спляши...
 – Плясать я не умею.

Ну, а песню
 Про Ермака и про тайгу спою.
 Наплывом чувств,
 доселе неизвестных,
 Возносит душу грустную мою.
 Берет аккорды мальчик-семиклассник
 Для нас, давно уже не молодых.
 И верить хочется,

что дни прекрасны,
 И надо нам беречь по капле их...
 Играет он.

И, словно на уроке,
 Не сводит с нот своих серьезных глаз,
 Среди истерики и грома рока
 Он нереальным кажется для нас.
 Он словно тень живая дней далеких,
 Когда без песни не было пути.
 И каждый говорит ему с тревогой:
 – Послушай... ты от нас не уходи.

* * *

Гроза из дальних-дальних странствий
К моим вернулась берегам.
И я в смятении,
Я странный,
Я верю небу и лесам.

Смотрю и грустно понимаю
И суету, и гнев людей.
В страданье верю.
Принимаю
Удары всех его мечей.

Полевая межа

*Полевая межа –
Это поля душа.*

Полевая межа, ты любима,
Для тебя бело-розовый дол.
Ты к людским треволнениям терпима,
Я тебя для покоя обрел.

Я оставил раздоры далеко
И забыл про свою суету.
Удивительно быть одиноким
В полевом незнакомом саду.

Словно брат к голове прислонился.
Наклонился ко мне зверобой.
И душистый выюнок, словно птица,
Говорит о меже полевой.

Праздник жизни!
Он перед глазами –
В каждой травке, в цветке и в душе.
Шар земной обнимая руками,
Я лежу на цветущей меже.

Август

Август мой рыжебородый,
Август – добрый великан,
Ты идешь –

мелеют броды,

Листья падают к ногам.

Если ты махнешь рукою,

Непогодой пригрозишь –

Птичьи стаи над тобою

Направляются в Париж.

Объ тебе всегда внимает,

Твой подарок принимает –

Золотые пятаки.

А взамен тебе вручает

Нельмы нежной косяки.

Август огненноволосый,

Друг, постой, не уходи!

Он ушел.

Оставил росы –

Эти искренние слезы

На предзоровом пути.

Черный ворон

В.К. Аскерову

Если бор кедровый дик,
Если он забыт и темен,
То сюда, как мрачный стих,
Прилетает черный ворон.

В чаще, где глухарки спят,
Он загадочно и глухо
Начинает свой обряд,
Как ворчливая старуха.

Он вещает, он кричит,
Он кому-то угрожает,
О грядущих бедах мнит.
Ой, как много ворон знает!

И нахмурится медведь,
Песню иволга стреножит, —
Станут думать и глядеть —
Для чего он их тревожит?

Крон-н! — несется с высоты.
Как удар, как заклинанье.
И предчувствием беды
Наполняется сознание.

Но когда костер зари
За рекой запылывает,
Ворон вздрагивает и...
Почему-то умолкает.

Звуки

На копнах сена звуки спят.
А сено так душисто!
На зорьке звуки говорят
О травах голосисто.

Пырей высок и серебрист,
Он пахнет жеребенком.
А жеребенок любит свист
Пронзительный и тонкий.

Бежит осокою шалун.
Осока у залива.
И словно сто гитарных струн
Звонят, поют игриво.

Бежит он в зарево зари
И... нету жеребенка.
Вода горит, и луг горит.
И чайка в небе звонком.

И реактивный самолет –
Певучая комета –
Оставил луговине свет
Рябинового цвета.

Запели травы и цветы,
И... мчится жеребенок.
Он словно прибыл с высоты.
Он весел, как ребенок.

В октябре

Он распутан –
Клубок нашей жизни осенней.
Во-он последние нити моих журавлей.
Но остался твой голос –
Твое огорчение –
Металлический шелест листвы тополей.

Флейты ветра осмелели,
Мчится ветер верховой.
Снежный танец зимних елей
Наблюдаем мы с тобой.
У тебя глаза сияют,
Щеки – пламя снегирей.
Облака над нами тают,
Осыпая снег с ветвей.
Чуть качаются вершины,
Плавно движутся стволы.
На плечах –

платочек синий

В темных крапинках хвои.
Эти плавные движения,
Величавый поворот...
Три сороки вдохновенно
Облетают хоровод.
Волны ветра,

Волны снега,
Волны музыки окрест.
Ты танцуешь танец века —
Танец леса и небес.

Сыну Илье

Идут по дороге обозы,
Идут голубые стога.
Их нам подарили покосы.
Их нам подарили луга.
Веселые кони апреля
Душистое сено везут.
В нем шорохи белого зверя,
В нем запахи ветра живут.
Глядят, улыбаясь, деревни
И знаки дают пацанам:
Мол, надо в дороге напевной
Душой приобщиться к стогам.
На миг остановятся кони, –
Гляди, мы уже на стогах.
Нам хочется жуткой погони.
Нам хочется неба в глазах.
Бунтарское зреет желанье –
Над стогом своим вознестись.
Но... кнут получай в наказание,
Напутственный крик: берегись!
Ну, что же я сделал плохого?
Никак не пойму я пока.
Под аркой вопроса немого
Идут голубые стога.

* * *

Осенние грибы, как черепашки, –
Узорчатые спинки холодны.
Зимой сюда придет олень уставший
Посланником кочующей Весны.
Он их найдет в студеной час рассвета,
Копытами сугробы разметав.
Грибы –

осколки ветрового лета –
Вчера уснули, от дождей устав.
Среди брусники росной и багряной
На ягельных полянах видят сны –
Их поднимают рыжие туманы
На облачные гребни вышины.
Они плывут,
качаясь с облаками.
Проснутся вмиг,
когда в морозный день
Их поцелует влажными губами,
Обрадованный встречею, олень.

Осенние сумерки

Простите, сумерки осенние,
Что ваши думы не воспел.
Вы скоро с белыми оленями
Уйдете в тундровый предел.
Простите, сумерки осенние,
Вы в грусти от моей вины.
Я ваши не ценил мгновения,
И дни мои потерь полны.
За эту рощу белогривую,
За этот шелковый туман
Вы увели мою любимую,
Явив загадочный обман.
Беспечный и самонадеянный,
Не верил в ваше колдовство.
Ах, ваш дымок лесной сиреневый,
Уже не жить мне без него!
Простите, сумерки осенние,
С печалью я спешу своей.
И знаками успокоения
Хвоинки падают с ветвей.

* * *

Соловей поет –
Струны дрожанье.
Переливы трелей.
Вдруг... молчанье.
Он свои припоминает звуки...
Для чего ему такие муки?
Для чего приходится таиться?
Соловей боится...
Повториться.

В том порту

*...И потекли золотые удавы от
фонарей пристани...*

И. Бунин

В том порту вечереет,
и травы
И душисто, и лунно цветут.
В том порту золотые удавы
По дорожкам туманным текут.
В том порту и красивый, и стройный
Человек у прибоя стоит.
И, виденьем своим потрясенный,
За лучистое море глядит.
Ту – в рыданиях гармоник – Россию
Видит он сквозь года наяву:
Этот снег и парящий, и синий,
Эти тройки, и эту Неву.
Видит берег до неба угрюмый,
Видит Пасху в сиянье весны...
Он, Иван Алексеевич Бунин,
До утра не уйдет от волны.

К маме

Ты на том берегу, молчаливая, тихая.
Я на этом, и лодку усердно ищу.
Катит волны река, равнодушно-безликая.
«Мама, жди!» – я во сне понапрасну кричу.
На песчаной мели нет ни лодки, ни катера,
И тебе не доехать ко мне, не дойти...
Если б знал человек,
 что с потерей матери
Боле близкой души ему век не найти?!
Понял я это поздно,
 до отчаянья поздно.
Крест вины к горизонту устало несу.
И прощенье от Бога получить невозможно.
Уберечь бы последнюю в сердце слезу.

Прощай, моя шальная жизнь!

романс

Прощай, моя шальная жизнь!
Умчались тройки ветровые,
А с ними девы озорные
В страну, где удаль, смех и риск.

Прощай, моя шальная жизнь!
В страну беспечных нет дороги.
Там правят чувствами не боги,
А красота девичьих лиц.

Прощай, моя шальная жизнь!
Тебя я мысленно целую,
Как эту рощу огневую,
Где облетает красный лист.

Прощай, моя шальная жизнь!
Прощай, шампанское и вина!
Сейчас шепчу я у камина:
Вчерашний день ко мне вернись.

* * *

Я в час мечты живу на Марсе
У гор оранжевых, в саду.
Но улетает миг прекрасный, –
Я вновь тропой лесной иду.
Я привыкаю к бездорожью,
Терпенье искренне пою
В своем рябиново-таежном,
В своем языческом краю.
Терпенью нас учили вечно.
Послушный –

милостыне рад.

Но я ушел с тропы беспечной.
В душе по капле стоял раб.
Я понял –

мир равнодушных

Далек от славы и наград.
И взял меня седой ослушник
В многострадальный свой отряд.

* * *

А при луне,
 как при свече,
И словно ты причастен к тайне.
Ни звука в мудром кедраче,
Лишь веток слышится дыханье.
И на душе теплым-тепло.
Будь Лермонтов сейчас у лога,
Воскликнул бы он вновь светло:
«И в небесах я вижу Бога».

* * *

Тамаре Джаффаровой

Был Лермонтов ранен в опале
Твоей красотой, Кавказ.
Звучит о царице Тамаре
Гитарной струною рассказ.
И, раненный дивной строкою,
В мечтах на Кавказ я летел.
И в очи царицы с тоскою,
С любовью и верой глядел...
Мечты, окрыленные детством,
Я с вами расстаться не смог.
Нам странствовать вместе по свету,
Мы нынче спешим на Восток.
Ташкент распахнул свои дали
В тревожный для города час.
Ташкентцы меня привечали
Черешнями жаркими глаз.
И, как от подземных ударов,
Моя всколыхнулась душа:
Тамара, царица Тамара
Навстречу мне царственно шла.
О, лунные руки и плечи,
Лукаво мерцающий взгляд!
О стане цветастые речи
На платье цветы говорят.
Так пойте, зурна и гитара,
Про этот мерцающий свет!
Своею царицей, Тамара,
Тебя называет Ташкент.

* * *

– Иногда надо поплакать над собой...

– Зачем?

Из разговора

Поплакать надо над собой.
Зачем?

Ах, да, я понимаю.
Но перед боем и бедой
На это право отнимаю.
Пускай те слезы в камень-лед
На это время превратятся.
А стихнет бой,

беда уйдет –
Они для раны пригодятся.
В час озарения души,
Как солнце в дождик, –

мы смеемся.

Бороться против злобы, лжи
Слезами мы порой клянемся.
И уронить слезу не грех,
Когда пойдешь один на плаху.
Но страшно,

если человек
Лишен Природой права
плакать.

К незнакомке

Дождь.
Не будет просвета на небе сегодня.
Образ нежный, как чайка,
остался вдали.
Ночевал я вчера,
жизнь,
в твоей преисподней,
Чувства жалости к людям туда привели.
В этот мрачный барак.
Но твою, незнакомка,
Красоту
никому, никогда не затмить.
Я пришел —
и запели скворцы мои звонко,
Значит, надо и нам о любви говорить.
Не смущайся,
взгляни хорошо и открыто,
Как с картины Крамского,
ты гордо взгляни.
И проснется в душе все,
что было забыто,
И закружат тебя
детства светлые дни.
Я пришел.
Так поднимем за встречу бокалы,
Чтоб от тихого звона
качнулись дворцы,
Чтоб не стало бараков
и горькой печали,
Чтоб во сне проклинали себя подлецы...
Что за век!
Хоть пиши по-рублевски иконы.
Космонавты —
в загадочных далях небес.
А на грешной Земле
и бараки, и зоны...
И растет для великого Здания
лес.

Ночной сторож

Лазареву Георгию Ивановичу

Бутылка сухого вина на окошке
 И черного хлеба
 душистый такой четвертак.
 Он выпьет чуток
 и подремлет немножко.
 А голову вскинет и скажет:
 «Какой я слабак...»
 Бутылка сухого вина – не отрада,
 А удали символ,
 о силе минувшей мечта.
 Когда тебе семьдесят стукнуло, надо,
 Чтоб нынче спиною к тебе повернулась беда.
 Я сторож ночной –
 суковатые руки,
 Спина коромыслом
 и очень доверчивый взгляд.
 Курортники долго не спят от приятной разлуки
 С заботами, с домом...
 Эх, долго не спят!
 И музыка льется, и танцы, и песни.
 И брызги шампанского,
 и ароматы вина.
 И люди, как сказка,
 как ночь, интересны.
 Я сторож ночной – и душа моя звуков полна.
 Красивые женщины странно волнуют:
 При взгляде на них –
 вижу я ароматный цветок,
 Ах, пусть по-хорошему поозоруют
 Красивые женщины...
 Выпью за них я чуток.
 Я слышу, как море шевелит боками,
 И галька шуршит,
 и колышет медузы волна.
 И рыжее солнце встает над горами.
 Душа моя снова покоя и грусти полна.

Божественная поляна

Живет без фальши и обмана
В Природе каждый стебелек...
Под Эгером¹ цветет поляна,
Где веришь –

здесь бывает Бог.

Вокруг лесистых гор отрада.
И зарождаются стихи.
От лета бронзовы мадьярки,
Они как символы любви
И как бесценные подарки, –
Гордись и весело живи.
Поляна страсти и забавы,
И треволненья, и вина.
И дай мне в этот миг отравы –
И ту я выпил бы до дна.
Чтоб умереть в цветах и песнях,
Чтоб взял к себе на небо Бог
И воскресил,

и дал невесту

С поляны у семи дорог.

¹ Эгер – город в Венгрии.

* * *

Ты смеешься и ходишь легко.
И не знаешь забот, вероятно...
Годы юности так далеко!
Двадцать лет надо ехать обратно.

Я с волнением гляжу на тебя.
Жить бы надо мне только с тобою.
Говорю я, надежду тая:
«В путь обратный поедem со мною?»

Ты смеешься: «Вы шутите, да?
Я достойна любви, без сомненья.
Коль со мною моя красота.
Это вам... предстоит возвращенье.

Если юным вернетесь, то я
Буду вашей, поверьте, навеки». —
«До свиданья? Так жди же меня!
Одолею и горы, и реки...»

В край моих первозданных лесов
Мой зеленый вагон уносило.
А с тропинки глядела любовь,
И задумчиво солнце светило.

Этот миг я несу сквозь года
И веселую девушку эту.
За окошком летят города
И дороги —
я еду и еду.

* * *

Другу, поэту Е.Ф. Вдовенко

Базар всегда его смущает,
Он волноваться заставляет.
Возле цветов он ходит, ходит
И на торговок гнев наводит.
– Ну, что ты мельтешишь, мужчина?!
Не видел что ли георгина?
– Есть в белом георгине выюга,
Я георгин люблю, как друга. –
Так Человек им отвечает.
Но кто его здесь понимает?
Наверно, гордый гладиолус,
Далекий от хлопот, как Полюс?
А может, тихая ромашка, –
Глядит она, как Чебурашка?..
Идет.
От суеты страдает.
Букет огромный покупает.
И, к удивлению базара,
Цветы свои
Проходим дарит.

Танцует Капья

О, если б смог увидеть нашу Капью
Великий Гойя,
То наверняка
Был потрясен ее таежной статью
И к кисти устремилась бы рука...

Танцует Капья танец «Сбор рябины»
В огне листвы,
В огне семи рябин.
И вместе с Капьей в этой пантомиме
Мы, словно листья, кружимся, летим.

Танцует Капья –
Лебедь с Элентура¹.
На гибкой шее нити бус звенят.
В движениях быстрых есть порывы бури.
Они о смелых чувствах говорят.

Танцует Капья.
И танцуют блики
Лучей и веток по ее плечам.
И лебедей восторженные клики
Ложатся с листьями к ее ногам.

¹ Элентур (манс.) – дальнее озеро.

Мелодия бабьего лета

В серебряных нитях –
прохлада рассвета.

Рябина горит,
будто в небо летит.

И мучает тайна –
грусть бабьего лета,
И по-озорному меня веселит.

Гляжу на друзей я восторженно-мило.
Мне хочется всех приласкать и обнять.
Бездумно-нелепо мы жизнь прокутили
И молча глядим в небеса у огня.

Осенний пожар не спасет наши души,
И мы по-цыгански пошли кочевать.
Рябина, как в детстве, как в юности,
с кручи
Нам машет платком, словно скорбная мать.

Мелодия бабьего лета хранима
До самых последних минут бытия.
То голос прощальный, то голос любимой,
Летающий, как эти листва и хвоя.

К новорожденному

Что ты плачешь, мальчик-крошка?
Ты пришел в наш белый свет.
Или чувствуешь с рожденья
Свой трагический рассвет?

Мы смеемся, веселимся.
Горько плачешь только ты.
Для тебя в руках у мамы
И конфеты, и цветы.

Мир жесток,
и мир прекрасен.

И кому судить о том:
 Может, станешь ты поэтом?
 Может, станешь палачом?

Ты кричишь, дитя Вселенной,
Голосистый по судьбе.
А в углу Пророк незримый
Тихо плачет по тебе.

Осенний вальс

Даже сквозь тучу ты мне улыбайся,
Даже сквозь слезы, о жизнь.
Есть в листопаде мелодия вальса,
Милая, в вальсе кружись.

Там, вдалеке от меня, не печалься,
Осень на счастье горит.
От горизонта мелодия вальса
В сад мой цветущий спешит.

Белую вьюгу таят хризантемы,
Астры влюбленно глядят.
Звуки крылатые дарит нам время,
Пары, танцуя, летят.

Дамы, примите букет георгинов –
Символ своей красоты.
Смотрят на вас озаренно мужчины,
Давние вспомнив мечты.

Даже сквозь тучу ты мне улыбайся.
Даже сквозь слезы, о жизнь!
В музыке вальса, в музыке вальса,
Мир, восхищенно кружись.

* * *

Сосны расцвечены бликами,
Солнечно в поле души.
Музыка нежная, тихая,
Где родилась ты, скажи?

Сосны, как скрипки певучие,
Здесь, на развилке дорог,
Песней нездешнею

мучают

Сердце мое,
видит Бог.

Жизнь я предчувствую вечную.
Если от бед загрущу,
Музыку тихую, нежную
Я у лесов попрошу.

* * *

Наташе Трофимовой

На беды
Жалуюсь земле дождями,
Прибоем океанов, бурных рек.
А недругам
Ответствую стихами –
В те дни кружится
Над тайгой снег.

Березонька

Кружат вьюги синие
Над моей березонькой.
Полушалонок в инее,
Полушалонок тоненький.
В нем тебе не зябко ли,
Белая красавица?
Просят солнца зяблики,
Для тебя стараются.
И уж ветры званные
За весной отправлены.
Для тебя сияние
Яркое, полярное.

* * *

Не верю в стих,
Где нет дыханья
Грозы
и нету естества.
В таком стихе для назиданья
Живут трескучие слова.
Живи, возвышенная Лира! –
Слова от солнца и дождя.
Ты, Красота, –
Спасенье мира,
Я верю, Красота, в тебя.

Вечерний Балатон

Колоколов вечерний бой,
Земля и небо в перезвонах.
И цвета ели голубой
Живые воды Балатона.

Нас в небеса сейчас зовет
И музыка, и тучек ярус.
И кажется, что не плывет,
А ввысь летит далекий парус.

И не скрывает в этот миг
Душа восторженного стона.
Задумчив Балатона лик.
Земля и небо в перезвонах.

В Хортобадской степи

В Хортобадской степи мы раздумья полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны...
Мчатся кони.
Гудит от копыт вышина.
Неужели в степи запылала война?
Эй, потомки гусар и потомки князей,
Вы седлайте скорее отважных коней!
Пусть узнают враги гнев и силу мадьяр...
Наши думы ярки, как заката пожар.
Смотрим в дали, как в очи любимых своих.
Ой, как много веков там осталось лихих!
Мы скакали к тебе, Хортобадь, сквозь бои,
Потому нам и дороги дали твои.
В Хортобадской степи мы раздумья полны.
В Хортобадской степи табуны, табуны...

Осеннее танго

И откуда нагрянули снежные тучи?
 Сбит на руки берез чернокрылый турпан¹.
 За моим палисадом, цветущим у кручи,
 Словно море, шумит Леушинский Туман².

Ты вчера улыбалась в лучах георгинов,
 А сегодня ушла от меня навсегда.
 И глядят на обоих, страдая невинно,
 С поднебесных высот молодые года.

Вспоминается та бесшабашная пьянка,
 Звон гитары, и смех, и коварный обман...
 И деревья танцуют осеннее танго.
 И последние листья уносит в Туман.

Бьются в берег крутой поседелые волны.
 Ты сегодня в ненастье, детства милого край.
 И хотя на душе и тоскливо, и больно,
 Рано мне говорить: ты прости и прощай.

¹ Турпан – большая черная утка.

² Леушинский Туман – название озера.

седр

* * *

После дождя в тот день весенний
Я ждал тебя на берегу.
И усмирял свое волнение,
Бросая камешки в реку.

Пылала радуга на диво
И воду синюю пила.
Ты шла ко мне...
Такой красивой
Еще ты в жизни не была.

В зеленом платице, босая,
Ты шла восторженно-легко.
Была ты, милая, родная,
Самой природы торжество.

Я понял день,
я понял травы,
Узнав желания твои.
И мы с тобой сегодня правы,
Укрывшись пологом любви.

Золотой падун

В золотом падуне
 листопадная вьюга гуляет.
В золотом падуне радость с грустью
 в измену играет.
И глаза твои смотрят в меня
 сквозь деревьев просветы.
В них такое лукавое жаркое светится лето.

В золотом падуне
 блики осени будто котят.
Рыжим пламенем их согреваться, наверно, не надо.
Ведь, родная, не раз мы обмануты были с тобою
Листопадом страстей
 вихревой листопадной порою.

В золотом падуне
 вдруг теряются трезвые мысли.
В небе алые кружатся, кружатся, кружатся листья.
В золотом падуне кто-то плачет
 и кто-то смеется,
Безмятежных в моем золотом падуне
 не найдется.

Погоня

Другу детства
Анатолию Петрушкину

Нам с тобою, видать, не уйти от погони.
Слышу стоны коней,
бесшабашный намет.

У соперника Только веселые кони,
Да и сам он отчаянным парнем слывет.

Будто сердце одно нам с тобою досталось,
Заглушает оно стук гремящих копыт.
Ты ко мне, словно листик осенний, прижалась,
А за нами соперник мой, Толька, летит.

Ах, кукушка так рано сегодня кукует!
И так рано проснулся всезнающий бор.
Если Толька догонит –
тебя поцелует.

И забыт я тобою –
таков уговор.

Сколько страсти во мне!
Сколько силы и воли!

Это чувство погони, восторг от него.
И пускай у соперника лучшие кони,
Но куда ему до меня далеко...

Ой, как много годков миновало, друг Толька,
С той погони,
с той милой счастливой поры!

И другие мальчишки на утренней зорьке
Разжигают в ночи голубые костры.

Если сердце взгрустнет,
если сердце застонет,
Гляну в небо –

в минувшее бы воспарить!
И проснется в душе моей чувство погони,
И скажу я себе:
Надо жить! Надо жить!

О женщине

Природа женщине дала
На гордость вечные права.
Потом, как друга, обняла,
Сказала тайные слова.
О, надо б видеть женский лик
В тот удивительнейший миг!
Стояла – вся вниманье, слух, –
И вдруг огонь сверкнул в глазах,
Пошла – источник наших мук –
С улыбкой странной на губах.

Я отдаю ей сердцу, руку,
Она качает головой.
Какую о любви науку
Таишь ты, милый недруг мой?!
Не буду больше о коварстве
Я говорить. Да и к чему?
Ведь я в твоей сегодня власти,
Поверив слову одному.

* * *

Другу Александру Пачганову

Прохлада дороги ночной,
Таинственный зов в ней таился.
Прохлада над млечной сосной,
Путь Млечный над нею струился.
Краснел окоем за рекой.
Овеян ночью прохладой,
Стоял я один под сосной,
Под сводом вселенского сада.
Я был вышиной осиян.
Я власть познавал вдохновенья.
Небесного воздуха Храм
Терялся в глубинах Вселенной.
Лаская рукою сосну,
Я думал: как странно, о Боже,
Ты жизнь подарил мне одну,
Но миг этот жизни дороже.

Небесные звуки

*Когда я лечу в самолете, ко мне
являются красивые мелодии. Звучат они
на расстоянии, словно зовут к себе.*

От автора

Песни Глинки и вальсы Шопена
Дарит мне самолет в облаках.
Вижу я – улыбается Вена,
Голубеет Дунай на глазах.

Осиянны небесные звуки, –
Открываются тайны любви.
Простираются женские руки
На восторги земные мои.

Этот миг, эта радость от Бога,
Звуки свой совершают полет.
Открывается в небе дорога,
И Шопен к восхождению зовет.

Я себя заклинаю на муки, –
Только б слышать небесные звуки!
Песни Глинки и вальсы Шопена,
Я лечу к вам, душа вдохновенна.

Мольба к Богу

К истине шел терпеливо,
Мук моих не передать.
Господи, несправедливо
Жизни поэта лишать.
Пусть он живет, сколько хочет —
Этот чудака на миру.
К небу взывающий ночью —
Дать озарение злу.
И не свое ли горенье
Ты ему, Господи, дал?
В искрах его вдохновенья
Ты свою волю узнал.
Так отпусти же, Всевышний,
Вечность ему от Весны.
Верой одарит он ближних
В эти и дальние дни.
Благ он себе не попросит,
Золота он не возьмет,
Лишь благодарные слезы
Тихо в ладони прольет.

* * *

В логу всегда поет ручей,
В логу цветы благоухают.
Иди сюда, иди скорей,
Мои цветы тебя признают.

Они доверчиво тебе
Расскажут о моих страданиях.
Я невидимкой на тропе
За вашим прослежу свиданьем.

Когда оранжевый цветок
С губами спелыми сольется,
Моей любви горячий ток
Твоей души тогда коснется.

И буду счастлив, если ты
Задумаешься...

И невольно

Мои притихшие цветы
Улыбкой озаришь влюбленной.

Была ты нежною дворянкой

*по мотивам кубанских
казацких песен*

Катился вал войны гражданской,
Ломая судьбы, города.
Зачем идешь в поля, дворянка,
Гуляет там сама беда.
Гуляют кони вороные,
И сотня пьяная поет.
На груди юные, тугие
Казак усатый упадет.
В тачанке ночью ты проснешься,
Она летит в разгульный край.
И самогонки ты напьешься
И крикнешь: «Девочка, прощай!»
Тебя в станице Голубицкой
Научат шашкою рубать.
И станешь ты в степях, как птица,
И наземь падать, и взлетать.
Была ты нежною дворянкой,
Теперь сама ты – атаман.
И, как у знатной половчанки,
Есть именной в степи курган.

*1998, Кубань,
станция Старотитаровская*

* * *

Явись, ромашковое поле,
Зарницей желтого платка.
Я брошу пьяное застолье,
Примчусь к тебе издалека.
Вы дайте милостиво, боги,
Хотя бы день из жизни той?..
И вот веселый, босоногий
Бегу тропинкой полевой –
Навстречу будущему риску,
Навстречу будущей любви.
Уже тогда увидел близко
Глаза лучистые твои.
Мое загадочное детство
Мне дало чувство Красоты.
И будут вечно петь у сердца
По веснам желтые цветы.

Священная березка

*Хантыйский обычай таков:
даже в чужой стороне найди березку,
соверши ритуал, березка станет священной.
Она всегда будет помнить тебя.*

От автора

Луна постелила дорожку
И посеребрила гранит.
Священная наша березка
Близ озера скромно стоит.
Гостили мы летом в Суоми.
Я свой ритуал совершил:
Березке –

свидетели волны –
Три ленты цветных подарил.
Три ленты из красного ситца
Она словно держит в руке.
Она словно в танце кружится
В нарядном хантыйском платке.
Мы враз поклонились березке,
По солнцу вокруг обойдя.
И долго стояли сторожко,
Обычаи древние чтя.
Мы духов лесных не забыли –
Монетки волна приняла.
Богам мы по чарке налили,
И тотчас запела волна.
И боги глядели степенно,
И нам улыбались слегка.
Березку признали священной,
Признали огонь костерка.
Глубоких небес притяженье
Коснулось ликующе нас.
То было души вознесенье,
Мы стали святыми на час.
Вставало прощальное солнце.
Березка поклон приняла.
Неужто навек расстаемся
С тобой, молодая сестра?..

1997, Финляндия, Ювяскюль

К осеннему озеру

Всевышний тебя обожает,
Красу бережет для людей.
Береза над яром пылает
Вблизи золотых камышей.

Озерные воды и в мае,
И осенью словно в цвету:
Торопятся певчие стаи
Увидеть твою красоту.

И прежде чем кануть в берлогу,
Осмотрит медведь с высоты
И волны, и птичьи дороги,
Чтоб снились цветастые сны.

Я сам наполняюсь пареньем
У этих живых берегов
От музыки и вдохновенья
Крылатых берез и валов.

Рябиновый пир

На пир рябиновый спешите, сойки.
Опять леса рубиново горят.
И песню осени прощально спойте
На пне багряном посреди опят.
Спешите же скорей,
Пока мерцают,
Как угольки костра, плоды рябин.
Пока на скрипках иволги играют...
А кто-то по тропе идет один.
Наверно, я,
Кому же быть другому, –
Прощанье чую, вот и в лес спешу.
Я приобщаюсь к празднику лесному,
Огня рябины я у птиц прошу.
И пир горой.
И хочется с улыбкой
Обнять рябину и сказать: «Споем...»
Бей, дятел, в барабан!
Плачь, иволга, как скрипка!
На пир рябиновый мы всех зовем.

Андрей
ТАРХАНОВ

Исповедь язычника

[Избранные
стихотворения]

Андрей
ТАРХАНОВ

Исповедь язычника

[Избранные
стихотворения]

Вершины кедров

Замечательному художнику Югры
Геннадию Райшеву

Над ними пролетают «МИГи»,
Им слышен шепот звезд ночных.
Вершины кедров – словно лики
Бывалых земляков моих.
На фоне неба –

три короны
Трех вековых богатырей.
Один глядит на мир влюбленно,
Второй печален за людей,
А третий весел, как кипрей.
Вот этот великан плечистый
От молний одиноким стал.
Им любовался в день лучистый
Отважный воин, князь Самар¹.
Стоят раскидисто, вальяжно
Семь крепышей повдоль ручья.
Качаются вершины важно,
Грамматику тайги тая.
Познай ее ты по вершинам –
Восторг, тревогу, гнев ветвей.
Живи, кедровник мой старинный!
Дивлюсь я мудрости твоей.

¹ Князь Самар – хантыйский князь, погибший в сражении с отрядом Ермака (*примеч. автора*).

* * *

Гляжу с тропы –
Глазам не верю:
Амбар четырехногий мой
Среди обугленных деревьев
Стоит угрюмый, но... живой.
Каким бы он нелепым ни был,
Есть вера-идол у него,
Есть грозное с богами небо,
Ему дружить с тайгой легко.
Что я в душе своей имею?
И что мне людям говорить?
Есть вера в правду жизни.
С нею,
Конечно, можно ярко жить.
Но если в душах нет святыни,
То в душах наступает ночь:
Отец в детдом уводит сына,
Больную мать бросает дочь...
Вы посмотрите на ребенка,
Он солнцу верит, как цветок.
Ах, жить бы нам красиво, звонко,
Чтоб улыбнулся в небе Бог!

Ночь георгина

Августовская ночь –
 это мрак темно-синий.
 Словно угли из пепла,
 рдеют кисти рябин.
 Чуть алеет закат.
 И во имя России
 Ночь несет Красоту –
 золотой георгин.
 Плачут звезды
 и падают в омут Вселенной,
 И рождаются в мире искры зла и добра.
 Августовская ночь –
 ночь мученья, прозренья.
 Ты, как верного друга, в путь меня позвала.
 Терпко дышит трава.
 Георгин золотится.
 За рекою ведут хороводы стога.
 Чья-то кружит душа –
 одинокая птица –
 Не познала любви –
 вот и боль навека.
 В эту ночь ты не жди, мать, любимого сына.
 Дочь под утро придет.
 Ты, отец, не тужи.
 Очарованы были они георгином,
 И познали они вознесенье души.

Предосенье

Памяти

Тимофеева Геннадия Николаевича

Пахнут костяникой и малиной
И грибами влажными лога.
Лес в просветы кажет луговину,
Знаки грусти августа –

стога.

Я шагаю торопливо к речке
Сквозь отряды розовых опят.
Глядя на игру щурят беспечных,
Я невольно думаю о вечном,
Устремляю в поднебесье взгляд.
Там летает одиноко птица.
Схожа с ней, видать, судьба моя:
В предосенний день душа стремится
В самые высокие края
Получить благословенье Бога,
Крикнуть людям,

зябнущим во лжи:

Вы ушли от праведной дороги,
К явной обреченности пришли.
Вашу непонятную покорность
И пугливость жалкого раба
Да не ведать век тропе достойной!
Небом заслони от них, тропа!..
Пахнет свежим сеном и цветами,
Торжествуя, пролетел связь¹.
Чуден мир,

пока меж облаками

И в душе созревшими стихами
Есть живая, трепетная связь.

¹ Связь – утка.

* * *

Наверно, я парень-рубаха,
Гуляю, живу, как в бреду.
Но в жизни есть судная Плаха,
И можно угаснуть от страха,
Когда на ответ поведут.
Мы все распоясались ныне –
И честь, и закон нипочем!
Махнули рукой на святыни,
И скучно, и пьяно живем.
Но сразу намерен признаться,
Своей поклонившись Судьбе, –
Ведь что-то священным остаться
Должно и в родимой тайге.
Есть мудрых шаманов заветы,
Наказы беречь Красоту.
С поклоном амбар свой запретный,
Как предки велят, обойду.
Я не принимаю свободы,
Рожденной от прихоти зла...
Под эти зеленые своды
Святыня меня привела.
Я каплю разумного страха
Обрел на развилке дорог.
Я сам сотворил себе Плаху,
Чтоб вечно святыни берег.

* * *

*В нынешний студёный и
неприветливый май в мой
палисад прилетело много снегирей.*

От автора

Куда зовете, снегири?
Наверно, в мой кедрач печальный,
Он в детстве, в благовест пасхальный,
Со мною нежно говорил.
На крыльях пасмурной Весны
Явились вы по знаку рока.
Ведь я могу упасть до срока
В сугробы каверзной Зимы.
Да, я сегодня одинок,
Я от предательств изнемог.
Вы пойте, снегири мои,
Про этот лютый холод в мае,
И он в душе моей растёт, —
Я вновь воскресну для любви.

Старый ворон

Цветут таежные озера.
Им разве тайну утаить?
Цветет вода.
И старый ворон
Не смеет и глоток испить.
Не зная от рожденья лени,
Осколки туч тая в глазах,
Он триста лет имел терпенье
Сулить другим беду и страх.
Сегодня, чувствуя кончину,
Он, к удивлению, прозрел.
И, как впервые, на рябину,
На луг,
 на облака глядел.
За песню принял в синей гуще
Кедровой
 птиц тревожный гвалт,
И воду он признал цветущей,
И восхитился,
И упал.

* * *

Сестре Нине

Где ты, Аманья¹ моя?
Где священные амбары?
Месть разгульную тая,
Над тобой прошли пожары.
Где колчан для стрел моих?
Я послал их ввысь далеко
Для загадочного Бога,
Пусть хранит с улыбкой их.
Но когда воспрянет зло
На земле моей таежной, –
Значит, время подошло
Глянуть Богу вниз тревожно.
И ударит гулко гром,
Вспыхнут молнии повсюду.
Бог возьмет колчан,

потом

Скажет: «Кайтесь, злые люди!
Или огненным дождем
Стрел моих

вас покараю...»

Где ты, детство?
Под окном
Стрелы в небо направляю.

¹ Аманья – название мансийской деревни, деревни детства.

Языческие лиственницы

Семь грозных лиственниц от Бога
 Для послушания людей
 И для таинственной дороги,
 Бегущей в марево ветвей.
 Они – седые стражи дома,
 Угрюмых идолов хвала.
 Родная бабушка Матрена
 Мне веру в небеса дала.
 И я от радости смеялся,
 Когда Илья-пророк весной
 По небу с грохотом катался
 На колеснице огневой.
 А утром, в тихий час рассвета,
 Спешила бабушка в амбар,
 Священным духам леса, лета
 Несла повинно щедрый дар.
 Видать, давно амбар шайтанский
 Кошунство бабушке простил,
 Ведь громовержец христианский
 Незримо с нею приходил.
 Две веры бабушка имела,
 И в каждой – свой ручей живой:
 Амбар давал ей сил в метели,
 И благо нес Пророк весной.

Важенка

Белая важенка
Белого бора,
Ты в ожидании
Сильного хора¹,
Гордого, смелого,
Смотришь печально:
Где он с короною
Снежной, хрустальной?
Где он порывистый,
Ловкий, горячий?
Тропкой искателя
Входишь ты в чашу.
Запахи ягеля,
Запахи хора.
Тропы знакомые
В темени бора.
Ночь непроглядная
В дебрях,
И снятся
Взгляды зовущие
Хора-красавца.

¹ Хор – олень, бык.

Признание следопыта

*Красивым женщинам надо дарить соболей.
Слова знакомого охотника*

Расцвела лесная тропка –
Ты сейчас по ней прошла, –
Лебединая походка,
И, как соболь, хороша.
Стушевался поначалу
Я, таежный следопыт –
Тот, который по увалам
За лыжней

лыжню торит.

А потом смекнул: негоже
Следопыту робким быть.
Да и парень я надежный,
Если честно говорить.
Кто красу не понимает,
О таком хочу вздохнуть.
Шубка черная ласкает
Стан волнительный и грудь.
Углублю я тему малость
И признаюсь, не хуля:
Красота имеет слабость,
Эта слабость – соболя.
Эх, живи в ладу с мечтами!
Я красоте, так и быть,
Вечерами и утрами
Стану соболей дарить.
Стану я дарить беспечно.
Воля сердца такова, –
Знай, мол, наших, знай меня!
У красавицы, конечно,
Закружится голова,
Скажет:
«Друг мой, я – твоя».

Маска язычника

Пляшет маска, Пляшет Яска.

– Кара-ю!

– Кара-ю!

Яска пляшет и поет,

Заклинание кладет

На озера, на деревья.

Как вода, нужны поверья.

– Кара-ю!

– Кара-ю!

Где б я на рыбалке ни был,

Будь всегда спокойным небо.

Заходите в мой провязь,

Нельма, стерлядь и карась.

– Кара-ю!

– Кара-ю!

Пляшет Яска на поляне,

Пляшет утром рано-рано.

Корявые сучья завидуют маске,

А звери и птицы завидуют пляске.

Ой, страшная маска командует Яской!

Зачем семь рогов у нее из лосины?

Они для удачи, – вам скажут осины.

Глаза ее совы мерцающе светят.

Знак мудрости это, – вам кедры ответят.

Оскалом зубов ее рот не сверкает.

Зачем зря смеяться? Кто это не знает, –

В оранжевых дугах, зеленых обводах

Она почему?

Вам расскажут в народе:

Не дуги – стоцветные радуги это.

Зеленый обвод – комариное лето.

– Кара-ю!

– Кара-ю!

Пляшет, пляшет бойко маска –

И молва тайги, и сказка.

В сердце дива не таю,

Вместе с маской вам дарю.

– Кара-ю!

– Кара-ю?

Сон

О, звериная зоркость и чуткость моя!
 Через эти леса и завалы веков
 Вижу я, как погоню,
 Ночь ножа и костров.

Я тушу свой костер,
 Страх сильнее огня.
 Сотни бубнов рыдают в долине лесной,
 Орды гуннов охотятся нынче за мной.

Мне бы щукой проворной в протоку уйти.
 Но не хочет того мой безжалостный сон,
 Будю, видно, раздавлен храпящим конем.

Вдруг, как молния, мысль озарила меня –
 Я же родич пришельцам:
 Когда-то давно
 Были с гуннами предки мои заодно.

– Пася олэн!¹ – кричу я навстречу орде.
 Будто гром загремел над долиной: «На Рим
 Мы сегодня с тобою поход повторим?»

Всюду злобные лица и пьяный оскал.
 Хмеля полную чашу неловко беру,
 Я о клятве о мирной забыл на пиру.
 И назавтра с жестокой и дикой ордой
 Я в чужие края полетел на разбой...

Сон, как снежное кружево, стоял, утих.
 И о нем написал я для памяти стих...
 Где-то эхо живет мрачной той старины.
 Пахнут ветры порою
 Гарью новой войны.

¹ Пася олэн (манс.) – здравствуй.

* * *

Сосновый бор до стога раскален.
И синий ягель поседел от зноя.
Но по весне он станет цвета моря.
Олень, конечно, будет удивлен.

О, ягельные синие поля! –
Спокойное оленьё утоление,
Для дальних переходов вдохновенье
С веселой остановкой у ручья.

Олень вернется в отчие края,
И хриплый голос небеса разбудит:
Зачем сюда пришли лихие люди, –
И почернели синие поля?

Олень на поиск ягеля уйдет.
Спешить он будет, словно от погони,
И, обессилев, голову уронит,
Затихнет на руках сухих болот.

И я – олень,
Иду тропой, устав
От жажды и от горького сознанья,
Что, видно, обречен я на страданья:
Ручьи мои летают, пеплом став.

* * *

Памяти брата Вани

Здесь я родился.
 Даже тени
 Деревьев
 смотрят, грусть тая.
 Вдруг от заброшенной деревни
 Взлетела чайка на меня.
 Не отстает от лодки чайка,
 Все кружит, кружит над волной.
 О чем же, птица, без утайки
 Ты хочешь говорить со мной?
 Я вдруг услышал вздох глубокий.
 И в сердце этот вздох проник.
 И от пронзительной тревоги
 В душе родился тихий вскрик.
 Да чья ж душа¹ парит кругами
 И надо мной, и над рекой?
 О, Господи! Наверно, Вани!
 Братишка, родненький, постой!
 А звуки жалобными были,
 И я в тоске молчу, молчу.
 Братишка, мы тебя забыли,
 Лишь Бог хранит твою свечу.
 Прости!
 И встал я на колени,
 Раскаянье и скорбь тая.
 А чайка кружит над деревней,
 Где все любили мы тебя.

¹ По-мансийскому поверью, души умерших младенцев вселяются в чашек.

Встреча с родиной

С той, с кедровой родной стороны
Разбегаются волны Тумана¹.
И, тревожного крика полны,
Из логов wypлывают они,
Словно чайки рыбацкого стана.

И поют на валах паруса.
В этой песне отвага и мука.
Как спасти от пожаров леса,
Как спасти вас, мои небеса,
И тебя, ветровая излука?!

Мой вопрос, ты, как факел, гори!
Рассыпаются тучи обмана.
Мой простор, ты со мной говори
О живительной силе любви
Голубыми валами Тумана.

Жить на свете без вас не могу,
Кедры детства и волны удачи.
На песчаном стою берегу
У тебя, мой Туман, на виду,
Как ребенок, от радости плачу.

¹ Туман – название озера.

Забытый идол

Забытый – он злится снегами
И хмурыми плачет дождями.
Веселые люди утрами
Приходят сюда за грибами.

Смеются над идолом: «Жалкий.
Тебе не мехов надо – палки!»
Не видят беспечные люди
Глаза его – злые до жути.

Обугленный солнцем, ветрами,
Он красными смотрит глазами.
В нем прежняя хватка осталась:
Ему незнакома усталость,
Ему незнакома и жалость.
Беспечные люди, над вами
Он, идол, смеется ночами.

Ослушник

У той, у запретной черты –
Кедровник – вечерняя сказка.
Его стережет от беды
Стрелы напряженная пляска.
Я – вкрадчивый шорох –
Сейчас
С котомкой-луной за плечами
Пройду за черту, не таясь,
С распахнутыми глазами.
Дрожанье поймал темноты
Рукой, как сова, обостренной.
Но мне не унять маеты
Души и мечты оскорбленной.
Грохочет души барабан
Подобно июльскому грому:
Обман-ба-бам, обман-ба-бам.
Шагнул, будто падаю в омут.
Шагнул я – ослушник-молва,
Но нет уж атаки и тыла:
Охранной стрелы тетива
Уже облегченно вздохнула...
И люди ту жертву мечты
Запечатлеют на камнях:
В руках – по куску темноты,
В глазах – онемевшие тайны.

* * *

Язычник мудрый –

потому

Священность к женщине питаю,

Руками скульптора ласкаю,

В цветы и травы опускаю,

Потом летим мы в вышину.

Летим.

«Оставь меня одну, –

Сказала ты, –

я, словно птица,

Хочу свободой насладиться,

К тебе успею возвратиться,

Когда почувствую вину».

Зачем же согласился я,

Сказав: «Лети, моя родная.

И озорная, и хмельная,

Ты можешь стать забавой рая,

Забыв на время про меня...»

Наивный, страстный, жду тебя,

Чтоб повторить любви мгновенье

На той меже благословенной,

Где мы в объятьях, без стеснения,

Открылись миру – ты и я.

И на сомнения мои

Явилась ты с улыбкой странной,

Сказала с легкостью обманной:

«Свободы напилась дурманной,

Остался пепел от любви».

Явление священного озера

То озеро в березовом окружье
Во сне пришло,
мое отринув зло.
Я пьяным был
и никому не нужным.
А вот оно...

оно меня нашло.
И голову целебною водою,
Настоянной на корнях голубиц,
Умыло с материнской теплотою.
И я проснулся –
свет ночных зарниц.

Творец стихов – страданий сокровенных,
Хвоинка кедра, искренности Бог.
Проснулся от душевного смятенья:
Неужто буду в мире одинок?
Подумал так –
и снова в дымке алой

То озеро явилось предо мной:
«Поэт, твоим хранителем я стало
По воле неба нынешней весной».

Исповедь волка

Поляна в розовом тумане,
И солнце,
и проклятый пенъ...
Горит огнем нога в капкане,
Горит уже четвертый день.
Не убавляется от снега
И жажда, и тоска моя.
Я жду, я чую человека,
Живу последней встречей я.
Чтоб разорвать тебя на части,
Я мертвым притворюсь на миг.
И будет месть,
И будет счастье,
И будет мой победный крик.
Ты не спешишь, мой враг,
и злоба
Терзает, мучает меня.
И ради воли надо,
чтобы
Тебе оставил лапу я...

* * *

На Ендырском озере пляшут валы.
Взбегают порою они на яры –
И рушатся сосны,
и, словно слюда,
Мерцает в свирепом полете вода.
От злой непогоды зарылся в песок
Хозяин простора –
почтенный сырок.
А черная щука –
длиною с бревно –
Взлетает на гребни,
ныряет на дно.
Бушует стихия, швыряя валы
В покатые желто-седые яры...
Лик озера поутру нам не узнать:
Оранжевой стала громадная гладь.
Яры золотятся, ссылая песок,
Резвится в тиши серебристый сырок.
Он плавает возле целебных ключей,
Там есть острова молодых камышей.
И благо, и чудо, как звуки, слились,
Восторженно мы на яру обнялись.
Ты, озеро, даришь нам чувство любви,
Как небо, нужны нам порывы твои.

* * *

Притворство женщин не от страха,
С притворством женщине легко.
Представьте, ей дала для блага
Природа это естество.

Притворство – как самосохранность.
Тут жест Природы так же прост,
Как ящериц спасает странность –
Дарить врагу на память хвост.

Ведь если сразу нараспашку –
Мужской угаснет интерес.
О, нет, не повторит промашку
Она для радости повес.

Она замужнею предстанет,
Хотя сама, как дым, вольна.
Вдруг ни с того сего устанет,
А то заявит, что больна.

И так притворством изматает,
И так измучает тебя,
Что сердце бедное устанет,
И говоришь: «Любовь моя...»

Мужчина, не держи обиду,
Лишь женщина подарит рай.
Притворство как самозащиту
И как улыбку принимай.

* * *

Озера Веленце лик темнеет.
Дали в дымке.

Ветер низовой.
От камней священных тайной веет
И языческою добротой.
Сказочных камней прикосновенье
Оживило радости мои,
Неба грозового притяженье
Я почувствовал в своей крови.
Сердце распахнулось.

Сердцу больно
От избытка чувств любви к земле.
Я предчувствую движение молний,
Я зарю предвижу в хмурой мгле.
Слезы огневые небосвода
Тают на метелках камышей.
Замкнут круг гармонии Природы
У Веленце, у святых камней.

1996
Венгрия

Мелодия Балатона

Темно-лиловые сливы
Под ветерком
Падают неторопливо
Белым стихом.
Падают в росные травы.
Спит Балатон.
А на вершинах алых –
Утренний стон.
От колокольни зеленой
На Балатон,
На розоватые кроны
Тронулся звон.
И зазвенели вершины:
О, Балатон!
Даже твои глубины
Вызвенил звон.

* * *

Спешите говорить: – Люблю! –
Я вас почти о том молю.
Ведь слово может промолчать,
Ведь слово может камнем стать,
А может вербой расцвести
И верным другом стать в пути.
Я слово нежное пою.
Спешите говорить: – Люблю! –
Смотрите –

жалок и угрюм,
Идет замкнувшийся молчун.
Ни разу в этом мире слез
«Люблю тебя» не произнес.
Теперь идет он в никуда,
Такая в мире есть беда.
Спешите говорить: — Люблю! —
Я вас почти о том молю.

Юча

Юча – девушка из сказки,
Дочка снежной Тэли¹.
Но глаза у Ючи милой
Цвета майской ели.

Как идет она проворно! –
Вся от вьюжной воли.
Две косы играют, словно
Горностаи в поле.

И метели утихают.
Тают в небе тучи.
Будто радуга сияет
Взгляд прекрасной Ючи.

Доброта ее известна
Каждой птице, зверю.
Вы на стук веселой Ючи
Распахните двери.

Много в мире зла и козней, –
К счастью, с колыбели
Нас от них оберегает
Юча – дочка Тэли.

¹ Тэли (манс.) – зима.

* * *

От шелеста трав
и до шороха звезд –
Все это просторы ребенка.
Лежит он под крышею неба,
от грез
Красивых смеется тихонько.
Он весел,
У счастья распахнутый лик,
Он – связь и небес, и поляны.
А годы промчатся,
и вот он – старик.
Но думы его беспечальны.
Он помнит,
как рвал для любимой цвет
И каждую помнит разлуку...
И весь этот мир
от травы до звезды
Он отдал любимому внуку.

Дума у спиленного дерева

Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне.

Ветки, будто лапы глухаринные,
Вписаны в брусничник навсегда.
Дерево, я с мудростью совиною
Для себя беру твои года.

Может, стану осторожным более,
Знаю, что перед коварством
слаб.

В странном мире за одним застольем
Пьют владыка, и поэт, и раб.

В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках...
Было схоже дерево с гадалкою.
Взгляд искал чего-то в небесах.

Я и сам гляжу туда с надеждою,
Брата жду из дали голубой.
Взглядами лаская тучи вешние,
Слышу:
вновь сюда идут с пилой.

Могила Толстого

Обласкана трелями птичьими,
Могила на диво проста.
Здесь чувствует сердце величие,
Здесь в душу глядит высота.

От этого холмика скромного
Неотделим чуткий лес,
И горести мира огромного,
И страсти влюбленных сердец.

Здесь каются, просят прощения,
И плачут светло про себя
Впервые от чувств вознесения,
Впервые покой возлюбя.

Для каждого стало обычаем –
Явиться с поклоном сюда, –
Здесь чувствует сердце величие,
Здесь в душу глядит высота.

* * *

Где же подлости мера, скажите,
 Если нам изменяют друзья?!
 Завяжите глаза мне, свяжите,
 Уберите из бытия.

Тихо-тихо.

Не слышу, не вижу,
 Брошен я в одиноком дому.
 Сам теперь никого не обижу
 И обиду ничью не приму.
 Я отрекся от белого света,
 Я не верю ничьей красоте...
 Запах спелой морошки и кедров
 Невзначай до меня долетел.
 Что такое случилось? –

я вижу

Снова милые с детства края.
 Голос леса весеннего слышу, –
 И раскаяньем мучаюсь я.
 Я прощаю жестокость обиды,
 Вас от сердца прощаю, друзья.
 Ветры, дверь поскорей распахните,
 Так по грозам соскучился я!

Озеро Веселое

Алексею Борисовичу Кетрицу

Это озеро веселым
Даже вороны зовут.
Впереди желтеет поле,
Рядом камыши цветут.

Север дал ему три бора.
Сосны юные стоят.
Как сороки на заборе,
Говорят и говорят.

На востоке – берег белый.
Словно из заморских стран
Прикатил на волнах пену
Развеликий океан.

Любят девки, любят бабы
Погулять здесь вечерком.
Тут справляют даже свадьбы,
Пляшут лихо босиком.

Мужики под вечер синий
С песней ловят карасей.
С этим озером России
Жить на свете веселей.

К Неве

Поэту Николаю Астафьеву

Сегодня ты как дикий зверь,
Но укрощенный, усмиренный.
И я стою, в тебя влюбленный,
Я тоже милостив теперь.
Мы гнев оставим про запас –
Он пригодится нам с тобою,
Когда нас призовут к покою:
Оставьте честный свой рассказ!
И мы тогда покажем нрав,
Как дети верные Природы.
Вздымай, Нева, повыше воды!
Неужто кто сильнее,

тот прав?

Мы против этого навек!
И потому с тобой бунтуем,
От правоты своей ликуем,
От правоты лесов и рек.

Предчувствие

*Памяти отца –
Тарханова Семена Прокопьевича*

Третий год как в России пылает война.
В каждом сердце оставила след свой она.
Был апрель. И за окнами вербы цвели.
Как шары золотые, летали шмели.
Мать грустила в избе, день весны торопя.
И предчувствие жило в ней, словно дитя.
Вот оно встрепенулось –

и сжалась рука.

В это самое время в тылу у врага
Сын-разведчик таился за корнем сосны.
Вражьи цепи облавы солдату видны.
Впереди луговина. Не скроет она, –
Справа, слева чернеет фашистов стена.
Выручай, автомат!

Но тревожна душа.

И граната последняя в дело пошла.
А последняя пуля... Она – для себя...
И предчувствие вскрикнуло, словно дитя.
Мать рукою за сердце схватилась, бледна:
«Что-то с сыном...» – едва прошептала она.
Был апрель. И за окнами вербы цвели.
Как шары золотые, летали шмели.

* * *

Христианин я и язычник,
 Меня крестили в Иртыше.
 И по судьбе своеобразной –
 Две веры у меня в душе,
 Они в крови моей от деда.
 Внушал он, глядя на зарю:
 «Не счесть богов моих заветов,
 Тебе я только три дарю.
 И первый наказ мой –

о нашей

Земле,

как о сыне, гори, —

И маю, и осени каждой

По саженцу кедра дари.

А два моих важных завета

Ты детям своим накажи:

Будь другом надежным соседа

И другу на помощь спеши.

Отваге, терпению в работе

Будь верен —

себя обретишь,

И этих заветов в походе

Чураются злоба и ложь».

Миссия Юлиана

*В Будапеште, в Будайской крепости, есть
памятник монаху Юлиану. Как известно,
Юлиан с другом Рикардо в поисках
прародины пешком дошел до Урала.
Его друг погиб в пути.*

От автора

«Рикардо, брат, не умирай.
Не время умирать:
Уж близок, брат, Югорский край.
Уже Урал видать...
Вогулов слышу голоса...
Рикардо, поднимись!»
Рикардо приоткрыл глаза,
И в них прощальная слеза
Блеснула, словно жизнь.
И вырос холмик вдалеке
От Буды.
Юлиан
С дорожным посохом в руке
Идет, в мечте упрям.
И вот селенье.
Чум стоит.
И аромат хвои,
И сердце громко говорит:
Здесь родичи твои!
Радужно принят Юлиан.
Как сон, его рассказ.
По звукам, жестам и глазам
Идет живая связь.
Он слово «кутюв»¹ услышал, –
Щенка на руки взял.
И в чуме – радости обвал.

¹ Кутюв (манс.) – собачка, щенок.

Его шаман обнял –
Седой улыбчивый Кирсан
Ему сказал: «Ты – брат».
Чуть не заплакал Юлиан –
Душой признанью рад.

Прошла неделя. Юлиан
Не раз в урман ходил.
Был рядом верный друг Кирсан,
За всех всему учил.
Стрелял из лука Юлиан,
Брал щуку острогой.
Бросал удачливо аркан
На сопке боровой.
Он речь вогульскую на слух
Легко воспринимал,
И говорил слова он вслух,
Кирсан ему кивал.
А в этой речи – голос трав
И рыб, и пенье птиц,

и звуки дедовских боров,

И шорохи зарниц.
Он, Юлиан, среди друзей
Ни в чем нужды не знал...
Однажды утром крик гусей
Тревожных

услыхал.

Пора в обратный путь. Пора.
Печален Юлиан.
И с ним простился у костра
За всех шаман Кирсан.

Поклон тебе, брат Юлиан.
Я рад. Тебя нашел
В Будайской крепости.
Туман
Струился в шумный дол.
Истек сиреневый туман.
И вижу –

в край лесов

Зовешь ты венгров, Юлиан,

В дорогу вновь готов.
О, Юлиан! Твой край цветет,
и благодарен я
Судьбе,
Что он меня зовет,
Как звал мой край тебя.

В ягельном бору

Иней на ветках лучистых,
На глухаринном току.
Ягельный бор голосистый
Словно в осеннем снегу.

Всюду свежо и отрадно,
Это мой будущий стан.
Фея моя будет рада
Чистым узорам полян...

Грянули выюжные ветры.
Ой, как снега высоки!
Царственно гордые кедры
Наши читают стихи.

Небо полно удивленья,
Снежную славит страну.
К ягелю вышли олени,
В нартах доставив Весну.

И серебристым сияньем
Ягель на диво расцвел.
Здесь от душевных страданий
Отдохновенье нашел.

Тропа язычника

Тропа язычника видна
Среди озер и мудрых кедров,
И молоком луны она,
Как детский сон, напоена.

Тропой язычника меня
Отец водил, как рысь, сторожко.
И целовала нас хвоя,
И был впервые счастлив я.

Дивился я друзьям отца:
Бобру – речному работяге,
Медведю – сторожу котца¹,
Глухарке, греющей птенца.

Я их в наследство получил,
Под стать князьям мое наследство:
Священная протока Ил,
Кедровник, где с отцом бродил.

Шли годы весен для страны.
Шли годы страшных испытаний.
Отец мой не пришел с войны.
Сгорел кедровник в час луны.

Но, будто в сказке, и трава
Тяжелый камень поднимает.
Тропа язычника едва
Видна – но ведь жива, жива! –
И смело силу набирает.

Она зовет меня. Иду.
В любви я был и есть язычник.
И лес веселый вновь со мной –
Мы с ним идем тропой одной.

¹ Котец – ловушка для рыбы.

Сосновая поляна

В.М. Молоткову

Сосновая поляна в кедряке
Подобна восхитительному чуду.
И рыжая хвоинка на плече...
Она присела только на минуту.
Ее, как неизвестную печаль,
Уносит скромно паутинка вдаль.

Здесь музыка живительна с утра:
И сосны, распеваящие с кручи,
И голос старикана-глухаря,
Когда заря раскалывает тучу.
И белочки языческий мотив,
Кедровки голос, как всегда, криклив.

Мы знаем –
 тут нельзя без костерка.
Дымок меж сосен в небо заструился.
Лазурней, ярче стали облака.
В них клин гусей,
Как паутинка, скрылся.

Но странный звук в лазури той остался.
Он плакал, звал, стонал, он восторгался –
То с нами день сегодняшний прощался.

Ночь священного медведя

Сладковато пахнет прелью,
Тишина окрест стоит.
Под густой смолистой елью
В сладком сне медведь сопит.
Он по-прежнему священный,
Но... лишь только для себя.
И сторонкою деревни
Он обходит, злость тая, –
Никакого уваженья
И коленопреклоненья
Он не ведает теперь.
А кругом его владенья...
Он кричит от возмущенья:
«Люди, я – священный зверь!
Коль просить подарок стану,
Ты, Микуль, веди бычка.
Я намял вчера Степану
За ослушанье бока».
Устя с Матрой ахать-охать:
«Надо двух телят отдать.
А иначе будет плохо,
Станет нас Он обижать».
Сам Степан сквозь боль смеется –
Перевязаны бока:
«Очень грубо он дерется,
Недостойно мужика.
Хочет, видно, чтобы я
Принял помощь от ружья...» –
«Ты, Степан, неисправимый,
Ты идешь к своей беде.
Он, медведь, тайгой хранимый,
Он в лесу – как сом в воде.
Ой, придет к нам наказание!
Лучше помолчи, Степан...»
Ночь – к утру.

Вокруг сиянье,
Золотых берез туман.
Ель громадная чернеет,
Охраняя сон его.
Кто прийти к нему посмеет?
Кто храбрец?
Нет никого.
Ты запомни, зверь священный,
Ты своей тропой ходи.
Мы к тебе храним почтенье,
Но коленопреклоненья
Ты от нас теперь не жди.
Кара-ю! Кара-ю!

* * *

*В старину у манси бытовал обычай показывать
невесту медведю, священному зверю.
От его поведения зависела судьба невесты.*

Нет шумней в селеньях вести,
Чем такая —

страх сказать:

Поведут в тайгу невесту,
Чтоб медведю показать.

Он у нас мудрец старинный,
С ним, подруга, не схитришь:
Или ты, Таись, невинна,
Или... грех не утаишь.

По тропе идет невеста,
Не боится — не одна.
Есть в тайге такое место,
Где коварна тишина.

А жених идет с надеждой,
И седой отец идет.
От орнаментов одежда
Словно радуга цветет.

Звонко вскрикнула невеста:
На тропе судья-медведь
На дыбах стоит, ни с места.
Успевай, жених, смотреть!

Как брусника, покраснела
Кареглазая Таись.
Покраснела, побледнела,
Вот, жених, и разберись:

Иль в грехе своем призналась
Ни жива и ни мертва?
Или вправду испугалась —
Дышит, бедная, едва?

А медведь ревет и скалит
Зубы желтые свои.
И свидетели сказали:
«Речи поняли твои.

Помасипа, помасипа! –
Ой, спасибо! Ой – спасибо!
Для Таись теперь закрыта
Наша честная семья!»

У невесты от обиды
Слезы льются в три ручья.
Ты не плачь, не плачь, Таись,
Вновь медведю покажись.

**Исповедь человека,
лишенного детства**

Я в детстве почти не смеялся,
Я мачехи пьяной боялся.
Пошто она смех не любила?
Пошто за улыбку лупила?..
Люди, вы прекрасны, когда смеетесь!

Я в детстве раз десять купался.
Я в поле с утра надрывался.
Полос сорняки я, стенаю,
Я место готовил для рая.
Ой, как мне теперь хочется купаться!

Сейчас постоянно купаюсь.
Сельчанам своим улыбаюсь.
За это порой оскорбляют,
Меня чудаком называют.
Может, я и вправду чудака? Скажи, поэт?

Скажу я словами пророка:
Чудака – это истина Бога.
Уйдя от людской укоризны,
Живи, брат, по-своему в жизни.
Детство все-таки нашло тебя. Обними его.

Идол-пришелец

В.В. Заволжину

Мой идол, по слухам, с небес прилетел
 И возле амбара священного сел.
 И прадед,
 как пулей подкошенный, пал,
 Когда на восходе его увидал.
 Обугленно-черный от тяжелой судьбы,
 Пришелец глядел на мерцанье звезды,
 Последней звезды, уходившей от нас,
 И красные слезы катились из глаз.
 И понял мой прадед без стона и слов,
 Что видит, счастливцев, посланца богов.
 И молча он руки к посланцу простер,
 Но идол смотрел в поднебесный простор.
 А с речки туман наплывал, наплывал,
 Он идола словно с земли поднимал.
 И прадед от страха домой побежал...
 Я идола помню.
 И помню амбар,
 Куда мы носили для идола дар.
 И, близко не смея к нему подойти,
 Мы странные чувства таили в груди:
 Почтение, досаду, надежду и страх,
 Просили удачу в таежных делах.
 К нему свою исповедь каждый имел.
 А он отрешенно на небо глядел...
 Об идоле многие зло говорят.
 Но я все гадаю про тот его взгляд.
 Видать, оттого я в час горькой беды,
 Как идол, гляжу на мерцанье звезды.

* * *

*Памяти космонавтов
Добровольского, Волкова, Пацаева*

Трубят над милым краем трубачи.
Перо у них прилажено к перу.
У вас, мои таежные ключи,
Я силы для полета наберу.

Над краем полечу я высоко –
Над радостями, бедами лесов.
Зеленый дождь для края своего
Я выпрошу у знойных облаков.

Я улечу в объятья бурь и звезд,
И, сбив крылом последнюю беду,
Я, поседевший от жестоких гроз,
На землю с гордой песней упаду.

Вы́ртум¹

Только утро наступает,
Вы́ртум –
 чаша на бугре –
Заалееет, засияет,
Как рябина в сентябре.

В полдень озеро бледнеет.
Пара лебедей в тиши
Час от часа розовеет.
Розовеют камыши.

Ночью лось прядет ушами,
В красных водах жутко плыть.
Удивленными глазами
На него взирает выпь.

Птица желтая ночная
Видит нынче при луне,
Как, рубиново мерцая,
Звезды плавают на дне.

¹ Вы́ртум (хант.) – красное озеро.

* * *

Черные горные пчелы
Утром ко мне прилетели.
Я их не ждал, испугался,
Окна скорее зашторил.

Черные горные пчелы
Долго стучались, шумели,
Что-то сказать мне хотели.

Черные горные пчелы
Тихо к себе улетели.
Я, человек, их не понял.

Вечером роща сгорела.
Вечером море штормило.

Сны камня

В священном кедровнике камень стоит —
В зеленых подтеках, угрюмый на вид.
И память ему подарили века,
Он помнит Кучума, отряд Ермака.
Он много чего рассказать бы нам смог,
Да сон его долог и очень глубок.
Природа дала ему странную роль:
Когда на Земле — и страдания, и боль,
Когда полыхают пожары войны —
То видятся камню багровые сны.
Ой, редко случаются мирные дни!
Угрюмому камню приносят они
Счастливые светло-зеленые сны,
В них радость, в них песни людские слышны.
И камень светлеет, желанно дыша.
На миг просыпается в камне душа,
Но только на миг... Где-то снова война.
И душно опять от багрового сна.
Вселяются в трещины слезы и страх.
И камень, наверно, рассыплется в прах.

* * *

Уходит в ночь вечерняя заря.
Ко мне спешат от горизонта тени.
Зачем пришел на праздник жизни я
Печальным, словно этот день осенний?

Я с детства был во власти синевы,
И облаков, и перекатов грома.
Понять старался разговор травы
И лиственниц языческих у дома.

И понял: я душою от небес.
И этой верой, друг мой, в жизни грейся.
А как же мой кедровый синий лес,
Услышит ли тогда позывы сердца?

Порой клянусь я свой клочок земли:
– Пусти, сегодня надо быть мне в небе!
И слышу голос вспаханной земли:
– А там найдешь мою горбушку хлеба?

– Не знаю. Отпусти.
– Ну что ж, лети.
Мать по судьбе – от боли, от разлуки.
И на прощанье я припал к груди:
– Благослови на подвиг и на муки!

Андрей
ТАРХАНОВ

День Боренья

[Избранные
стихотворения]

Андрей
ТАРХАНОВ

День Боренья

[Избранные
[стихотворения]

* * *

Я – частица природы летучей.
Вновь позвали меня облака,
Позвала искрометная туча:
«Полетишь, одинокость любя?
Не расстраивай только речами,
Коль забуду в пути про тебя.
Но зато ты познаешь свободу,
Страсти радуг, жестокость орла,
И коварство красивого грота,
И слезу на обломке весла.
И не надо мне лишних вопросов,
Без сомнений лети и плыви...»
Замелькали селенья и плесы,
Закружило в случайной любви.
Я однажды проснулся под вечер
От укора знобящей души.
Горько пел за окошками ветер.
Люди, где вы?! Куда вы ушли?!
Ради вас я дружил с облаками
И касался угрюмых вершин.
Я по свету летал за стихами,
Потому и остался один.

* * *

Молчит седых небес орган.
Еще студень океан
Щадит

Оби притихшей дали.
А мы с тобою, мой дружок,
На перепутье трех дорог
Печальными до срока стали.

Мы верим грому, доброте.
А зло нахохлилось везде,
Оно сойдет скоро в стаю.
И мы с тобой в смятенье, друг.
Ты как спасательный мой круг,
Тебя за плечи обнимаю.

Но неужели зло дружней?
И неужели зло сильней
В своих наветах, кознях, сварах?
Своекорыстны нынче мы,
До крайности беспечны мы –
И потому земля в пожарах.

* * *

Какие же мы – дикари!

Этот горький возглас
часто можно слышать в народе

Мы в чем-то, право, дикари.
И благородства не осталось.
Но, слава Богу, свет зари
Еще волнует души малость.
Но если распалим себя
И не опомнимся, дурные, –
Погибнем –

это знаю я.

Так гибнут чайки ветровые
Без ивняка и без воды,
И в клювах крик
в крови запекся...
Весь мир земной
к черте беды,
Как пес избитый,
приволокся.

Зло

– *Что такое зло?*

– *Черный кит.*

Ответ ребенка

Оно, как все мы, дремлет, спит.

Оно со сплетнею летит.

Оно по-заячьи бежит,

Оно по-лисы говорит.

И, как шатун-медведь, кричит.

И, словно сытый волк, молчит.

Нет, друг мой,

Зло не черный кит, –

Кит мирный в океане.

А зло, а зло – мы сами.

* * *

Меж сосен светится огонь заката,
Река усталая покоем рада.
И дышит облегченно луговина:
Не стало гула, запаха бензина,
И появились из тумана кони.
Мы нынче все уходим от погони.
За нами мчат жестокость, ложь, измена.
Не дай-то Бог нам
испытать их плена!

Моя деревня

Здесь у кедров голос древний
И душничка на лугу.
Карагаево – деревня
На песчаном берегу.

Голубичный лес за полем,
Справа – озеро Туман.
В сердце воля,
в далях воля,
Как же здесь не быть стихам.

Потому народ певучий,
Сказочник и ворожей.
— От частушки тает туча, —
Шутит дедушка Тимпей.

Ты у солнышка узнай-ка,
В день какой придет весна?
Балалайка, балалайка –
Пети Шилова струна.

Настежь звонкое окошко.
Эй, вали сюда, народ!
Никанор берет гармошку,
Устя пляшет и поет.

Что ни дом – одни таланты,
Что ни бор, то благодать.
Земляки – мои атланты,
Вам бы жить да поживать.

Но в период укрупнений
Неразумнейшим пером
Тысячи таких селений

Были списаны на слом.
Слезы, слезы –
 гнев наш чистый,
Слезы вылились до дна.
А ханжи и карьеристы
Получали ордена.
Нет тебя, моя деревня,
Нет боров, река тиха.
Голос кедров мудрых, древних
Стал тревогою стиха.

Вечный бой

Глаза земли задумчивы и кари,
А щеки в конопушках земляник.
Поляна детства мне раздумье дарит,
И к ней душою

я сейчас приник.

Там – голоса.
Я чую запах гари.

Гранаты рвутся,
Вечный бой идет.

В горячих бликах

близкого пожара

Отец в атаку поднимает взвод.

Ты оглянись, отец,

и я запомню

Твои черты,

ведь я не помню их.

Скажи о том солдатам запыленным,

Чтоб я запомнил и солдат твоих.

Но вы спешите.

Голоса стихают.

Я поднимаю голову –

Вокруг

Оранжевые бабочки летают,

Глухарь смешно оттачивает звук.

Мир на земле.

И нету выше блага,

Чем это – слышать небо и траву.

Во всей стране

жива отцов отвага,

И потому, наверно, я живу.

Прощанье

*Мансийской сказительнице
А.М. Коньковой*

Они кружили и прощально пели.
Как на детей,
 Вы смотрите на них.
Болотных ягод птицы захотели,
Ведь этих ягод нет в краях чужих.

Берет седой вожак багрянец клюквы.
Живителен ты, сок родной земли!
И к небу длинно вытянулись клювы,
Готовы в путь далекий журавли.

Вы молча плачете, богиня леса.
Вы понимаете их стон и речь.
И нам бы надо
 от сует отречься,
Чтоб нежность осени
 в душе сберечь.

Взмахнули птицы крыльями над вами.
Вы долго машете платком вослед.
И верите Вы, верите с лесами,
Что не найдут их в небе
 стрелы бед.

* * *

*На морозной улице я встретил девушку,
чем-то похожую на озябшую птичку.*

От автора

Ты словно подмороженная птичка,
Которая сложила крылья,
чтоб
По давней и спасительной привычке
Нырнуть, как в шубу белую,
в сугроб.

Ты испытала первую измену.
Ты на людей глядишь исподтишка.
О, как вернуть восторженную веру,
Когда в душе огнем горит тоска?!
Сегодня не найти тебе участия
Ни у друзей, ни даже у небес.
И только мать...
В ее волшебной власти
Согреть тебя,
поднять упавший крест
Твоей Судьбы:

«Держи, моя родная,
И помни – праздник жизни впереди...»
И девушка идет, как верба мая,
И тает лед безверия в груди.

* * *

С годами улетает смех
И беспричинный, и веселый.
Ну, а пока звончее всех
Смеешься ты в десятой школе.

И мама сердится порой:
«Эх, ветер в голове гуляет...»
У дочки возраст золотой,
Неужто мать не понимает...

Вы слышите счастливый смех?
Она смеется –

детства голос.

Ей отзовется с неба стерх,
Ей улыбнется в поле колос.

Но где-то будущий жених
Уже о ней, веселой, судит.
И потому, что робок, тих,
Он именно ее полюбит.

И станет вскорости она
Его женой
на удивленье
Рodne, друзьям и воскресенью.
Да, парадоксов жизнь полна.

Она у жизни на виду,
Мужчины дарят ей вниманье.
И муж ревнивый красоту
Жены
бросает на закланье.

Обиды, ссора и тоска.
Куда ж ты делся, смех счастливый?
И стало больше слез у ивы,

Теряют краски облака.
Все реже снится дивный сон:
Она смеется,
 полдень ярок...
О, смех счастливый!
 Люди, он –
Природы редкостный подарок.

* * *

Вчера подруге заявила:
 «Останусь скоро я одна...»
 Сегодня вазу уронила, –
 И суетлива, и бледна.
 Так что же все-таки случилось?
 Дашь вечером, дружок, ответ.
 А сердце из груди просилось
 Впервые так... за сорок лет.
 И, дав фантазии раздолье,
 От подозрения устав,
 Я вдруг увидел в далях поле,
 Себя, ее в разливе трав.
 Я рвал цветы,
 дарил их нежно –
 Жених восторженный, смешной.
 И осенило:
 где же, где же
 Порыв тот самый дорогой?!
 И вот я скучный, неуклюжий
 Беру в атаку телефон:
 – Нужны цветы! Букет мне нужен!
 Да, да, я заново влюблен.
 Моей волнующей заботой
 Таежный город сутки жил...
 Когда она пришла с работы,
 Конечно, я спокойным был:
 В квартире розы юга жили.
 Не верю сам –
 вот отчудил!
 Она сказала тихо, мило:
 – Я думала... ты разлюбил.

Искушение

О, дикий мир! –
и ложь, и драки.
Где утешение найти?
И хочется от скорби плакать.
Зовет знакомка: «Приходи».
Пришел.
Она сидит, балдея
От запаха дурман-травы.
Соски, рябинками краснея,
Не признают ее вины.
А между ними, как в тумане,
Гляди-ка, крестик золотой.
– Неужто в Бога веришь, Таня?
– Ты почему такой смешной?
И, распахнув ворота рая,
Она с груди срывает крест...
Да разве я шепчу: «Родная...»
Не я,
А мой лукавый бес.
И я лечу в проклятый омут
Страстей, и стонов, и огня.
Дай Бог мне выбраться живому!
Эй, люди, кто спасет меня?!
Хохочет бес мой окаянный:
Спасайся сам – его слова...
А Таня спит с улыбкой странной,
С улыбкой злого торжества.

Позиция

Мои стихи – мое спасенье
От равнодушия, смиренья
Перед враждой и суетой.
Мои стихи, идите в бой!
Мои стихи – мое паренье,
Мое духовное боренье.
Бываю нищ, бываю слаб,
Но не ужился в сердце раб.
Знай, человек, твое спасенье –
В дороге самовосхожденья.

Прозревший сторож

Осенняя ночь подозрений.
Кругом воровство и грабеж.
И сторож Мотыгин Евгений
Имеет берданку и нож.

Он знает —
 в складских помещениях
Товаров любых — завались.
Воруют их зло, вдохновенно —
Такая уж, видимо, жизнь.

Казенного парню не жалко,
Коль могут – пускай волокут.
А рядом в ограде овчарки
От злобы штакетник грызут.

Стоит он под лунной березой,
Струится с ветвей листопад.
И сахарно-белые росы
На грешную землю летят.

И сторожа вдруг озарило
Вопросом под стоны ветвей:
«Какие же темные силы
Владеют сознанием людей?!

Запоры, овчарки, капканы –
Орудия мести людей.
И с пушками бродят паханы,
Насилуя даже детей.

Да что ж я стою оробело?
Зачем я ворюгам служу?»
И сторож отчаянно-смело
Родимое вскинул ружье.

И стал он палить по фигурам,
Уверенно грабящим склад.
Из темени зоркой и хмурой
Ударил в ответ автомат.
И все же последнюю пулю
Мотыгин удачно послал, —
Затишье вокруг наступило...
А сам он на землю упал.

Маскарад

*Светлой памяти полковника милиции
Тюменцева Анатолия Николаевича*

Опять подарили мне звезды рисунок –
Оранжевый обод вокруг кедрача.
И словно гитарные рыжие струны,
Натянуты в небе три звонких луча.
Небесный художник вручил мне начало –
Великой картины достойный запев.
И мне дописать ее время настало.
Но нет вдохновенья.

Есть праведный гнев.

Я кисть поднимаю.
Я в траурных красках
Сейчас распишу подлецов и ханжей.
Работай, душа!
И зловещие маски
Явились, запрыгали вместо людей.
Я много узнал за потешной гримасой.
Фальшивые люди, свой грех не тая,
Себя утешали разнузданной пляской.
Ушли с полотна и кедрач, и заря.
И дрогнуло сердце от черной картины,
И выпала кисть –

наказующий крест.

Хозяйничать стали обратные силы –
Себя объявил императором Бес.
В руках моих гневная кисть оказалась.
Взмахнул я –

и брызнули света лучи.

И стала опять маскарадной зала,
И приняли вид добряков

палачи.

Вчерашний раб

Тирана нет.
 И раб вчерашний
 Поспешно занял трон пустой.
 И вот уже –
 и жест монарший,
 И взгляд холодный и немой.
 Но, зная,
 что не продержаться
 Ни дня без этих вон трудяг,
 Он начинает притворяться,
 Всем дарит именной пятак.
 Он обещает людям блага,
 Речами, властью упоен.
 Горит, как рана,
 чувство страха
 Уже за свой державный трон...
 Предав доверие народа,
 Он сгинул,
 как звезда в ночи.
 Впредь
 не спеши с вождем, Свобода,
 Ищи достойного, ищи.

Толпа

Безумие искрами тлеет в толпе.
Достаточно с факелом выйти тебе –
И выплеснут злобу кричащие рты,
Свирепо взметнутся ножи, топоры.
И станут слепые безумцы терзать
Ребенка, и старца, и скорбную мать.
Раскаянье слезное будет потом.
Но... сердце уже опалено огнем.
И матери сына уже не вернешь.
Не стоит прощенья виновного дрожь.
Бездумный осколок

бездумной толпы,
Достоин проклятия вечного ты!
Как часто мы видим сегодня толпу,
Несущую слезы, разлуку, вражду.
Ревела толпа в Фергане и Узгене,
И в Степанакерте, и горных селеньях,
Ревела в Баку, в Ереване и Оше...
Опомнитесь, люди! О Боже, о Боже!
И снова крикливую вижу толпу.
Сегодня свою испытаю судьбу.
И встал я у этой толпы на пути
С младенцем и книгой, прижав их к груди.
– Вы держите камни? – спросил я людей. –
И ваше богатство – удары камней? –
И каждый невольно на руки взглянул,
Опомнился, видно, и тяжело вздохнул.
И вспомнил о доме – опоре судьбы.
«О, будь же ты проклят – мой камень толпы!»
И выпали камни из рук.

И душа
У каждого плакала, суд свой верша.

* * *

В предгрозовом тумане вижу:
Мартынов поднял пистолет.
И тишина такая... слышу,
Как облака меняют цвет.
И выстрел.

И поэт упал.
И грома, и дождя обвал.

И этот ливень грозный, долгий
И наши всколыхнул сердца.
А это кто угрюмо-скользкий,
Мелькает тень его лица?
Мартынова забытый лик,
Его сегодняшний двойник.

Да, мир сегодня стал хитрее,
Ловчее и коварней стал.
Где правда? Где туман елея? —
Повсюду масок карнавал.
Но за красивой мишурой
Таится враг и твой, и мой.

Прочь равнодушия застой!
Дуэль сегодня нам нужна,
Дуэль во всем обнажена.
К барьеру, подлость, клевета!
И... тишина, и как тогда —
Предгрозовая высота.

День боренья

На снега
Льют дожди проливные,
И кедрач до хвоинки промок.
И веселые сказки лесные
Приютил затуманенный лог.
Вы беспечны, апреля поверья,
Но суровы посланники тьмы.
В стане мокрых и зябких деревьев –
День боренья Весны и Зимы.
И от чувств не уйти обнаженных –
И надежды, и правды души.
Ходят тени в лесах отдаленных –
Это тени коварства и лжи.
И ветра холодами пугают.
Но гляди:

над полками вершин
Тучи тают, и тают, и тают,
Высветляя кочующий клин.
И увидела зоркая стая, –
Этот миг я забыть не смогу, –
Снег последний рассыпчатый тает
В голубом и веселом логу.

Одинокий поручик

Развевались дымные тучи
Над полем вражды и стрельбы.
Стоит одиноко поручик –
Осколок пехотной цепи.

Над полем морозно и ясно,
Березы у поля стоят.
К последней атаке на красных
Готовится белый отряд.

Стоишь ты задумчиво-тихо.
Перчатки в морозной пылице.
Закручены усики лихо
На смуглом красивом лице.

Ты думаешь: «Как совершенны
Березы в январском цвету!
Забыли мы в схватках смертельных
Природы родной красоту.

Не дикость ли это?!
Довольно
Об этом судить и рядить!
России воюющей больно,
Но некому нас рассудить».

И будет атака. Перчатки
Ты бросил на розовый снег.
И топот слышал солдатский...
Прощай, мой расколотый век!

За полем тайга почернела.
Снега, как ромашки, цветут.
Идете вы в белых шинелях,

А красные
в красных идут...

И лес расступился дремучий.
Живые, спешите уйти!
Лежит одиноко поручик
С наганом,
прижатым к груди.

Батька Махно

Охранная сотня у штаба гарцует,
Нарядно от белых папах.
А сотня вторая пирует, шикует,
Гармони висят на плечах.

Махно свое войско
поднял нынче рано.

Он в думе стоит у окна.
«Однако, Советам устрою я баню...
У них предо мною вина...»

И видит он мысленно конные лавы.
Ведет их в атаку он сам.
И красных и белых считал за отраву
Для жизни свободной крестьян.

Угрюмая сила стихии крестьянской
Сегодня во власти его,
Лихого – с душой одинокой – повстанца.
Жестокоего батьки Махно.

Он вдруг улыбнулся.
Он принял решение
И дверь распахнул кулаком:
«Орлы мои! Славит народ воскресенье.
И мы в своем Поле гульнем!»

Рванули гармони всюду гармонисты,
И грянула песню орда.
И снова от этих крестьян голосистых
России качалась судьба.

Сталин

*...Долго я томился и страдал.
Где же ты, моя Сулико?..*

Из грузинской народной песни

Этот мотив, до вершин вознесенный,
Сутью своей будоражил его.
«Где же ты? Где?» – он шептал удивленно
И, одинокий, страдал глубоко.

Частыми были такие мгновенья.
В юности, право же, кто не мечтал.
Но уж тогда,
на заре потрясений,
Он свою силу от воли познал.

В ссылках он души людей научился
Распознавать.

как гонимый абрек.
Рано он верой в себя утвердился,
Рано воскликнул: «Ой, слаб человек!»

Стала желанною власть-диктатура,
Он за нее не щадил никого.
И уроженку глухого аула –
Редко уже вспоминал Сулико.

Он – властелин, полководец, учитель.
Брови нахмурит –

и люди дрожат.
«Ты почему же народы обидел?» –
Робко спросила однажды душа.

Вздрогнул. Вздохнул.
И вокруг огляделся.
Тихо. Бушующий мир далеко.

Словно свеча, тот мотив загорелся:
«Где ты? Приди же ко мне, Сулико?..»

Брали сомненья.

Ходил, рассуждая:
«Лишь краснобаям домашним везет...
Нету на свете ни ада, ни рая...
Вечное? Это вожди и народ...»

Он умирал тяжело, одиноко.
И доносилось к нему издалека:
«Где ты? Спеши. Это я, Сулико...»

Маршал Жуков

Приснилась Божья Матерь на амвоне
Ему в тот страшный сорок первый год.
И диво –

чудотворная икона
Вокруг Москвы свершила свой полет.

Жила страна в немыслимой тревоге
От поля, от штыка и до пера.
И маршал молвил на рассвете: «С Богом!
В победную атаку нам пора».

С парада – в бой.

Шли в белых маскхалатах,
Как ангелы, в одеждах белых шли
Российские бесстрашные солдаты
В морозной и сияющей пыли.

Москва за ними – в озаренье алом,
Святой Георгий в небе на коне.
И думал о войне товарищ Сталин.
А маршал Жуков думал обо мне, –

Чтоб мой отец живым в леса вернулся,
Чтоб миллионов не было сирот,
Чтоб враг металлом нашим захлебнулся.
И...танки открывали наш поход.

А впереди – руины Сталинграда,
Орел и Минск, Варшава и Берлин...
И в роли величайшего Солдата
Он, Жуков, был воистину один.

Брежнев

Награды страны превратил он в забаву.
Устал под конец от потех и утех.
Не ведал, что власть —

это тоже отрава.

Он этой отравы напился за всех.
То мнилось ему,

что сидит он на троне,

То в мыслях-мечтах над планетой парил.

Он был ежечасно за славой в погоне

И этим Державу до боли смешил.

Толпа подхалимов кремлевских успешно

Лепила для нас, простаков, божество.

И вешала звезды Героя поспешно,

И славила денно и ночью его.

А Брежнев не думал о славе Державы,

И гибли навеки поля и леса.

И люди, его проклинавшие, правы:

«Возьмите генсека скорей, небеса!..»

* * *

Не приходи сегодня, гений,
В наш мир жестокий и глухой.
Не приходи для унижений
С неукрощенной строкой.

Кругом вражда.

И гаснет вера,
И гаснет нравственности свет.
Мои уставшие деревья
В туманы кутает рассвет.

Случилось! –

Люди, словно тени,
Умолкли в рощах соловьи...
О, нет!

Спеши скорее, гений,
Для мук,
для правды,
для любви.

* * *

*– У нас нет пророков.
– А откуда им взяться
при такой кутерьме!..*

Из разговора

Пророки есть.
Но их не видно
В базарной суете людей.
Пророки есть.
Но их не слышно
Из-за крикливости ханжей.

Чтоб жизнь познать,
они, пророки,
Идут не гладким большаком –
Идут обочиной дороги
По травам колким
босиком.

На большаке –
столпотворенье:
Ура кричат, и медь звенит.
А где же мыслей вознесенье?
Душа молчит...
Душа молчит.

* * *

– Наша граница на замке!..

– Она ведь не изба...

Из разговора

Да, граница не изба
С тишиною у порога.
Есть у ней своя тропа,
Есть железная дорога.
И река, и море есть.
Даже ветер осторожен,
Сторонится этих мест:
Вдруг он будет огорожен.
И на этой, и на той
Стороне –

живые люди.

И карающее «Стой!»
Одинаково по сути.
Только странно –

нынче «там»

Злу дана большая воля.
Зло вовсю стремится к нам
Взять «свое»

уже без боя.

Дрогнет слабая душа
От наркотиков и денег
И, ничем не дорожа,
На чужой прошмыгнет берег.
И опасна похвальба:
На замке моя граница!
У врага своя тропа,
И она в уме таится.

1998 г.

Новая встреча

Ты снова зовешь меня, розовый мак.
Послушен я тайному зову.
К тебе тороплюсь.

Ты, наверное, маг:
Есть чувство пьянящее в слове.
Я в детстве запомнил красивым тебя.
Потом мы расстались надолго.
Меня привечали морские края
И волны Урала и Волги.
Я рад, что позвал ты на встречу меня.
Спешу –

словно детство увижу:
Рябины под окнами дома-жилья,
Скворечник, тесовую крышу.
Но где этот дом?

Предо мной особняк,
Роскошный, мудреный и яркий.
К чему торопился на встречу, чужак?..
Желал я иного подарка.
Тебя я увидел в ограде большой,
Стоял ты крикливо-нарядный.
И люди согбенные перед тобой
Стояли у края ограды.
Чего они просят, старинный мой друг?
Презрительно ты улыбался.
Хозяином их унижений и мук
Ты стал, –

я о том догадался.
И вот мы одни.

Ты, как прежде, красив.
Видать, берегут тебя в доме.
И вышел оттуда, и зол, и криклив,
Детина по морде знакомый.
«Здесь нечего делать тебе! Уходи!
Гостей я других поджидаю».
Мой розовый мак! Стало больно в груди.
Прощай! Я тебя понимаю.

Фанагорийцы

*У великого полководца А. В. Суворова
Фанагорийский полк в его армии
был любимым.*

Примечание автора

Когда казалось – крах, конец,
Фанагорийцы шли в атаку.
И сыпался дождем свинец
На непреклонную отвагу.
Стеною шли –

плечом к плечу,
Штыки сверкали, торжествуя.
О, Боже, ты поставь свечу,
За этих воинов ликуя.
И если кто-то умирал,
Свинцовой пулею

прозенный,
Шеренги он не покидал,
Он лишь винтовку опускал,
Валясь на землю отрешенно.
Шли сквозь картечь.

И видел враг –
Полк гренадеров не редееет.
И враг кричал: «Спаси, Аллах!
Спаси от гибели скорее!»
Но приближались к ним штыки,
И белый всадник –
сам Суворов.

Ура! – и в панике враги,
Знамена брошены с позором.
Окончен бой.

Костры горят.
И песни рвутся в даль Вселенной...
В те годы – люди говорят –
Была Россия вдохновенной.

1998

Тамань

К тебе, столица

Когда-то я спешил к тебе, столица,
Была ты шумной славою страны.
А нынче ты – огромная больница,
Где москвичи измученно-больны.

В сердца людей вселились боль и смута.
Громадный город – беспощадный спрут.
Здесь корни мафий, заговоров, блуда,
Здесь в высших кабинетах вечно врут.

Витают страх повсюду.

Зябко. Душно.

Для рэкета всегда добыча есть.
Столица, ты –

те самые конюшни,
Которым нужен новый Геркулес.

Мое спасенье –

здесь я ненадолго.

Уже я болен. Дума горяча.

Но, слава Богу, есть Сибирь,

есть Волга

И есть костер в долине кедрача.

* * *

Ночь бессонная —
ни звезды.

И душа, словно ива стылая.
Я прошу тебя:

ты приди,
Моя девочка, моя милая.

Как подснежник приди ко мне,
Удивляя апрельской свежестью...
Трудно путнику по стерне
Вдаль идти против ветра и снежности.

Трудно в жизни мне одному.
А дорога такая скользкая!
И, наверное, потому
Ошибался, родная, столько я!

Буду искренним.
Сердце вот —
Белый парус над шаткой лодкою,
В бурю ветром сдуло его,
Подружился я крепко с водкою.

И не без душевных помех
Я покинул дорогу шальную...
Слезы, слезы —
мой первый снег.

Землю прадедов нежно целую.
И сегодня пою опять
Свои песни от звонкой радости
И за весны,
и за тебя,
Что не знаешь ты горе-слабости,
Те, которые я прошел.
Те, что в сердце зарубки оставили.
Так приди же ко мне, —
Хорошо,
Белым утром с лучами алыми?..

Явление Нерона

О люди, мы куда пришли?!
Кругом бездумное веселье,
Обман, распутство и безделье...
Нерон хохочет издали.

«Вы в Рим пришли! – кричит Нерон. –
Вам тоже надо зрелищ, хлеба
И грозовое, в тучах небо.
Вам нужен грех. И я польщен.

Я буду искренним. Глупцы,
Вы вновь монарха захотели,
Чтоб на потеху вас раздели.
Да будет так. Эй, кузнецы,

Побольше копий и цепей
Для этих вот смешных людей!
О, сколь столетий миновало!
Но ты, толпа, умней не стала!»
(Хохот Нерона.)

Первая августовская ночь

Ночь... это всегда тайна.

От автора

В эту ночь не каркнет ворон.
Пауты на ветках спят.
Ну, а жулики и воры
Эту ночьку костерят.
Как ни странно, их пугает
Настороженность и тишь.
Это, мол, не воля в мае,
В ад сегодня угодишь.
Мол, в такую темень только
Водку пить до хрипоты.
На шести стаканах горьких –
Тени – черные кресты.
Ночь измен и ночь прощаний,
Ночь смятенности души.
«Не молчи, как в наказанье,
Слово хоть одно скажи...»
Но рука твоя ласкает
Умоляюще –

молчи.

И навеки оставляет
Одного меня в ночи.

* * *

Неужели сегодня расстанемся
Мы с тобою, мой друг, навсегда?
Неужели душа –
 моя станция –
Вдаль отправила все поезда?..

К мужчинам

Я этой просьбой огорчен:
Отвагу, время, дай мужчине!
Стал равнодушным нынче он,
Он с головой стоит повинной.

Убили, видно, смелость в нас
Вранье и вздорность бюрократов.
Стоим не поднимая глаз,
А рядом бьет подонок брата.

Мужчины, выйдем за порог
С душою гордою и чистой!
И нас на равных встретят Блок,
И Лермонтов, и декабристы.

Пора нам бросить вызов свой
Всему и всем,
кто нас порочит.

Есть искупленье,
это – бой,
Он дело правое возносит.

1987

Залетная

Ей 35. Она в расцвете.
 Напропалую лжет и врет.
 Зачем ей муж?
 Зачем ей дети?
 Лишь для себя одной живет.

У ней свой вид на зло и счастье,
 На передраги бытия.
 «Меня обманывали часто,
 Теперь обманываю я».

Назначив на день пять свиданий,
 На встречи эти не придет,
 Она шестого в ресторане
 Для удовольствия найдет.

Она вписалась в быт столицы,
 Имеет деньги и уют.
 Ее неверною девицей,
 Ее залетную зовут.

И что ей надо, этой Любе,
 Самой обманутой вчера?
 Мужчины денежные любви,
 Хмельные любви вечера.

Откуда это злое семя?
 С какой пришла она межи?
 Ее родило наше время,
 Родил посев житейской лжи.

Дума злого духа

Что задумался, Комполен¹,
На болотной кочке?
Может, ты сегодня болен,
Простудился ночью?
Топнул дух ногой лосиной,
Кочки в топь осели.
Аж до стаи журавлиной
Брызги долетели.
«Думу думать не мешайте!
Но о чем я мыслю – знайте!
Праздник, праздник скоро будет,
Праздник мой желанный:
Ссорятся повсюду люди,
И враждуют страны.
Ссорьтесь, ссорьтесь, вот потеха!
Коль умру – умру от смеха.
Жадность, зависть и наветы,
Воля вам – от века.
Где же, где же вы, поэты –
Судьи человека?!
Вот и стало мне вольготно.
Низменные страсти,
С вами я живу свободно,
С вами мое счастье».
Зло везде Комполен сеет,
Жить иначе не умеет.
И когда с болот шипучих
Воет ветер лютой,
Копит дух свирепый тучи, –
Знайте это, люди.

¹ Комполен (*манс.*) – злой болотный дух.

* * *

Что делать с нежностью души?
Что делать мне с моим пророком,
Когда порок вранья и лжи
Уж не считается пороком?!

Что делать совести моей,
Когда подонок рвется к власти?!
Он наяву считает счастьем
Обманывать всю жизнь людей.

Что делать? —

МИЛЛИОНЫ ДУМ

У миллионов честных, правых...
Поэт впервые стал угрюм,
И – боль в его глазах усталых.

Пожар

*В 1984 году в поселке Мортка
Тюменской области случился сильный пожар.
Начальство леспромхоза оставило поселок
на волю огненной стихии.*

От автора

Мы ковры расстилаем порой для бахвальства.
Ну а дела коснись –

то ошибка, то брак...

По две шубы надев, удирает начальство.

– Да, куда ж вы?! – кричит бензопильщик –

чудак.

А поселок горит. Занялась пилорама.

Жаркий ветер слезу вышибает из глаз.

– Наша школа в дыму!

Стойте, папочка, мама! –

Крик из розовой «Нивы» взлетел и...

погас.

Уезжайте!

Сегодня без вас обойдется

Терпеливый, послушный до срока народ.

Все равно в этом гвалте и пекле найдется

Тот,

который навстречу огню позовет.

Кто-то трактор повел на горящие кедры,

Их тесня от построек к болотной воде.

Это были те самые первые метры,

Те, которые путь преградили беде...

А назавтра начальство вернулось в поселок.

Были стены и воздух еще горячи.

И спросила отца

дочь у рухнувшей школы:

– Почему ты сбежал?

И в ответ:

– Замолчи.

Исповедь сатанинской ночи

Ночь.
Добро и зло извечно
За нее ведут борьбу.
Ночь возносит.
Ночь калечит.
Ночь приносит глухоту.

Если ночью злые силы
Брали верх –

пошла резня.

И в крови невинной были
Двери каждого жилья.
Если ночью осиянна
Добротой

луна плыла –

Ночью не было обмана,
Ночь любила, ночь цвела.

– Ночь, кому ты служишь ныне?
Отвечает:

– Сатане.

Кровь от страха в жилах стынет
У людей.

Приятно мне.

Режут сербов.
Слышишь стоны
Терпеливых христиан?..
Скоро станут резать, помни,
Православных россиян.

– Мне невмочь от этой жути.
– Нет, ты слушай, словно стих:
Как глупы, наивны люди!
Как легко поссорить их!

В этом... так и быть, доверюсь, –
Сатана признался сам.
Мол, чумою станет вера,
Превращу людей я в срам...

– Расскажи-ка, очень важно,
Ты об этом Сатане.
– Он совсем-совсем не страшный,
Даже симпатичен мне.

Видишь ты его с рогами?
Глупость.

Все наоборот.
Но за дальними морями,
Это верно,
он живет.

Хочет быть он властелином...
Вот и думай, что к чему.
Ну, прощай.

Я – к господину.
Нынче я верна ему.

О зависть, спутник человека
На всю судьбу, на все года!
Его бездумная утеха
И привнесенная беда.
Вот человек...

тишайший вроде,
Он не хапуга и не мот.
Но зависть в сердце колобродит,
Ему покоя не дает.
И... пишет он тогда доносы,
Чтоб злое чувство утолить.
Людей невинных льются слезы,
Им стало горше в мире жить.
О, эта зависть, зависть труса,
И карьериста, и ханжи
Кружит с назойливостью гнуса
Над полем праведной души!..
Я с человеком благородным
Готов и петь, и хлеб растить.
Мы с ним без зависти, свободно
Живем,
и долго будем жить.

Мятеж зодчих

В стране давно нет архитектуры...
Из разговора

У наших зданий нет полета,
Они угрюмы, тяжелы.
И в зданьях у людей забота –
Достать дубовые столы.

Нет мастерства и вдохновенья
На стройке с лозунгом «Скорей!..»
Живут далеких дней творенья,
Извечно радуя людей.

У мастеров закон и право –
Творить от сердца, от любви.
Спас на Крови –
храм величавый,
Молюсь на купола твои.

Творенья рук –
как вызов Богу,
Как вознесение души.
Зовут ослушника в дорогу
И храм Софии, и Кижии...

Я слышу реквием порталов,
Звучит симфония колонн.
И флейты белоснежных залов
В сердцах рождают сладкий сон.

Душа поверить не хотела,
Сейчас поверила мечте.
Природа зодчему велела
Служить навечно
Красоте.

Барсук

Смотрел ли вам в глаза седой барсук?
Так смотрит Смерть, натягивая лук.
Он словно человек и дьявол тьмы,
Глядит –

и веет стужею зимы.

Невольно дрожь проходит по спине,
И хочется бежать скорее мне.
Он тайну ночи –

в истину поверь –

Таит в себе, ночной сторожкий зверь.
Когда устанет ерничать сова,
Когда уснут зорянки и трава,
Барсук выходит из норы своей
С дыханьем смерти на концах когтей.
О, надо видеть в этот час его!
В глазах мерцает злое торжество.
Он запахи живые ест и пьет,
Он тренирует свой всеядный рот.
Вперед к добыче!

Зашумел пырей,

И... заработал телеграф корней
И, зверем потревоженных, ветвей.
Позывы эти сеют страх, испуг:
Проснитесь же скорей! Идет барсук...
Спешат лучи зари на крик и стон.
Барсук вернулся.

Погрузился в сон.

Ограда

Какая ограда! – колючка, столбы –
Опора железная хмурой судьбы.
И, ростом с теленка, молчит волкодав,
Он смотрит магнитно, он словно удав.
В ограде Антон Перекладин живет.
Он книг не читает,

он их только рвет.

Он свой телевизор в щепу превратил:
«Отец мой без энтовой громкости жил!»
Ушли от Антона жена и дитя.
Он знает ограду, собаку, себя.
Он, сторож конторы, пример подает:
Он не прекословит, не курит, не пьет.
В конторе с почтеньем о нем говорят:
«Такой бы сегодня к нам шел молодняк!
Ну что здесь такого, что свой особняк?
Что книг не читает? Он просто чудак.
Смущает нас только вот эта ограда.
А может, она нелюдиму – отрада?»
Я с этой конторою спорить не стану,
Иначе себя уважать перестану.
Идет Перекладин с собакой домой
От мира –

в мирок свой запретный, немой.

Сомнения Весны

Осинник мой в сиреневом дыму.
Апрельские озера в синих латах.
И вдоль ручьев бредут по одному
Шальные гуси,
и снежок на лапах.
Как трудно, Русь, идет к тебе Весна, –
Ей горько видеть склоки и раздоры.
И не спешит
льды расколоть она
И зеленью украсить косогоры.
Весны сомненья –
это зябкий снег,
Весна теряет веру в человека.
Неужто этот самый человек
Лишь будет жить для крови и для смеха?
Вон люди, превращенные в толпу,
Уже швыряют камни на дорогу...
И вместо зелени в апреле –
все в снегу.
И гуси ввысь взмывают,
словно к Богу.

Спор

Мой друг сказал: «Я музе верен».
Ему в ответ: «Ну, что с того?
Ты нереален, брат, без денег,
Без них ты для меня никто.
Вот у меня машина, дача,
Всем обеспечена семья.
И деньги, деньги...

Это значит –

Что захочу –

все у меня.

А у тебя стихи.

Стихами

Не будешь сыт, сколь ни кричи».

Поэт молчал.

Сверкнул глазами,

Скрестились спорные мечи.

«Тебя не удивишь стихами,

Голубизной еловых лап.

Ты и во сне живешь с деньгами,

Ты этих денег ловкий раб.

Жируй на Кипре, на Канарах,

А я поеду на Байкал.

И там сосновую хибару

Построил я меж ярких скал.

Живу в согласии с лесами,

И с небесами, с рыбаками.

Тебя я не клянупу, банкир.

Живу вселенскими стихами,

И значит –

мне подвластен мир».

Андрей
ТАРХАНОВ

Ветер вечности

[Избранные
[стихотворения]

Андрей
ТАРХАНОВ

Ветер вечности

[Избранные
стихотворения]

Дума о дальнем

*Памяти замечательного человека
и писателя В.С. Пикуля*

О, первый запах трав и почек,
И горьковатый дух земли!
И сердце снова в небо хочет,
Туда,
 где плачут журавли.

Здесь, у гостиницы «Россия»,
У стен Кремлевских на виду
Гляжу с улыбкою мессии
На иностранную толпу.

Она галдит, она хохочет.
О чем ей, собственно, тужить!
Своей раскованностью хочет
Нас удивить и покорить.

Но... не понять ей нашей думы.
Уж таковы мы по судьбе, —
Поют о мире наши струны,
Лишь забывая о себе.

И я, мятежный сын Природы,
Как Достоевский, жив мечтой —
И небеса, и все народы
Спасутся только Красотой.

Стерплю за веру оскорбленья.
Но я боюсь за тех людей,
В ком нету чувства вознесенья,
В ком нет любви к земле своей.

* * *

Пойду к отцовской роще дикой
И припаду к коре щекой, —
И снова стану я великим
Перед Природой и собой.

О, этот хмель зеленой власти!
О, животворная хвоя!
Здесь, как Андрий перед Тарасом,
Жестокость падает моя.

Судите, хайте отчужденно,
Но я вам честно говорю:
На свете есть одна Икона,
И я ее боготворю.

Майское половодье

Ивы тонконогие бредут.
Плакать бы –
 не видно будет слез.

Облака зеленые плывут –
Кроны удивительных берез.

Разгулялась матушка-Природа,
У нее сейчас свои творцы.
Это буйство в сердце у народа,
И народ с Природой – Близнецы.

Взаимосвязь

Все звуки мира тянутся ко мне.
Я слышу – треснул камень на Луне.
На Марсе,

где когда-то жизнь цвела,
Сегодня буря рыжая прошла.
И стало душно сердцу –

и во сне

Увидел крокодила на сосне.
Однажды ночью гром меня позвал.
По озеру ходил сердитый вал.
И молнии кричали на меня.
Сгорел амбар шайтанский – понял я.
Назавтра дом отцовский запылал.
На пепелище молча я стоял.
Не уберег амбар –

пришла беда.

Да будет новая в миру изба!
Теперь читаю свято молний вязь.
Как велика, тонка взаимосвязь
Деревьев, звезд, священного жилья!
Она и есть основа бытия.

Закат

Желто-светлый закат –
Привилегия Севера
И душистого клевера.

Желто-светлый закат,
В детстве мы тебя видели
Из отцовской обители.

Как клевали ерши
Под закатное пение
И совиное бдение!

Желто-светлый закат,
Ты есть космоса таинство,
Знак душевного равенства

И поэтов и гроз,
Лунных гор воспарение
И заката свечение.

Сын гармонии

*Татан Шандору,
венгерскому писателю*

Над Балатоном нынче дождик –
Сиренево-прозрачный дым...
И садовод ты,
и художник –
Гармонии грядущей
сын.

У дома виноградник, сливы,
Они зовут, стучат в окно.
Уже неделю терпеливо
Ведешь строку –
свое письмо.
В твоем лице – порывы ветра,
В твоей душе – своя страда,
И руки, словно корни кедра,
И взгляд небесный от Христа.
Над Балатоном стихнул дождик,
И стало небо молодым...
И садовод ты,
и художник –
Гармонии грядущей
сын.

* * *

Мой внук заплакал:
Он впервые встал.
Один, без мамы, в грозный мир шагал.
Мир страшно удивился:
«Как ты мал!»
Внук улыбался, плакал и сиял.
В минуту эту...
гением он стал.

Это поле

Поле детства заросло травой,
Безмятежным рослым сосняком.
Неужели никогда с тобою
Не ходили здесь мы босиком?
Неужели не цвели ромашки
Под веселой радугой-дугой?
Неужели, не боясь огласки,
Здесь не целовались мы с тобой?
Неужели, неужели, братья,
Не было ни поля, ни ее?!
Коли так –
 достойн я распятья.
Коли так –
 зачем мое жилье?!
Но качнулся лес за синей далью,
Прошептала близ меня земля:
«Дорожи, мой сын, своей печалью.
Это тоже – счастье бытия».

Горизонт

Горизонт музыкален всегда.
Он сулит и мечту, и удачу.
Шлет органнне звуки звезда.
А зарница упавшая

плачет.

Если дали закрыл снегопад,
Если нету и точки лазури –
Я тревогою смутной объят,
Я предчувствую молнии бури.
И вокруг кутерьма, а не жизнь.
Люди странной свободе не рады.
Горизонт, я прошу – покажись!
Дай просвет голубой для отрады!
Если музыки нет, то зачем
И моления, и деньги, и вина?!
Даже сплетник становится нем,
И подлец остается без сына.
Я устал, изнемог,

но иду.

Поднимается ветер с востока,
Высветляя мою высоту.
Боже, как до восхода далеко!

Ночью

На небе странный самолет,
Рожден из облачной метели.
Я слышу – он меня зовет,
Но я лежу больной в постели.
Искра сверкнула надо мной –
Недуг мой как рукою сняло.
Вселенная – наш дом родной,
Летим, – душа мне приказала.
Ты жди нас, дивный самолет,
Мы – дети риска и паренья.
О, как нам ненавистен гнет
И зло земного притяженья!
А самолет невдалеке,
Он словно звук красивый вальса.
Но я не ведал, что в руке
Цветок картофеля остался.
Он фиолетово пылал
В многострадальном огороде,
Его на память я сорвал
При неожиданном полете.
Творя языческий обряд,
Рука разжалась в поднебесье –
И грянул в душу аромат
Неповторимой нежной песней.
Как луч, растаял самолет.
Вернулся я к земному раю.
На звездный глядя небосвод,
Я об иных мирах мечтаю.

Ответ таежника

(на слова писателя С.П. Залыгина:

«У нас нет вечности...»)

О вечности опять с трибун шумят.
И эту тему мы втянули в склоки...
О вечности мои деревья мнят
И величавые в своем раздумье боги.

Когда орел в бескрайности парит,
Мой взгляд невольно в той лазури тонет.
О вечность – автор знойных пирамид!
И автор гениальнейшей иконы!

И, приобщаясь к вечности в тиши
Под звездным небом, у костра лесного,
Я выдыхаю голосом души:
И будет вечным праведное слово!

* * *

Памяти друга Володи Тырлина

Чашобный запах кружит надо мною
 Кору и прели, моха и норы.
 И над моей июльской тайгою
 Струятся в небо марева костры.
 То праздник детства:
 Я с вершины кедра
 Оглядываю хвойный океан.
 Доверчив я.
 Нежны ладони ветра.
 Сейчас себя дарю я небесам.
 Душа уже как-будто улетела
 Туда, где загорается звезда.
 И от восторга невесомо тело,
 Но по тропе
 уже спешит беда.
 Ах, что беда!
 Пою, раскинув руки,
 И вижу удивленный взгляд орла...
 То первая с землей была разлука,
 Разлука ради высоты была.

Гурзуф

Ты утром розоват, Гурзуф.
Как розовый армянский туф.
Ты подарил мне ту скалу,
Где Пушкин, словно Бог, стоял.
Спешил к нему зеленый вал.

Встречал пурпуровый рассвет,
Взволнованный зарей, поэт.
Ему сегодня снова в путь.
Вон бриг Раевского в огне
Зари
качает на волне.

Шептал поэт: «Я счастлив был.
Тебя, Гурзуф, я полюбил.
О, время, твой жестокий бег
Остановить бы на скаку!
Я плакал здесь, на берегу...»

Лучи играли в парусах.
Гурзуф останется в стихах.
Он подарил мне ту скалу,
Где Пушкин трепетно стоял,
И в честь него восход сиял.

* * *

Другу Косте Яковлеву

Лиловы лики скифов грозных
На фоне грозовых зарниц.
От этих ликов мне тревожно,
От каменно-угрюмых лиц.

Плыву я пушкинской дорогой
Из Федосии в Гурзуф.
В оранжевом огне отроги
И розово мерцает туф.

Сквозь даль я вижу бриг военный.
Был вечер.
Небосвод сиял.
И молодой и вдохновенный
Поэт на палубе стоял.

Глядел восторженно Раевский,
Его движения тихи.
Поэт читал Вселенной песни –
Свои волшебные стихи.

И море приутихло странно,
Поголубели небеса.
И скифы – розовые камни –
Открыли слезные глаза.

Они на миг глаза открыли
При свете огненных вершин.
Те слезы навсегда застыли
В канавах каменных морщин...

Плыву я памятной дорогой.
Здесь берег и суров, и крут,
Здесь скифы – каменные боги
Явления пушкинского ждут.

Ночной кедровник

Кедровник темно-сер, как порох,
Свой у него и нрав, и свод.
И всюду шорох, шорох, шорох,
В лаптях из хвои страх идет.
Для нас, сидящих на поляне,
Невдалеке от кедрача,
Мелькнет в ветвях

зарницей Тайна,

Как высверк лезвия меча.
Мы замираем в сладкой дрожи,
Явления этой тайны ждем.
Сейчас на предков мы похожи,
Впервые услышавших Гром.
А в кедраче живо движение
Зелено-желтых огоньков:
То вновь погаснут на мгновенье,
То вспыхнут углями костров.
Мы взгляда отвести не можем
От хоровода тех огней.
Мы чувствуем горячей кожей
Священнодействие ветвей.
Зарница странная с востока
Над кедрачом, светясь, прошла.
И встали мы в молчанье строгом,
К покою позвала душа.

* * *

Здравствуй, лес –
Мой врачеватель,
Мой надежный друг-хранитель,
И души моей ваятель,
А потом ее спаситель.

Тайна скорби

Доброй памяти А.И. Иванова

Дрожит осина в полдень знойный.
Неужто полдень ей не мил?
И вдруг поймешь, ошеломленный,
Как хрупок, беззащитен мир!

Как равнодушны рядом лица!
Понятна дрожь листов твоих:
Ты за людей, сестра, боишься,
За глупость и браваду их.

Я в сентябре хожу влюбленный.
Вдруг сердце крикнет: оглянись!
Парит оранжево-каленный Костер, –
Парит огромный лист.

Ты – факел, красное свечение,
Твой пепел, будто в небесах.
Да это же самосожженье! –
Горят твои и скорбь, и страх.

Казанский вокзал

Каждый день я хожу на Казанский вокзал.
Он шумит, словно в бурю разгневанный вал.
Тыщи судеб!

Коснуться бы каждой плеча,
О страданиях, о радостях миру крича.
Этот дядя все ищет,

где жизнь сахарин.
Эта бабка торопится на Сахалин.
Вся в печали она.

А в ее-то летах
Да при сыне московском –
ходить бы в мехах!

Что меха!
Ей бы сына улыбчивый взгляд.
Но любимый сыночек мамаше не рад.
Стала лишней в богатой квартире она,
И пошла на вокзал бабка Фрося одна.

Ой, Казанский вокзал! Ой, Казанский вокзал!
Ты надежд, и любви, и отчаянья вал.

Вот веселый грузин.
Вот печальный эвен.
Рядом в карты гадает цыганка Кармен.
Плачут дети, и ругань, и смех, и галдеж.
Только через вокзалы Россию поймешь.

Все куда-то мы едем, спешим и спешим,
От Карпат к океану,
Обратно – в Ишим.
И головушку склоним в безымянном краю.
Что мы ищем?

И правду, и веру свою.

Снежная симфония

Затерялась в поле ель
И береза стройная.
Ой, метель, моя метель –
Снежная симфония.
Звоны звонкие сейчас
Церковь шлет стозвонная.
Слышит путник этот глас
И моя симфония.
И заблудшему в пути
Этот звон – спасение.
Просыпается в груди
Чувство вознесения.
Ой, метет кругом, метет
Белое и черное!
Зло вороньи гнезда вьет
И ревет скоромное.
У метелицы полет –
До звезды, до космоса.
Космонавт с надеждой ждет
Праведного голоса.
И гремят колокола –
Это воля вечная.
В колокольный звон вошла
Песнь моя сердечная.
Ой, черемуха цветет
Белая и знойная.
И опять звучит, поет
Снежная симфония.

Красные камни

Как будто красные лисицы,
Лежат с прищуром на восход.
И удивленно кипарисы
Глядят на них который год.
Они из огненной метели
В дымящийся рассвет пришли.
От страха сразу онемели,
Остался в камнях крик души.
Ходили горы в танце страшном,
В пожаре пурпурных зарниц, –
То поднимались в небо важно,
То уходили с ревом вниз.
Однажды гул огня и грома
Родил горячий красный дождь...
Уютно в парке, словно дома,
Сюда ты словно в Храм идешь.
Природы сотворенье свято.
Кругом далекой бури след:
Земля багрово-красновата,
И камни сеют красный свет.
Мы нынче знаем их рожденье,
Откуда к нам они пришли.
Смотри в ночи камней свеченье,
Окаменевший крик души.

*1995, Кисловодск,
санаторий «Красные камни»*

Поющие молнии

В грозу родился в небе Храм
Дождя, ветров и грома.
Гремит торжественно орган
Над мокрой крышей дома.
Небесный Храм –

он на горе,

Мой дом у кручи старой.
Храм в розоватом серебре –
Поющих молний кара.
Не спит преступник и ханжа
И властелин крамольный.
Дрожит, дрожит его душа
От грозных песен молний.
Вершите суд свой, небеса,
По воле Божьей всюду!
За это, вещая гроза,
Тебе молиться буду.

Ночной поединок

Ю.М. Нагибину

Я с лесом один на один.
От божеской зябко усмешки
Живущих на небе вершин,
Не знающих горя и спешки.

Уж сутки вторые иду.
Потеряна к дому дорога.
Вещают деревья беду,
И в сердце стучится тревога.

Я сверху кажусь муравьем,
Смешной заплутавшей букашкой.
Мелькает порой окоем
Тонюсенькой огненной плашкой.

А вот и погас окоем.
И звуки, и шорохи всюду.
Скрипит, как протез, бурелом,
Очнулся какой-то Иуда.

И жутко хохочет сова,
И сердце заходится в стуке.
Спешите на помощь, слова,
Вы тоже нуждаетесь в друге.

Читаю, читаю стихи
Под хохот каких-то чудовищ.
Пылают, пылают стихи,
И солнце идет мне на помощь.

А чаща ворчит и скрипит.
Луч солнца уж рядом, похоже.
О, как он слепяще горит!
И... тают мурашки на коже.

И ликом деревья ясны.
И ветка ласкает мне щеку:
Пройди-ка до той вон сосны –
И к дому увидишь дорогу.

О доброте

Главное для творца – быть добрым.

Бетховен

Одного таланта мало,
Прока нет –
 без доброты!

Нам ее недоставало
Вечно в годы маеты.

Родилась она, наверно,
В тот лохматый, дикий век, –
Красоте парящей серны
Удивился человек.

Сразу стал добрее дома,
Больше мяса дал жене.
Ночью он при звуках грома
Вспомнил о своей вине.

Ах, как был жестоким часто!..
Тем же ныне мы грешны.
И, потворствуя несчастьям,
Мы не чувствуем вины.

Что случилось, люди, с нами?!
Почему душа молчит?
Почему она утрами
Равнодушно в небо зрит?..

Глянул я в седые дали –
Пушкин к милости зовет.
Потому в него стреляли,
Что его любил народ.

Чехов, Лев Толстой и Гоголь
Возносили доброту.
И хотя она от Бога,
Но в миру ее дорога!
С ней познаем красоту.

* * *

Я помню, как ягоды рдели,
Я помню улыбку твою.
И птицы куда-то летели,
И сосны роняли хвою.

И в этом веселом смятенье
Тайги и прозрачных небес
Отцовское есть опасенье
За нашу раскованность здесь.

А ты обнаженной березки,
Прекрасно твое естество!
И листьями цвета морошки
Меня осыпает всего.

Природа снимает запреты
Для светлых порывов души.
Ты –
дочь благодатного лета,
и властью своей дорожи.

Январская рапсодия

С неба сыплется снежное кружево,
По-январски погода свежа.
Усыпила Зима беса вьюжного,
Спит священного бора душа.
И тропинки искристые, беличьи
Ночь в покои свои увела.
И луна смотрит нежно, по-девичьи,
Сказку леса она родила.
Закурился парок над берлогою,
Соболь прыгнул в простор из дупла.
Сказка –

Юча¹ моя синеокая
По вершинам деревьев пошла.
Для нее –
платья белые, бальные,
Для нее по-российски Зима
Возвела по озерам хрустальные
И диковинные терема.

¹ Юча (манс.) – по мифологии народа манси – это юная фея, хозяйка тайги.

Монолог охотника

У охотничьей сторожки
 Много преданных друзей:
 Ворон, зоркий и сторожкий,
 Два потомства глухарей...
 Я встаю всегда при звездах,
 И они – мои друзья.
 Я в поход,
 они – на отдых,
 Ночью берегут меня.
 Такова в тайге работа,
 В этом нет моей хулы.
 Соболиному полету
 Удивляются боры.
 Да и я лететь стараюсь
 За искристым собольком.
 Как ни маюсь,
 как ни каюсь,
 Все же встретимся потом –
 Он в снежинках,
 я – с ружьем...
 И настанет вечер звездный,
 И настанет час вины.
 Понимает лес тревожный
 И мечты мои, и сны.

* * *

Грохочет колесница небесного Ильи.
Нахмурились священные листвени мои, –
Не за себя бояться –

бояться за людей

И за своих питомцев – певучих глухарей.
Их брови пламенеют от ярости огня –
От молний, окрестивших и небо, и меня.
Под козырьком амбара священного стою.
Я с детства грозы яркие загадочно люблю.
При первых звуках грома я забывал себя,
Опомнюсь – улыбаюсь раскатам грома я.
Сестра стучит в окошко –

иди скорей домой.

Пою, раскинув руки, охваченный грозой.
И что за воля мною владела в этот миг?
Увидел я однажды Ильи-Пророка лик:
Глаза темнее ночи,

в них бездна и огонь.

Крылатый златогривый катает Бога конь.
И вдруг он улыбнулся – Бог молний роковых,
Он плеч моих коснулся в потоках дождевых.
Его благословенье, видать, в душе живет,
И грянет гром – я знаю – Илья-Пророк зовет.

Ночь моря

Такая ночь бывает в жизни раз:
 Душистое ромашковое море,
 И лунный свет качается для нас,
 И кажется, что мы в цветущем поле.

Ты убежала догонять волну
 Оранжевого северо-востока.
 Не надо было оставлять одну,
 Не уплывай, любимая, далеко.

Искрится небо – лунный звездопад.
 А может, море шлет свои позывы?
 Они между собою говорят.
 Познаем речь их –
 станем мы счастливы.

На шепот перешла твоя волна.
 Она тебя, конечно, полюбила.
 Стоишь ты перед ней обнажена,
 Ты силой красоты ее смирила.

Уже лиловый свет повел игру
 С малиновым и желто-серебристым.
 Запела флейта звонко на молу.
 И ты вернулась в зареве лучистом.

Шторм на Черном море

По гребням валов
 облака черно-красные носит.
Он страшен громами
 и яростью вод для людей.
С турецкого берега
 запах лаванды доносит
И стоны, и крики
 потопленных там кораблей.

1976
Пицунда

К Лермонтову

Поклон Тебе, поэт любимый,
Из далей снежных я пришел.
Я тоже бурей гонимый,
Я тоже счастья не обрел.
Гора печальная дымится,
Туман сиренево-густой.
Душа Твоя незримой птицей
Сейчас летает надо мной.
Что ей сказать?

Что ей доверить,
Когда кругом вражды прилив?
Жива Твоя в Россию вера,
И Твой мятежный парус жив.
Покая для Тебя у Бога
Молю.

И сквозь туман и дождь
Открылась в небесах дорога –
По ней Ты к Господу идешь.

Эльбрус

В броне серебряной стоит –
Он, словно присмиривший воин.
Он о судьбе грядущей мнит
И милости небес достоин.
Ночуют ветры на плечах,
Даря ему мирские вести.
Он на восходе –

при свечах –

Обряд,
лишь космосу известный.

Когда грозою возмущен,
Суровый Эльбрус брови хмурит,
Я думаю, в него влюблен:
Вдруг, как вулкан,

проснется он, –

Не избежать нам страшной бури.
Запомнят этот гнев века –
И камнепад,

и гром,

и темень.

Но... Эльбрус тих,

как Бог, пока,

Он знает – гневаться не время.

Рерих

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил...
Он им, раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.
Его, художника-поэта,
Угрюмость тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
Он в глубину небес глядит.
Сжимает кисть рука упрямо,
Снег озаренья бьет в виски.
И в сердцевину чуткой рамы
Упали первые мазки.
И снова горы, горы, горы
И Ганг, бушующий вдали...
Зачем вы, журавли, на горе
Поклон от Волги принесли?..

Купола Тобольска

Остапу Шрубю, художнику

Купола.
Как тот звонарь безвестный,
Я пред ними замер, не дыша.
В них истории гнездятся вести,
В них мятежных россиян душа.
Вот какая сила, добры люди,
Вас сюда на исповедь вела!
Соловей Алябьева повсюду
Славит ваше диво, купола.
И гремят по облакам копыта
Горбунка, волшебного конька.
По дороге, грозами омытой,
Он летит на зов тоболяка.
И пророчит нам победный поиск
Сказочника дерзкая строка.
Голубые купола Тобольска
В небесах плывут.
Плывут века.

День Пророка

Сыну Илье

Глянул День Ильи-Пророка,
Гром веселый в небесах.
Глянул ввысь по воле Бога,
Лик его я зрю в лучах.
Славлю звонко именины
Громовержца и творца.
В честь него назвал я сына
У священного крыльца.
Сам Пророк невесел ныне,
Смотрит хмуро с высоты:
Люди перед ним повинны –
Стали знаками беды.
Он, Пророк, хозяин молний,
Знает истин всех черед:
«Люди, жить враждой довольно!
Люди, братства день грядет!»
Но услышать глас Пророка
Только избранным дано.
Для жестоких и убогих,
Тем, которым все равно,
Это время не пришло.
Ну, а те, кто с Богом в сердце,
Кто внимает небесам, –
Им, невинный сын, доверься
И раскатистым громам.

Храм воздуха

Он в синем воздухе парит.
И верится горам –
Лучи оранжевой зари
Явили миру Храм.

Припев: И от божественного знака
Во Храме света и любви
Не грех от радости заплакать
На слезы нежные Твои.

Заря объяла Кисловодск,
И... слава небесам! –
Для всех открыт воздушный мост,
Для всех сияет Храм.

Долина от цветов горит,
Желанная лучам.
Душа поет, душа летит
К тебе, волшебный Храм.

*5 декабря 1996
Кисловодск*

Ранний снег

На ветви горящих осин
Он выпал нежданно. Потеха!
Багряные кисти рябин
Пылают под шапками снега.

И радуга – крашеный лук.
И нить тетивы засверкала.
У белки в глазенках испуг,
Бедняга в дупло убежала.

Все ярко, свежо. Все не так.
И морщится кто-то и стонет,
Придет гениальный чудак –
И будет, конечно, не понят.

* * *

У железных людей –
И железное сердце.
Это, мол, от идей.
Этой сказке не верьте.

Воля – да. Может, ей
Быть дано из железа.
А душа у людей –
От небес
и от леса.

Один

Деревня лет военных.
Хромает мужичок.
Глядит он дерзновенно,
Для баб он нынче – бог.

Он, раненный на финской,
Негож для мировой.
Он – вроде обелиска,
Но царственно живой.

Единственный мужчина
Среди мальцов и вдов.
Среди старух старинных
И хмурых пареньков.

Он у сельчан в почете.
Он – вроде мудреца.
Как ни крути, он – вроде
И брата, и отца,

Любовника и мужа,
И стража по ночам.
И тем, кто занедужил,
Дрова привозит сам.

Встает он раньше Пети,
Горлана-петуха.
Спешит от Лизаветы,
Подальше от греха.

Мычат ему коровы,
И хряк бежит вослед.
На плечи взвалит снова
Мешок забот рассвет.

Порой он цепенеет –
Как вспомнит, что один...
И сам себя жалеет –
И раб, и господин.

* * *

Ветер в сторону Вечности дует,
Юным был я на том берегу.
И душа моя плачет, тоскует:
Юность я повторить не смогу.

Вспоминается —

кони летели

В рыжих травах закатного дня
И глаза твои нежно глядели,
Говорили: «Люблю!» – для меня.

Вспоминается —

снегом черемух

В ту весну палисад занесло.
Мы смеялись под грохотом грома,
Нам ловушки готовило зло...

Мы влетели в закат бесшабашно,
Переходы-мосты сожжены.
Посмотри же на пепел отважно,
Позабывать мы его не должны.

Ветер в сторону Вечности дует,
Там клубится туман грозовой.
И душа моя плачет, тоскует,
Говоря: «Боже мой, Боже мой...»

Мечтатель

*Именно мечтатели соединяют прошлое
с будущим. Они и есть вдохновители
людей к жизни.*

От автора

Над Мойкой голубой туман
И голубые нити капель.
По этим нитям к облакам
Хотел подняться наш Мечтатель.
Он улыбается лучам.
Спас на Крови пред ним сияет.
Твоей судьбе, великий Храм,
Мечтатель горе предрекает.
Мечтатель видит сквозь века
И войны, и кошмар блокады...
Но... снова в радугах река,
И куполов паренье свято.
О, нити вечности земной! —
Они сроднились с облаками.
И души гениев с лучами
Благословляют нас с тобой.
Мечтатель, вижу я тебя
При свете благотворных молний.
Ты, ликом в дали устремленный,
Идешь, мечты для нас тая.

Пасха

В пасхальный день душой обнажены,
Мы встретиться с тобою, друг, должны.
И в синий час на берегу реки
Мы встретились наветам вопреки.
Дай руку мне.

Сначала посмотри
На странный лик над пламенем зари.
Печален он.

Глаза в потоках слез.
Неужто это... Иисус Христос?
Скорбит он каждой клеточкой души:
Земля опутана туманом лжи.
Растет вражда народов и племен.
Спасти бездумных разве в силах он?
А солнце огненное, став на горизонт,
Раскрыло вдруг свой лучезарный зонт.
И грянули кругом колокола.
– Христос воскрес! – молва с небес пришла.
И понял каждый –

братства день настал,
И, плача, в небо руки простирал.
Пасхальный день, спаси от мук, вражды.
Земля устала. Это знаешь ты.

* * *

Зажигает звезды в небе вечер.
В небеса с надеждою гляжу.
И глаза свои открыла Вечность,
Я от взгляда этого дрожу.

Нежное и чуткое дыханье
Я на сердце чувствую своим.
И добра и зла распались грани,
И она и я – перед судом.

Я клянусь ее за лицемерье
Громких обещаний и речей.
Уверяет Вечность: «Стану верой,
Неизменной совестью людей».

Я поверил этому признанию,
Пришлые сомнения круша.
Но добра и зла восстали грани,
И она насмешливо ушла.

На заре слышал голос Бога:
«Милостей от Вечности не жди.
В жизни у тебя своя дорога,
Значит, вознесенье впереди».

* * *

Ночь говорила голосом ручья,
Звезды, и камня, и дороги.
Был полон чувств необъяснимых я,
Как эти гулкие отроги.

Ручей серебряно сиял
И, как влюбленный Квазимодо,
То восторгался,

то рыдал

Возле утеса, возле грота.

Я тайну ночи разгадать хотел,
Окликнутый звездой весенней.
Наверно, я сегодня поседел,
Зато познал небес волненье.

Костер памяти

Маме, Клавдии Гавриловне

На этой меже солнцеликих ромашек
Есть пепел костра, что давно отпылал.
И здесь мой отец, синеглазая мама,
Тебя в своей юности поцеловал.

Вы часто ходили сюда после свадьбы.
Костер полыхал,

и светила звезда.

И было надежным семейное счастье,
Но мир всколыхнула большая беда.

Ты часто ходила к меже.

Ты стояла

У хрупкой березки, тая свою боль.
И верил мой папа в карельском окопе
В твою, моя мама, печаль и любовь.

Гремела война далеко за лесами,
И миллионы, как ты, матерей,
Пахали и сеяли, строили, пели,
Растили во имя Отчизны детей.

Отец не вернулся.

И ты, моя мама,

Седая от горя к березке ушла.
И пламя костра трепетало, как свечка,
О памяти вечной божилась душа.

*Отречение от своего в себе,
от Бога души своей – это гибель человека,
разрушение жизненных основ его.*

Размышления Л.Н. Толстого

Видать, я от Бога отрекся,
Невинного Бога в себе,
Когда суетою увлекся,
Оставил себя на тропе.
Я вышел, желая веселья,
На шумный бездумный большак,
Где много вина и безделья,
Где в злате и хам, и ханжа.
Меня омота закружили
Крикливых, фальшивых людей.
Они до себя низводили
Меня по задумке своей.
Я не замечал унижений,
И лодка моя без весла,
Без высшего благословенья
На верную гибель плыла.
Однажды волна грозовая
Разбила мой хилый челнок.
Шумела вода ледяная,
Дрожал я, лаская песок:
– Ты где, мой отринутый Бог?
– Я здесь, – теплотою пахнуло. –
Незримый, я рядом летал.
Ты разве меня вспоминал,
Когда свою душу пинал
В хмельном бесшабашном угаре?
– Прости, – я шептал покаянно, –
Никак мне нельзя без тебя.
Живи ты со мной постоянно,
Мой Бог, мой спаситель, судья.

* * *

У нас нынче только поэты без охраны...
Из разговора

Я поэт.
Потому без охраны
Мне положено быть на миру.
И живу, и люблю без обмана,
И встречаю рассветы в бору.
Я у кедров беру себе силы,
Отпускаю туман в высоту.
И однажды,
 где кедров рубили,
Я на шалых людей набреду.
«Эй, поэт, – скажет парень угрюмый, –
Ты по воле сегодня нам
 брат.
Нам отчаянной хочется думы
Про любовь,
 про судьбу,
 про закат.
Но не вздумай разжалобить только.
Говори все, как есть, на духу...»
Обжигаю их
 искренней болью,
Приобщаю невольно к стиху.
Говорю о России смятенной,
И о вере в нее говорю.
С этой верой у бездны смертельной
Все равно буду петь про зарю.
Пригорюнятся тихо бродяги
Вековой горемычной страны.
И проснется в них чувство отваги
Для признания личной вины...
Я уйду под осенние своды
Удивительно ярких осин.
Я поэт.
И, поверьте, с Природой
Надо быть мне один на один.

* * *

*Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?*
А. Блок

О, время, чувствую тебя!
Твое прикосновенье жгуче,
По твоему веленью тучи
Исходят ливнями,

скорбят

О юных душах и умах,
Ушедших до поры из жизни.
Ты призадумайся, Отчизна,
О матерях,

они в слезах.

Я слышу, время, голос твой:
«Доколе быть России в плаче?
Неужто жить нельзя иначе?
Живем – как на земле чужой.
Идем с оглядкой.

В сердце дрожь.

Уже чужою стала ночь,
У ней в руках играет нож.
А скоро станет день невмочь
Нам удержать для смелых дел.
У каждой муки есть предел.
«Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?»

* * *

Ради новых сомнений живу,
Я на голос отвечаю вещей,
Ради новой росы на траву,
Ради нового взгляда на вещи.
Потому улететь не боюсь
На орбиты космических высей.
В бесконечности той повторяю
Благородными генами мыслей.

Звездный час

Звездный час.
Небесный мир распахнут –
Он зовет меня к себе, зовет.
И лучи черемухою пахнут,
Значит, там черемуха цветет.

Улетаю от Земли угарной:
Столько лжи, жестокости кругом!
И на оклик станции радарной
Не отвечу, не качну крылом.

Наша правда – горькая калина,
Эта горечь – крик души живой.
И гасить огонь в родных боринах¹
Я с планеты прилечу другой.

¹ Борина – небольшой ягельный бор.

Андрей
ТАРХАНОВ

Храм милосердия

[Избранные
стихотворения]

Андрей
ТАРХАНОВ

Храм милосердия

[Избранные
[стихотворения]

Чудаки

Люди – дети...

Из разговора

Да, конечно, люди – дети,
Забияки, мотыльки, –
Так вредят себе на свете,
Что воскликнешь: чу-да-ки!
Даже после горькой тризны
Мы живем себя хваля...
Будят нас на праздник жизни
Солнце, реки и поля.
Улыбаются березы
У проселочных дорог.
Мать с рожденья

сына просит:

«Благородным будь, сынок».
Но... дурные наши страсти
Выше чести и любви.
Потому кругом ненастье,
Потому закат в крови.
Вместо радости – угрозы,
И щетинятся штыки.
Люди, люди,

я сквозь слезы

говорю вам: чу-да-ки!

К другу

Кому ты нужен, друг-мыслитель:
В миру все меньше добрых слов.
Ты как инопланетный житель
В среде ханжей и хитрецов.

Ты смотришь в небо, смотришь в дали,
Ты словно ждешь какой-то зов.
И белый парус у причала
Тебя уже принять готов.

Твою бы разделить мне долю!
Но я ступил за ту черту,
Где нет беспечности и воли,
Где чаще смотрят в высоту.

Прощай!

Ищи покой в просторах,
Своей романтикой храним.
Я для высот людского горя
Сейчас, мой друг, необходим.

Элентур¹

Дальнее озеро наше –
Устье морошковых рек.
К этой серебряной чаше
Вечно спешил человек.

Здесь, у воды животворной,
Каждая травка цвела.
Радуга в дали озерной
Воду,
 как лебедь, пила.

Тихо слеза высыхала,
И улетала беда,
Если с тобою вступала
В кровную близость вода.

Воду живую от горя
Радостно пил, не спеша.
Знать, для грядущего боя
Сил набиралась душа...

Дальнее озеро наше,
Сыну ответишь ли ты,
Кто осквернил твою чашу,
Вырубил лес у воды?

Плачу душой оскорбленной
На крестовине дорог.
Катятся, жалуясь, волны
На почерневший песок.

¹ Элентур (манс.) – дальнее озеро.

* * *

Загадочны нынче закаты –
Полнеба горит за Кондой.
И сосен пурпурные латы
Нас вновь восхищают с тобой.

Прими этот мир, дорогая,
Тоскующий мир о любви.
И плачет небесная стая,
И чувства светлеют твои.

Ах, мы не пропащие люди,
Коль есть милосердье в груди.
И мы никогда не забудем,
Как в небе пылают пути.

И наши порывы святые –
Я верю –
 в дорогу возьмут
Те юные, те молодые,
Которые скоро придут.

Исповедь эмигранта

В час прощальный, в час исповедальный
Вы налейте мне бокал вина.
Я уже ступил на берег дальний,
Мне уже другая жизнь дана.

Приобщаюсь,
сердцем приобщаюсь
К виду спелых, розовых степей.
Беззаботным быть сейчас стараюсь
Для преуспевающих людей.

Этот рай фруктовый и колбасный
Радует, торопит, веселит.
Почему мою страну несчастной
Здесьний люд мне называть велит?

Мой вопрос –
печальный остров жизни,
Капля яда на шальном пиру:
Почему любимая Отчизна
Горемычной стала на миру?..

Моя Осень

Композитору Юрию Клепалову

Костерок мой прощально искрится,
И задумчиво нынче окрест.
Осень тропкою красной лисицы
Покидает растерянный лес.

Почему так душе беспокойно? –
То заплачет,

то вновь запоет...

В небо взгляд поднимаю невольно,
Осень в дали навеки уйдет.

Я, конечно же, Осень обидел:
Я мгновеньями не дорожил.
Вы, деревья, меня не хулите,
Каюсь сам перед взглядом души.

Вот и Осени нету.

И туча

Снеговая,

я слышу, плывет.

Успокойся, душа, – может, лучший
Наступает в Природе черед?

Но не может душа примириться –
И зовет мою Осень назад.

Ой, как часто зимой будет сниться
Огневой листопад, листопад!

* * *

Рыбачили, сено косили
Когда-то мы в этой глуши.
Все меньше селений в России,
Все больше смятенья души.

А в небе машинные громы,
И в космос летят корабли.
Но слышатся в поле и дома
Печальные вздохи земли.

Конечно, нужны нам полеты,
И поиск, и дерзость нужны.
Но где же святыя заботы
О землях, о реках страны?!

* * *

В войну морозы были лютыми,
Стонали лед и дерева.
А люди лес валили сутками,
Губами
шевелия едва.

И снайпер в ледяном окопчике
Держался что есть сил,
пока
Фашист тридцатый черной точкою
Не падал в красные снега.

Вражда людей, ожесточение,
Дрожащий каждой веткой лес.
И видно, кончилось терпение
У выжидательных небес.

И... получай, люд, наказание –
Орбит космических удар –
Морозы, град, штормов рычание,
Вулканов яростный пожар.

Сегодня вновь столпотворение,
Сегодня вновь кругом вражда.
И надо ждать землетрясения,
Стучится в каждый дом беда.

И будет вал крушить селения...
Но год и день, о люди, есть
Для размышления, спасения
Своей души и здешних мест.

* * *

Уходи скорей, вражда,
От моих людей.
Стала богом доброта
В хижине моей.

А молва быстрей огня
Суть несет свою:
Будто воскрешенец я,
Будто всех люблю.

Так бывает по весне —
Счастья каждый ждет.
И на исповедь ко мне
Повалил народ.

Все обиды и грехи,
Все картины бед.
Стали грустными стихи,
И покоя нет.

Чтобы с жизнью помирить
Всех обиженных,
Сотни лет мне надо жить,
Лет возвышенных.

Дай, земля, на это сил,
Небо — высоты,
Чтоб я в сердце сохранил
Бога доброты.

* * *

Я должен остаться собою в стихах,
И даже, поверьте, вон в тех облаках.
Я каждое облако в строчку впишу
И с радостью людям потом покажу.
Они, облака, далеко уплывут.
И... через столетье появятся тут.
И кто-то, восторженно глядя на них,
Конечно же, вспомнит меня и мой стих.
И вновь облака полетят, полетят
Туда,
 где у холмика кедры стоят.
И дождик прольется,
 и бор зацветет,
И путник увидит потерянный брод,
И вспыхнет цветами у поля межа...
Лети же, лети с облаками, душа.

Лишний

Бежит из юности до срока
Такой веселый паренек.
Задумчиво глядит сорока,
Растерян двоечник-дружок.

Но так же будет шумно в школе.
Забудут вскоре про него.
Он школу променял на волю,
А с волей сладить... нелегко.

На воле он одно усвоил:
Горластым будешь – станешь прав.
Его сантехником устроил,
Желая блага, домуправ.

В провинциальном городишке
Сантехник выше всех чинов.
Ах, до чего он лишний, лишний
В среде матерых мужиков!

Замкнется вскоре он.
И даже
Заплачет в горький свой стакан,
Когда ему по пьянке скажут:
«Ушел бы лучше ты, пацан!..»

Но нет назад ему дороги,
У юности не взять весла.
Он – журавленок одинокий,
С мольбой глядящий в небеса.

Песня о забытой дороге

Вот колея телеги,
А это след копыт.
Веселый путник ехал,
Но путь его забыт.

Была с ним рядом дочка,
Глаза – от голубик.
Но где ж она? Ни слуха,
Забыт девичий лик.

И сын-поэт певучий –
Так странно позабыт.
В покинутой деревне
В сырой могиле спит.

Так быстро забываем
Друг друга на веку.
Я о тебе, дорога,
Храню свою строку.

От памяти, от долга
И крест, и обелиск.
На холмики седые
Летит осенний лист.

И факелы-зарницы
Горят в ладонях дня.
Но миру не хватает
Сердечного огня.

Костер Вавилова

*Пойдем на костер, будем гореть,
но от убеждений своих не откажемся.*

Н.И. Вавилов

Тюремный простуженный двор.
Охранники как изваянья.
Вавилов,
 горит твой костер.
Не быть твоему покаянью.

Здесь нету воров и убийц,
Здесь люди особого склада.
И слух между ними таков:
Расстрел –
 это тоже награда.

Но ты, академик, не жди
Такой высочайшей награды.
Страдания все надо пройти,
Сгореть на костре, если надо.

Ты болен, рука горяча.
Исход свой,
 к несчастью,
 ты знаешь.

От голода, словно свеча,
Ты медленно тaeшь и тaeшь.

Ты мысленно, в думах,
 простер
К полям обездоленным руки.
Горит твой высокий костер
И чести,
 и славы,
 и муки.

* * *

Под куполом ночного неба
Хоть раз, дружище, полежи.
Забудешь про истоки гнева,
Возьмешь у неба для души
Надежду – как свое спасенье
От суеты

и от вражды.

Еще возьми себе терпенья, –
И ты услышишь зов звезды.

Лариса

Я знаки Севера, Лариса,
 Читаю в имени твоём –
 Лосиха, ласка, голубица,
 Зарянка – утренняя птица –
 И серебристый окоем.

Забудь, душа, свои потери,
 Для новых встреч с тобой живем.
 И я распахиваю двери,
 Тебе я, как Природе, верю,
 Лариса, освети мой дом.

И, словно радуга, Лариса,
 Вошла ты в мой сосновый дом.
 Запела утренняя птица,
 И улыбнулась голубица.
 И, салютуя, грянул гром.

* * *

Как в чудо первой сказки я поверил!
Хотел увидеть гром живым в грозу.
Каким я был восторженным, наверно,
Коль славил ветку каждую в лесу.
А надо мной смеялись.

Я вырос. Ты, Любовь, – моя богиня,
Следы твои целую на стерне.
Прохожий, я твое не знаю имя,
Но ты мне – брат, все люди – братья мне.
А надо мной смеялись.

Ах, годы, годы... Снова буря свищет.
Но я не брошу верного весла.
Вы, хохотавшие, душою нищи, –
Куда вас жизнь сегодня привела?..
Я гордо улыбаюсь.

* * *

*И зачем цветет черемуха
под окнами этого злодея?!*
Из разговора

Не зря, конечно, величают
Тебя злодеем, землячок.
Не угостишь ты кружкой чая,
Чураешься людских тревог.
И ночью – на руку нечистый –
Воруешь сети и собак.
Готов ты, фарисей речистый,
Предать любого за пятак.
И, от мирских забот седея,
В деревне говорит народ:
«Зачем под окнами злодея
Весной черемуха цветет?!
Его бы –

на пустырь навеки!..»

Спешу сказать свои слова:
Природа верит в человека,
И тем Вселенная... жива.

Послушный зяблик

Из клетки зяблик не летит,
Уж незачем ему свобода.
О небесах из клетки мнит,
Покой покинуть неохота.

Он свыкся со своей с судьбой,
Он за пять лет привык к неволе.
Лишь иногда во сне с тоской
Увидит лес, услышит поле.

Хозяин – тихий великан,
Но по уму – ничтожный карлик
Имел для певчей птицы план, –
Держал кота по кличке Марик.

Хозяин клетку открывал
И морщил узкий лоб от думы.
А кот отчаянно визжал,
И великан шептал угрюмо:

«Лети».

Но зяблик не летел.
Дрожа, клевал, клевал он зерна, –
В день испытанья он имел
Еды лесной двойную норму.

Он все же к Марику привык.
Но долго зяблик удивлялся
Лишь одному –
он петь отвык.
Он с песней навсегда расстался.

Береза и старик

Леониду Максимовичу Леонову

В два топора они ее рубили –
 Старик и сын, плечистый, молодой.
 И кольца годовые уходили,
 Чтоб позабыть навеки возраст свой.
 И на вершине звезды затухали,
 А может, уносились ввысь они.
 И опустил топор старик устало,
 На сына глянул: «Малость отдохни!..»
 Они присели, жаркие, хмельные,
 На шелковистый, ласковый бугор.
 И в тишине, как пятаки литые,
 Упали с веток капли на топор.
 И борода качнулась беспокойно,
 И словно что-то опалило грудь.
 И вот старик, восходом озаренный,
 Поднялся, чтоб на дерево взглянуть.
 Закинув руку левую за спину,
 К глазам он руку правую поднес
 И, словно чудо, увидел вершину
 В сиянье улыбающихся звезд.
 Глядел еще бы, да глаза слезились,
 Спина заныла – и вздохнул старик.
 В душе его сегодня поселились
 И бездна неба, и березы лик.
 И взял он непослушными руками
 Топор тяжелый, что-то прошептав,
 И снова опустил: перед глазами
 Стоит береза, небеса обняв.
 – Устал, отец? – услышал голоса сына.
 Потом услышал стуки топора.
 Подумал: «Сын... такой красивый, сильный...
 А мне, наверно, помирать пора».
 И гром по лесу – рухнула береза.
 И вздрогнул, и нахмурился старик,
 Шагнул с бугра...
 В глазах стояли слезы,
 И все качался тот зеленый лик.

На речной пристани

Я у бабушки вызвал, видать, подозренье:
Свой баул обхватила рукою она.
Расскажу-ка я бабушке стихотворенье –
Как пригожа весною ее сторона,
Как издревле ценилось

доверье друг к другу,

Как не знал этот край воровства и вражды.
Уберите с баула дрожащую руку,
Пусть отхлынет от сердца

ВОЛНА МАЕТЫ.

Ваши годы вдали.

Дней последних сиянье

Сберегите же вы от безверья и лжи,
И тогда этот мир сохранит на прощанье
Благодарную вашу

улыбку души.

* * *

Я ушел с пешеходной дороги,
Надо заново жить начинать.
Дай мне руку, товарищ Тревога,
Нам на поезд нельзя опоздать.

Пять минут –
 это целая вечность.

Я к буфету азартно бегу.
Говорит мне отпетый буфетчик,
Что мы все перед водкой в долгу.

Веселюсь я
 и грохот не слышу,
Набирают колеса разгон.
Выбегаю –
 как падаю с крыши,
Выбегаю хмельной на перрон.

Но колеса далеко стучали,
И дымок трепыхал, как платок.
И смеялись, смеялись, смеялись
Фонари на развилке дорог.

К военному летчику

Земляку Алексею Сумкину

Ты летаешь под крыльями Бога,
Ты особые видишь края.
На пронзительно-синих дорогах
Есть особая гордость твоя.
И судьба у тебя необычна,
Нам, наверно, ее не понять, –
Романтична она, и трагична, –
Звуки неба в пути обгонять.
Под тобою гроза не стихает,
Сыплет стрелы в отеческий лес.
И высокая грусть наступает,
Что сейчас ты во власти небес...
Ты выходишь.

Идешь утомленно.

Ты сейчас как святой человек, –
Снисходительно и отрешенно
Ты глядишь поначалу на всех.
Вдруг в глазах запылала тревога.
Это мы ее вызвать смогли.
Ты душою, конечно, от Бога,
А улыбкой – от грешной земли.

Шаим

Шаим, как раненая птица,
Все прячет голову в крыло.
Шаим у озера ютится –
Когда-то громкое село.
Здесь сосны небо подпирали,
Здесь рыбу черпали ведром.
Отсюда девок в жены брали,
Чтоб этим хвастаться потом.
Когда геологи впервые
Сюда уверенно пришли,
Они гитары ветровые
И много воли принесли.
И нефть нашли. «Ура» кричали.
А в час закатный у реки
В туманные смотрели дали
С печальной думой рыбаки.
И следопыты горевали:
Ушел далеко соболек.
Свою деревню покидали –
Развилку шумную дорог...
И вот я вновь в родном Шаиме.
Сосновый и озерный край,
Стране твое известно имя
И город Нефтяной Урай.
Но сам Шаим в плену заката, –
Живут здесь только старики.
Давно нет сосен в три обхвата,
Нет озера и той реки,
Что в мае щукою резвится
И дарит парус и весло...
Шаим, как раненая птица,
Все прячет голову в крыло.

* * *

*Незабываемой бабушке
Матрене Александровне Тархановой*

Тайну упавшего дерева,
Как она ни далека,
Трепетно чувствую нервами.
Тают от взгляда снега,
И подымаются рыжие
Ветви священной сосны.
Бусы,
Как росы застывшие,
В крону ее вплетены.
Машет туман мне косынкою.
Тайны мне станут видны,
Если в бору невидимкою
Буду я возле сосны.
Кто там шагает опасливо?
Чьи так знакомы черты?
И вырывается ласково:
– Бабушка, милая, ты?!
Птицей упала подраненной,
Вскинула руки к сосне:
– Ты береги мою Аманью,
Сына спаси на войне.
Руки касаются дерева,
Нету на сердце вины.
Годы искала доверия
Ты у суровой сосны.
И меховой одеждою
Ты одаряла ее.
Снова уходишь с надеждою
В чум – жердяное жильё.
Чум окольцован поверьями,
Верит он в чудо сосны...
Взглядом роняю я дерево
В стылое поле зимы.
Снова морозными перьями
Тайну закроют снега.
Тайну я чувствую нервами,
Как она ни далека.

Храм милосердия

Я удивляюсь облакам
У Храма вознесенного...
Звон хрусталя явился к нам,
Стал слаще колокольного.

– Родная, ты куда бежишь?
Ты, словно в час любви, дрожишь?
– Хрусталь богемский продают...

Да, продают хрусталь, и ты
В саду работу бросила,
Ты позабыла про цветы,
Униженные росами.

– А вы куда?
И шепотом:
– За золотом, за золотом...
Будто к святыне идут. Эх!..

У ювелирного стоит
Очередища длинная.
И вроде гордая на вид,
Но сколько в ней повинного!

– Бабуся, вам уже лет сто?
– Сердешный мой, ну, что с того...
Я тоже хочу золота...

А сколько светит звезд для нас!
Летит корабль космический...
А мы в пороках.
В нас подчас
Жив лик доисторический.

– Спасите, люди! Гибнет сын!
В ответ какой-то господин:
– Своих забот хватает...

О, равнодушие, ты – смерть!
Ты хуже зла поветрия!
Тебе вовек не быть, не петь
Во Храме милосердия.

Я тайны радости постиг –
Храм милосердия воздвиг.

На исповедь беря свой век,
Входи с надеждой, Человек!

Увертюра ночи

*Ночь – это время любви.
Ночь – это время трагедий.*
От автора

Соком фиолетовой черники
Август залил розовый закат.
Сразу стихли птиц шумливых крики.
Бор сосновый передышке рад.
Песня в горле иволги уснула.
Затаились звуки в дуплах крон.
Тихо, без веселого разгула,
Укатился гром

за окном.

И, сияя лунными очами,
В бор пришла Богиня темноты.
И от первой вспыхнувшей звезды
Говорим мы нежными словами.

Исповедь маньщика¹

Нет, я от хозяина не уплыву,
И вольного неба не надо.
Резиновый я.

Но, поверь, оживу
От крови крылатого брата.

От зависти можно и ласковым стать,
И щедрым,

на время, конечно.

Мне селезня надо под выстрел послать,
Чтоб стал он, как я же, потешным.
Лети же ко мне в оперенье цветном,
Мой брат, мой вожак и красавец.
Когда упадешь ты с разбитым крылом,
На время уснет моя зависть.

У берега плавает тихо маньщик.
Летит к одинокому стая.
В скрадке притаился охотник-стрелок,
Двустволка гремит огневая.

¹ Маньщик (*местное наречие*) – резиновая утка.

Живи, Конда

Она в кедровники стремится.
 Осталась там моя мечта.
 Она просторами гордится –
 Моя родимая Конда.

В забытой пристани таится
 Мой белый парусник. Прости.
 Он встрепенется, словно птица, –
 Ты в детство нас, Конда, неси.

Но нет тебя, мой дом отцовский,
 Не выйдет мать меня встречать,
 И на могиле у березки
 Мне не грешно и зарыдать.

Я поднимаю взгляд все выше –
 Там есть загадочный предел –
 И голос матери услышал,
 И пепел с неба прилетел.

Прощай, мой лес – приволье детства!
 Прощайте, милые года!
 Мы в сердце сохраним их вместе,
 Моя родимая Конда.

* * *

Незабываемое утро –
Горит заря, в огне Туман¹.
И сердце пламенеет будто,
Душа открыла путь словам.
Лечу над спящею деревней.
Черемухою пахнет лог.
Да кто же я?

Сказитель древний?
А может, юный добрый Бог?
Вы спите, люди,
спите сладко,
Я ваш покой оберегу.
За ваши муки, неполадки
Поплачу я на берегу.
А маме снится сон крикливый, –
За то, что я правдив и смел,
Меня уводят конвоиры,
Меня уводят на расстрел.
Вы спите, люди.
Я, страдая,
Вернусь домой. Услышу я:
– Ты где, мой сын?
Я здесь, родная.
Я облетал твои края.

¹ Туман – название озера.

* * *

Деянья наши –
 в траурной кайме.
Уж слишком в прошлом много было горя –
И миллионы павших на войне,
И миллионы павших от террора.
Мы вновь сурово судим, говорим.
Но даже после всех ошибок горьких
Нет снова милосердия к живым –
Мы милосердье бережем
 для мертвых.

* * *

А.К. Мишунину

Даль покрылась поющими птицами.
Вот и время пришло кочевать.
Под Ишимом, в деревне Синицыно,
Белоснежных цветов благодать.

На медовой поляне у реченьки,
Близ соснового бора, в тиши,
Может, слово отыщется вечное
Для меня, для смятенной души.

Может, здесь я найду утешение
От обид, от печалей страны...
Ты мне даришь, Природа, спасение,
Даришь силы до новой весны.

И обратно с веселыми птицами
Я в родную тайгу возвращусь,
Вспоминая деревню Синицыно,
И цветы. И раздумье, и грусть.

* * *

От медной тучи –
импульсы беды.
Смотрите,
съежились берез листы.
Смотрите,
листья ивы как спираль.
Уже багрово-красной стала даль.
Угрюмый ветер воет и свистит.
И пыль Земли,
и пыль небес летит.
И человек тревожно-робким стал:
Он перед бурей,
как песчинка, мал!
И вздрагивают в аэропорту
Сверхпрочными телами наши «Ту».
Кажись, мгновенья жизни нам даны,
Потом мы будем бурей сметены.
В мгновенья эти стали мы равны
От маршала до муравья страны.
Нет сил таких, чтоб бурю усмирить.
Она простит нас, –
значит, будем жить.

Прелюдия к бабьему лету

Пронзительно-лазурны
Просветы в небесах.
От паутин ажурных
Серебряны леса.
Еще у паутинок
Для взлета время есть.
И девочки невинно
Целуют в Храме крест.
А девушки о свадьбе
Мечтают день и ночь.
Парней веселых рати
Спешат им в том помочь.
И бабам-то не спится, —
В заветном бы поспеть!
Иная оголится
И... хочет ввысь лететь.
Скорей на бабьи стоны
День золотой, спеши!
У них ты — как икона
Для тела и души.

Бабник

Про него идет молва:
Бабник, мол, Егор Поленов,
Словно мед, его слова,
Взглянет –

и дрожат колени.

– Он и вправду лих на вид, –

Замечает улица, –

Чуб на сторону летит,

Сам лукаво щурится.

«Эй, чернявая, иди,

Гордая головушка,

На моей шальной груди

Сгинет вдовья долюшка.

И не будь ко мне строга,

И не жги опаскою.

На заре уйду в луга

Я за новой ласкою.

Вижу – дева у воды

Обнимает дерево.

Лучше обними-ка ты

Знойного да верного.

Приласкаю и слова

Я скажу ей жаркие...

А народная молва

Впишет краски яркие:

Будто я для женщин бог,

Для особ пленительных.

Я не бабник,

я знаток

Женских душ обиженных».

Сентябрь

На желтых листьях – седина
Лосиной шерсти –
память гона.

Лосиха на яру хмельна,
Боками вздрагивая,
стонет.

Сохатый, поломав рога,
Обрел ее в бою жестоком.
На бурых листьях тальника
Лежит соперник одиноко.
Сентябрь неистов,
Дерзок он –
Охепками бросает листья
В глаза лосихе,
в морду лисью,

Он распалил лосиный гон.
Сентябрь неистов, как цыган
И в пляске, и в любви горячей.
Гуляет он,
А по ночам
Он, грешник кающийся,
Плачет.

Болото

Осока охранно строга,
Она озерки укрывает.
На кочки – свои берега –
Зовет журавлиные стаи.
На кочках, как радуга дня,
Морошка свежа и румяна.
Хватает багульник меня,
Своим ароматом дурманя.
Никак не пройти к озеркам,
Шипучие топи бездонны.
Зато здесь уютно чиркам,
Для лебедя – угол укромный.
Опять я Природе дивлюсь:
В болоте соседствуют странно
И восхищенье, и грусть,
И нежность, и холод обмана.

Гармония утра

Над камышами желтые туманы,
Оранжевые блики на воде.
Я прихожу сюда утрами рано,
Чтоб поклониться здешней красоте.
Я не один живу сейчас восторгом.
Смотри: глухарь сидит разинув клюв.
Не шелохнется,

околдован зорькой,

Шлют лебеди признание: клу-клу-клу.
Ты ходишь возле паруса, у лодки,
Меж нами есть волнующая связь.
С твоею и улыбкой, и походкой
Гармония рассвета родилась.
Сегодня мы распахнуты Вселенной –
И небесам, и желтым камышам.
И жить бы нам в любви и удивленье,
Но кто-то злой готовит ссору нам.

Дождливая ночь августа

Клекот ворона мокрым приглушен крылом.
Кто страдает еще под унылым дождем?
Прошептала рябина:

«Мне холодно здесь.

Мой костер потушили потоки небес».
И качает рогами олень под сосной,
Неуютно ему в канители ночной.
В непогоду такую хозяйствует зло.
Облака нынче в тучу сплошную свело.
Люди спят тяжело.

Это знает ворье,
И вершит оно темное дело свое.
Сколько стонов, зловещих угроз: замолчи!
Видно, сам Сатана бродит в этой ночи.
Он идет, и хрустят под ногами грибы.
Эх, зачем родились вы у самой тропы!
Затаилась рябина.

Притихнул олень.
Приходи же скорей, ясновидящий день!

* * *

Тебя, столица, покидаю,
Твои раскованные дни.
Природу сразу умоляю:
Мою наивность

мне верни.

В стихах лукавить не годиться,
Я славлю искренность пера.
Бываешь ты, моя столица,
И бескорыстна, и щедра.
Бываешь и жестокой очень
И не прощаешь промах мой.
Однажды я проснулся ночью
Раздетым в парке под сосной.
А утром умная ворона
Сказала дружески: «Поэт,
Ты ночевать старайся дома,
Иначе будешь

вновь раздет».

Не может город без пороков
Творить,

страдать,

любить,

алкать.

Его житейские уроки
Пришлось, как азбуку, познать.
Ты мне дала, моя столица,
Немало истин для стихов.
Но... отчий край позвал.
Вернулся.
Я снова лес обнять готов.
А дух столичный колобродит,
В тайге мне трудно будет с ним.
Наивность где-то рядом ходит,
Похоже, стал я ей чужим.

Февральская оттепель

Облил их кто водою жаркой? –
Стволы, как вороны, черны.
И небо голубеет ярко,
И птицы от лучей хмельны.
Сосна душевно дарит трели,
Желна давно в дупле стучит.
Кедровка на плаксивой ели
Снять шишку с ветки норовит.
И наблюдается в округе
Лесной гармонии разлад:
Здесь горностаи кличут вьюгу
И белки в страхе верещат...
Мороз ударил в ночь глухую, –
Снег превратился в лед кругом.
Запели волки песню злую,
И лось тропинку кровавую
Торил лосихе в бурелом.

* * *

Сегодня глухарку возьму¹,
Объятую розовой дымкой.
Но села она на сосну
И стала для всех невидимкой.
Наверно, с улыбкой она
Глядит из нахмуренной кроны,
От майского ветра хмельна,
Ей слышатся брачные стоны.
О, злой и смешной человек,
Готовый палить без разбора,
Прислушайся к рокоту рек,
Пойми размышления бора!
Глухарка боится тебя,
Боится цветущая речка.
Горит, о спасенье моля,
Природы последняя свечка.

¹ Настоящий таежник вместо «убью», «застрелю» глухарку, оленя и т.д. всегда скажет «возьму» (примеч. автора).

Веселый дождь

Веселый, буйный, многоцветный
Нагрянул дождь,

как сто цыган.

В пожаре роз плясали ветры,
Небесный грохотал орган.
И озарялись грозно скалы
То красным, то седым огнем.
И в странном ритме трепетали
Каштаны под густым дождем.
Смеялись люди, убегая,
Дождем застигнуты врасплох.
За Эльбрус тучу отправляя,
Смеялся вместе с ними Бог.

Ночь в станице

Поэту Юрию Сердериди

С неба сыплются орехи,
Груши, желтая айва.
Вечер ставит в небе вежи –
Звезды и мои слова
Про лиманы и затишье
В розоватых камышах.
Сладость дремы ближе, ближе,
Растворяется в глазах.
Озарила ночь зарницей
Даже яму осетра.
Спит священная гора
Братьев Глеба и Бориса.
Я уснул.
Луна сияет,
Серебрит мои виски.
Ночь станицей управляет,
С тайной грустью закрывает
И запоры, и замки.

1997
Кубань

На Балатоне

Я этот вечер не забуду.
Озерный розоват затон.
Поверьте, каждую минуту
Меняет краски Балатон.
Вот закрывает тучкой ветер
Такой лазурный небосклон –
И сразу голубеет вечер,
И голубеет Балатон.
Но тучка падает, сгорая,
И, раздвигая камыши,
Выходит парусник, пылая
Закатным маревом в тиши.
А небо празднично искрится,
И все в оранжевом огне.
И словно над водою мчится
Он – парус огненный –
ко мне.

* * *

Беде Анне, венгерской писательнице

Мадьярские скрипки рыдают в степи.
А я вспоминаю затоны Оби,
А я вспоминаю костер у реки,
Где слушают волны мои рыбаки.

Мадьярские кони пасутся в степи,
А чайки играют на волнах Оби.
И голову поднял притихший вогул,
Услыша коней потревоженный гул.

И видит он предков в летящем строю –
Свободные угры бесстрашны в бою.
И, славы далекой коснувшись,
вогул
У кедров родимых печально вздохнул.

Певучие скрипки поют для души.
Я слышу их звуки в таежной глуши.
Мадьярские скрипки рыдают в степи.
Мадьярские скрипки слышны на Оби.

Лиственница Меншикова

*По легенде Меншиков любил сидеть,
мечтать у древней лиственницы
на высоком берегу Сосьвы.*

От автора

Я прикасаюсь взглядом к ветке,
Я думой в дали улетел...
Была под деревом беседка,
Здесь часто Меншиков сидел.
Глаза его огнем пылали,
Он видел, видел, как в бреду:
Петра, себя, друзей, бокалы
И ту неожиданную беду.
Вздыхал.
Усталою рукою
Ласкал он, словно друга,
Ствол.
Потом походкою былою
В свою обитель гордо шел.
Во дни весны исповедально
Он мысли дереву вверял.
И рубцевались в сердце раны,
Он от мучений прозревал.
Признался он себе однажды –
Низринутый с вершины бог:
«Достоин уваженья каждый,
Кто в беды честь свою сберег».

* * *

Молчать в беду –
грешно, нелепо.
Колокола,
 пора греметь!
На голубые звезды неба
Почаще надо бы смотреть.

Как многое манит и тешит,
И застит яркость звезд уже.
Но слышу неба голос вещей:
Почаще думай о душе.

* * *

Я нынче бездумный затворник,
На чувствах крылатых замки.
Мечта не приходит о воле,
Не знаю забот и тоски.
А в мире и горе, и плачи,
Печальнее день ото дня.
А люди несут передачи –
Волнение, любовь для меня.
Живительно это участие,
Я заново душу обрел.
И к людям ушел я в несчастье,
В грозу громовую ушел.
И стал я с раскаянным взглядом
Удачливо, яростно жить,
Другому затворнику на дом
Свои передачи носить.

День прощенья

Ты задумчив, День прощенья,
Ты от Бога, от Весны.
Люди жаждут избавленья
От печалей, от вины.
Коль на сердце камень грешный,
А в душе туман и лед –
Человек живет потешно,
Как барсук в норе живет.
Люди жаждут избавленья
От грехов.

Прости, Христос.
Ой, как нужен День прощенья! –
Накопилось много слез
В добрых душах за Россию,
За себя и за народ.
День святой, воскресный, синий
Всех на исповедь зовет.
Я упал с мольбой на снежный,
На могильный бугорок
И услышал голос нежный:
«Я прощаю, мой сынок».
Слава Богу, мать простила.
Ты прости меня, отец.
Вашу братскую могилу
Знает ветер – мой гонец.
Буду ждать твое прощенье
С финской дальней стороны.
Буду ждать я на коленях
От мучительной вины.
И от бабушки родимой
Тоже буду слова ждать.
Верю, что она хранима
Небом,

в небе благодать.
За вину как преступленье

Неба чувствую презренье
 И укор лесов и трав.
 Я прошу у всех прощенья:
 Был невеждой, был не прав.
 А кругом мольба и плачи,
 Добрый смех и горький стон.
 Кто-то хочет жить иначе,
 Кто-то снова в жизнь влюблен.
 День ушел.
 Он на прощанье
 С неба глянул – боже мой! –
 Вновь Земля как поле брани,
 Как осколок огневой.

Весеннее прозрение

Йодисто-коричневые шишки
На елях по-апрельски веселы.
И суетливы белочки излишне,
Ощупывая лапками стволы.
И санквалтап настраивает дятел
На вознесенной к небесам сосне.
И хочется любви, твоих объятий,
Твоей улыбки в поле и во сне.
О, если б человек в дурном настрое
Не забывал величия свои! –
Что в этот мир явился он по воле
Небес для всеобъемлющей любви.
Прольется свет весеннего прозренья,
На равнодушных, горемычных, злых!
И это станет вечным утешеньем
Для нестихающих тревог моих.

Андрей
ТАРХАНОВ

Вербное
воскресенье

[Избранные
стихотворения]

Андрей
ТАРХАНОВ

Вербное
воскресенье

[Избранные
стихотворения]

* * *

А снег не тает —
 Снег горит.
 Багрово-языкаты блики.
 Костер о звездах говорит.
 А ночь,
 А ночь черней черники
 По-за костром,
 Где спит ручей
 Под куполом хрустально-тонким, —
 Каких мне ждать сейчас вестей,
 Скажите, зябкие потемки?
 И для чего я запалил
 Костер —
 Свой вызов темным далям?
 Чтоб кто-то вдохновенно жил,
 Чтоб там, где ночь,
 Скорей светало.
 Я вижу — милая идет,
 Ее страданий и сомнений
 Я растоплю январский лед
 И праздник подарю весенний.
 Пылай, костер!
 Под небеса
 Умчатся искры,
 Ночь уходит.
 И зреет теплая гроза,
 И солнце огненное всходит.

* * *

Тени мерцающе с веток упали,
Тени живут на снегу.
Эти искристо-зеленые шали
Мне бы поднять, –
Не могу.
Я заведу разговор удивленный
С тенью косматых ветвей –
Кедром священным
В детстве крещенный
Сказочник и ворожей.
Ветка кедровая, линии, искры,
Чей-то испуганный взгляд.
Ваши, деревья, весенние мысли
Нынче со мной говорят.
Видите, люди:
Клопочут овраги,
Парус готовит Весна.
Здравствуйте, верба и чувство отваги!
К черту полутона!
Непониманье весеннего буйства
Тает в холодных умах.
Руку, любовь!
Вознесение чувства
В наших сердцах и глазах.

* * *

Ханты-мансийские холмы
 Всегда в почете у зимы.
 Из красно-огненной лисицы
 У кедров утром рукавицы.
 Горят папахи от зари,
 Не кедры, а богатыри:
 Любой похож на казака
 Времен далеких Ермака.
 И как задумчивы лога!
 Как синева в логах ярка!
 Февраль,
 А здесь, представьте, тишь.
 Зато в буранах весь Иртыш.
 Разбег бураны набирают,
 Через холмы перелетают.
 Звучит победный снежный свист,
 Без боя взят Ханты-Мансийск.
 На каланчу февраль-чудак
 Повесил свой мятежный флаг,
 Всю ночь он бьется на ветру...
 Холмы прекрасны поутру.
 Одели кедры рукавицы,
 Горят снега, ликуют птицы.
 Ханты-мансийские холмы
 Всегда в почете у зимы.

* * *

Брату Владимиру

Рдеют тучки над закатом,
Чайки веселы.
Сосны дарят ароматы
Хвои и смолы.

Замираю от волненья –
Тонет поплавок.
Ерш, достойный восхищенья,
Проглотил крючок.

Р-раз! – и мой герой взлетает,
В воздухе дрожа.
Речка Аутья вздыхает, –
Видно, жаль ерша.

Укатилось в лес еловый
Солнце на покой.
Клев – вовсю!

И я, веселый,
В ночь иду домой.

Птицы спят.
А щучья травка
Дремлет на боку.
Люди, я дарю вам завтра.
Я вкуснейшую на завтрак
Вам сварю уху.

* * *

Не веря назойливым временщикам,
Фальшивым наградам, фальшивым чинам,
Мы жили,

а время спешило.

Огнем наше время прошло по сердцам,
И наши сердца опалило.

А в мире жестоком жируют ханжи,

А в мире жестоком парадов и лжи

Нельзя нам без мук и боренья.

Мы верим в рассветы мятежной души

И в завтрашний день вознесенья.

Гимн березовому соку

В корнях березы бродит сок.
Ждут годовые кольца,
Когда ему настанет срок,
Когда он в ствол прольется.
Хмельна береза в этот час,
По жилам жизнь клокочет.
От сока опьянев,

косач

Над вороном хохочет.
Вещун на косача сердит,
Ему веселье в тягость.
А на земле-то пир стоит,
А на земле-то радость.
Спешат к березе стар и мал
Испить живого сока,
Чтоб горестей никто не знал
И не старел до срока.

* * *

*Да почему же он родился таким
несчастливым: не волнует Природа его!
Слова матери о сыне*

Мы всеми в юности любимы.
Мать говорит, почти скорбя:
«Да почему же куст рябины,
Сынок, не радует тебя?!
Ты посмотри, как он пылает!
Огонь живет в его листьях», —
И головою мать качает,
Печаль стоит в ее глазах.
Мать родилась у речки Евры
В канун крушенья тишины,
В тот самый горький, самый первый
И вероломный день войны.
Все ей досталось: и ночное,
И ледяной озноб воды,
Светило солнце снеговое,
И низко кланялись цветы.
А сын,

как в жизни говорится, —
На белых постряпушках рос.
Ему чужда в ночи зарница,
Страду не ведал в сенокос.
Учился он.

Но пели птицы.
Я про учебу не в упрек...
Он главной не прочел страницы —
Великий пропустил урок:
Природы он совсем не знает,
Такой у парня минус есть.
И понимает мать: за это
Своя у жизни будет месть.

Поэтический натюрморт

Шампанское и брусника.
Стихов молодая книга.

Бруснику я взял у бора
Багряную, как закат.
В ней рыжих хвоинок строчки,
Я им восхищенно рад.

Шампанское, как усладу,
Мне верный друг подарил.
Я рядом с брусникой томик
Стихов своих положил.

Брусника, словно черешня,
В шампанском кипит задор.
И два веселых стакана
Таят на меня укор.

Любимой не будет нынче,
Она далеко ушла.
И жизни моей страница
На скатерти алой стола.

Шампанское и брусника.
Стихов молодая книга.

* * *

...Разорвал он струи лунных ливней
В. Шишков. Угрюм-река

Разорвал он струи лунных ливней
И увидел стойбище вблизи.
У седой сосны желтеют бивни,
Празднично и звездно от росы.
Стан легенд, исток рожденья мира,
Женской первородной красоты.
От столетних кедров в людях сила,
И еще она – от доброты.
Здесь живут наивно и по-братски.
Освящен любовью этот дол.
Через сотню трудных лет на счастье
Я сюда наследником пришел.
Разорвал я струи лунных ливней,
Поклонился розовой грозе.
Как ребенку, мне открылся дивный
Мир в своей доверчивой красе.
Нам с тобой, душа, пора за дело!
На терпенье я тебя молю.
Бога и людей на ниве спелой
Муками труда благодарю.

* * *

Иду за стихами к лесному ручью.
Сначала я воду душистую пью.
Сначала с березой веду разговор
Про этот раздумчивый синий простор.
Береза смеется,

и ласков ручей.

И музыка слышится в пляске лучей.
Рождается музыка, музыка дня,
О чудо! – она поднимает меня.
А может, душа воспарила моя?
Не знаю, не помню, не ведаю я.
Я слышу, я вижу, поверьте, слова
Цветастые, как луговая трава.
И я от восторга в полете притих,
Вот в это мгновение родился мой стих.

Приключения сибирского комара

шутка

Один-единственный комар
Мне встретился в Москве.
«Ты как, земляк, сюда попал?» —
Мелькнуло в голове.
И вдруг комар заговорил,
Тоскуя на окне:
«Ведь я в Ханты-Мансийске жил,
В родимой стороне.
Я в твой холодный чемодан
По глупости попал.
Теперь кругом и шум, и гам,
Признаться, я устал.
Да и народ, скажу тебе,
До крайности пуглив.
С минуту я кружил в толпе,
Остался чудом жив.
Уж ты меня не обижай,
Таежник и поэт,
Верни мне мой болотный рай,
В Москве мне жизни нет.
Клянусь: отныне земляков
Не буду обижать».
Ну, коли так,

тогда готов

Оказию сыскать.
И вот уже комар сидит
В бауле земляка,
В Ханты-Мансийск комар летит,
Дорога далека.
Он снова дома.

Лес в росе,

И травы на стерне.
Он снова дома
И, как все,
Готовится к зиме.

Миллионерша

Рая Блинова из Краснодара
Официантка редкого дара:
Вежлива, видит клиента насквозь:
Этот вертлявый назойлив и прост,
Словно в стене расшатавшийся гвоздь.
Очень забавен влюбленный молчун,
Занят персоной своею хвостун.
Рая улыбки вокруг раздает,
Касса своя поминутно растет.
Что ж вы, полковник!

Вы, право, чудак:

Рае даете «на чай» четвертак.
Там инженер, мой земляк из Урая,
Сотню кидает отчаянно Рае.
Рая и так, вы проверьте-ка счет,
Лишние деньги с клиентов берет.
Что нам обманы!

Мы тоже поем:

Рая, один раз на свете живем!..
Дома Раису совсем не узнать.
Где обаянье? И где ее стать?
Личную кассу надо считать.
Руки трясутся. И алчно лицо.
Чудится – кто-то взошел на крыльцо,
Дверь на крючок.
И, коварно шурша,
Валятся деньги на столик, дыша
Хвоей таежных югорских дорог,
Потом и снегом, стекающим в лог,
Полею армейским,

далью морскою,

Вашей, пилот, высотой грозовою...
Рая в волнение не спит до зари:
«Миллионерша я, черт побери!»
Завтра опять распахнет ресторан
Двери свои для гуляк-россиян.
Выйдет с улыбкой красивою снова
Миллионерша Рая Блинова.

Эх, новый купец!

Чайникову Леониду Григорьевичу

Запах воли, мороза и сена,
Запах водки, оленьих рогов
Он принес в мои тихие сени,
В мир моих обручальных стихов.
Скинув на пол и шапку, и шубу,
Он и вправду до ниточки свой, —
Горделивую спутницу Любу
Приглашает к застолью рукой.
Он купил на Ямале оленей,
Пропил в Омске на спор пароход.
И сейчас он фартовый, метельный,
Вновь к себе приключенья зовет.
Любит рябчиков, спирт, строганину,
Гулеванит по-царски в лесу.
А потом с головою повинной
На себя вызывает грозу.
Он познал разоренье с лихвою,
Он опять начинает с нуля.
Бог качает тогда головою:
«Так и быть — помогу тебе я».

* * *

Сегодня ты, как луч, тиха.
Вчера была ты бурей южной,
И удивительно послушной
Была горячая рука.

Вскипала плоть, как та волна,
Что хочет быть всегда девятой.
И ты ждала моих объятий,
Быстра, насмешлива, нежна.

И руки вскинулись мои.
Но... ты опять в плену рассудка:
«Нужна на каждый случай шутка...»
И ты уходишь от любви.

Ты заливаешь страсть водой,
Рассудок подал полный ковшик,
И зачастил случайный дождик.
Погаснул вечер твой и мой,
 не озарив простор ночной.

Семейные времена года

шутка

Зима

Со мною ты не говоришь,
Два дня, как статуя, молчишь.
Стоит немытая посуда.
Зима.
Мороз крепчает.
Худо.

Весна

Звенят ручьи,
Поют скворцы,
Смеются наши сорванцы.
Ты беспричинно весела,
Меня при людях обняла,
Сказала громко – грех какой! –
«Пора любить. Пойдем домой».

Лето

Ромашкой пахнет луговой,
Кошу траву я за рекой.
И на меня тебе не лень
Смотреть влюбленно целый день.

Осень

О первой вспомнила любви,
Глаза задумчивы твои.
От смущенья стал я нем.
Эх, был бы у меня гарем!..

В Ачимово

Памяти Валерия Клиндухова

В Ачимово цветет пастушья сумка,
В Ачимово озера – в лебедях.
Как молния, рождается задумка,
Об этом надо рассказать в стихах.

Мне по душе и клевер косоогоров,
И новые скворешни на дворе,
И ласточек небесные узоры,
Покоя не дающих мошкаре.

Здесь вы росли: Валера, Витя, Ваня –
Сыны своей березовой страны.
И вскоре одного из вас не станет,
И вспыхнет боль родимой стороны.

Вас привечало озеро деревни
И речка по названию Барсук.
Вас обнимал по-летнему напевный,
В медовых росах ароматный луг.

Ах, просыпайтесь, мои люди, рано!
Спешите восхищаться на веку!
Пастушья сумка золотит поляны,
От лебедей озера как в снегу.

* * *

– Ты все готов друзьям отдать, –
Жизнь говорит с улыбкой строгой, –
Должна и щедрость меру знать,
Быть осмотрительной в дороге.

Но если будут полущедрость
И полuvera,

ведь тогда

Жить рядом станут полuverность
И – страшно – полукрасота.
Дарить – так все:
И смех, и деньги,
И ноша за спиной легка, –
Дарю берез апрельских серьги
И утренние облака.

...Блестят золоченые репы собора.

И. Бунин

Золоченые репы собора
Вознеслись от мечты и любви.
Храм Блаженного древен, как ворон,
Как легенды, Россия, твои.
И, воздев руки слезно к собору,
Грешник в муке просил: «Вознеси!..»
Отвечали такому Егору
Купола:

«Коль терпенье еси,
Вознесем,
но и спросим сурово
За распутство, за леность, за ложь». —
«Я суда не желаю такого.
Сам себя вознесу, коли хошь.
На терпенье и труд я не трушу,
Мать-природа к мечте позвала».
И Егор возносил свою душу,
Строил он терема-купола.
Он творил это диво с рассвета,
Переполненный чувством любви.
Так Кижы появились на свете
И соборы, Россия, твои.

* * *

О, сколько выстраданных слов
В душе, о Боже!
Крик неродившихся стихов,
Крик неродившихся детей, —
Одно и то же.

Тишина

Предгрозовая тишина –
Она
Малиной дикой жадно дышит
И, непочатой музыки полна,
Идет дорогами неслышно.
Ласкает, словно мать своих детей,
На всех путях людей великодушных,
Она укроет в бурю от дождей
И поцелуем
Плач души осушит.
Ни звука.
Пьет малиновый настой
Земля.
Она
От молний поседела.
И на ресницы девочки босой,
Как бабочка, дождинка прилетела...

* * *

Разве сторонкой, Галина,
Твой палисад обойдешь!
Запах цветущей рябины, —
Господи, как он хорош!

Нынче твои именины
Ветки цветут от любви.
Майский подарок рябины
В нашей, Галина, крови.

Дни улетели лихие —
Я колобродил, дичал.
Запах рябины впервые,
Как вдохновенье, познал.

С милой улыбкой, Галина,
Ты в палисад свой ведешь,
Запах цветущей рябины, —
Господи, как он хорош!

Сотворение женщины

Явление женского тела
Есть тайна Природы самой –
Оно от метелицы белой,
Оно от стихии морской.

Распахнуты бедра для пира
Желанной и страстной любви.
И в днях сотворения мира
Есть, женщина, стоны твои.

Природа трудилась умело,
Фигуры творя естество.
Изящество женского тела,
Мол, это превыше всего.

И шею чуток удлинила
Под кроной мятежных волос.
Подумав, с улыбкой решила:
Капризный я выточу нос.

Задумчиво груди ваяла,
Терпенья набравшись с утра.
Творение

женственной стало
От линий округлых бедра.

И ночью дождливой, глубокой
Закончились дни маеты.
Опасные женские ноги
Явились венцом Красоты.

Пошла Красота, усмехнулась:
– Ну, бедный мужчина, дрожи.
Природа тогда спохватилась:
– Не можно красе без души!

И...снова за труд. Говорила:
– Ой, трудно мне душу лепить!
И если я что упустила,
Прошу и понять, и простить.

О любви

Ночные рябины, ночные рябины,
 О чем вы грустите, скажите, о чем?
 У девочки Нины, у девочки Нины
 Пылает в глазах золотой окоем.
 Она, словно берег желанный и близкий,
 Который в грядущем приветит, поймет
 И душу свою распахнет по-росийски,
 Когда ее взрослое время придет.
 Она, озорна, нежна и пуглива,
 И мысли смешные у ней о любви.
 Она для мальчишки невинно красива,
 Он будет смотреть на нее до зари.
 Но грянет минута –

увидит впервые
 По-женски внимательный
 девочки взгляд.

Он встретится с ней, где рябины ночные
 О судьбах людских меж собой говорят.
 Рябины поведают им,

как девчонки
 Здесь плакали, клятвы давая свои.
 Потом приходили с другими

и звонко
 Смеялись над клятвами первой любви.
 Расскажут рябины светло, как седые
 Сюда приходили мужчины,

они
 Просили прощенья.
 Укоры немые
 Суровое время на ветках хранит.

* * *

Удивляюсь синей мгле.
Синей пастой из капли
Ветка вербы на стекле
Нарисована апрелем.
В каждой почке трепет дня,
Завязь радости и стона
Для тебя и для меня,
Для шмеля и махаона.
У меня восторг в глазах.
Эта ветка – повторенье
Той,
 которая в цветах
Будет завтра, в воскресенье.

* * *

А женщина и март нерасторжимы,
Как в небе темном звездные огни.
А женщина и март всегда любимы,
Друг другу очень нравятся они.

Ах, женщина, весенняя, родная,
Ты празднично по улице идешь!
Ты чуточку смешная, ты шальная,
Движеньем каждым за собой зовешь.

Ты хочешь удивлять и удивляться,
Ты чародейка страсти, ты азарт.
И надо этой страсти подчиняться,
Коль мы – мужчины, синеглазый март.

* * *

Наедине с воспоминаниями
Живу теперь как мудрый бог.
Но знаю –
 залит мир страданиями
И нет улыбчивых дорог.

Души моей веленье строгое –
 Здесь одиночество мое.
 Любви претензии высокие
 Давно покинули жилье.

Зачем такое заточение, —
Я не преступник, не монах?
Познать хочу свое терпение,
Преодолеть хочу свой страх.

И продолжал свои страдания
Я до минуты роковой:
Увидел радуги сияние
И смех услышал озорной.

А плач ребенка, милый, жалостный,
Ударил в сердце, как ножом.
Душа проснулась в гнев яроством:
Да, где ты, Боже?! Зло кругом...

И грянул гром.
И глас решительный:
«Сначала искупи свой грех.
То будет подвиг удивительный,
Он станет алтарем для всех».

* * *

Вокруг пахучий сумрак снега.
Поляны ранние в цвету.
И клетки малой человека
В себе я нынче не найду.

Я стану веткой,
На которой
Снегирь – как язычок огня.
Я стану жарким сердцем бора –
Посланник завтрашнего дня.

Голубоватый сумрак снега
Растаял у меня в зрачках.
И снова стал я человеком,
Но только с зорями в глазах.

Этюд из Долины ручьев

*Другу, художнику
Владимиру Кукушкину*

Близ священного кедра бушует ручей,
Смотрят вербы с пригорка пугливо.
Все устали от частых холодных дождей,
Потому и кедровка криклива.
Я хотел на поляне разжечь костерок,
Отогреть свою душу и тело,
Чтоб взбодрился
 озябший от сырости лог,
Чтоб туманы с него улетели.
Но нагрянула туча с обской стороны,
Дождь пролился и синий, и звонкий.
И потух костерок,
 словно голос струны —
Голос иволги нежный и звонкий.
Я защиту под ветками кедра нашел,
Я к нему прикоснулся душою
И почувствовал —
 вздогнул от радости ствол,
Крона пела в дожде надо мною.

Таежное

Есть озера синие в Урае,
 Не стихает там утиный крик.
 И растет на диво в этом крае
 С голубой каемкою сосняк.
 Приезжайте –
 У лесной сторожки
 Встретит вас веселый следопыт.
 Он душой распахнут

и немножко

Фантазер, из сказок леса сшит.
 И когда его чайком распарит,
 Поведет он, лежа на боку:
 «Чо тебе я расскажу-ка, паря.
 Шел лонись за глухарем в тайгу.
 И медведь – сама гора Шайтанка
 На меня шагает на дыбах.
 И струхнул я:

поздно за берданку...

Слава Богу, сила есть в руках.
 Вот сошлись мы нешутейно.
 Душит,
 Гнет меня он, лиходей, сопя.
 Шмыг я под него –

и эту тушу

Враз перемахнул через себя.
 Темь в глазах –
 Как побывал под танком.
 Глянул я, куда медведь упал.
 Где же он?

И где моя берданка?

Он, лешак, с берданкою удрал...»
 А костер горит. Сова хохочет.
 Все с охотником случиться может.

Первый снег

Березы матово-белы
В накидках заячьих, пушистых.
И чуть качаются стволы
В тумане нитей серебристых.
Березы трепетно стоят.
С такой вот долей неизвестной,
Одев прощальный свой наряд,
Стоит пред зеркалом невеста.
И вдруг притихнет,
Вдруг замрет,
Как перед бурей синица...
А снег идет,
А снег идет,
И молодеют наши лица.

Крымский этюд

Волны фиолетовой лаванды
Близ карминно-розовой скалы.
Уплывают в синеву шаланды,
Уплывают в марево орлы.

Холостяки

Холостяки, холостяки,
Вы от комфорта далеки,
Вы на подъем всегда легки,
Вы сами словно рюкзаки.

У вас сужденья свои,
Бойтесь вы пока семьи,
Бойтесь волю потерять.
Семейным трудно вас понять.

Холостяки, холостяки,
Вы беззаботны, как мальки
Июльской ласковой реки.
Мне поучать вас не с руки.

Но вдохновенно, словно Бог,
Зову я вас в страну тревог.
И ставьте, ставьте паруса –
Торопят девичьи глаза.

Я – на семейном берегу
И славу мужа берегу.
Познать скорей спешите мир,
Женитесь рано, как Шекспир.

Свадебные кони

Кони яркие,
Кони-черти,
Сбруя в бантах и лентах вся.
Я никак не могу поверить,
Что сегодня свадьба твоя.

Кони мчатся,
И я с дороги
Отступаю в глубокий свет.
Гармонист –
здоровяк высокий –
Рассыпает частушки смех.

В шаль нарядную,
В шаль-подарок
Ты потупила жаркий взгляд.
Кони шалые,
Кони яркие,
Кони свадебные летят.

* * *

Не умирай, пока живешь.

Галльская поговорка

Небесной манны, видно, ждешь —
Считаешь облака.
Не умирай, пока живешь,
Вот именно — пока.

А кедр цветет.
И зреет рожь.
И место есть в тени.
Не умирай, пока живешь,
Бери же эти дни.

Я грешен сам.
Большую дань
Я водке уплатил.
Живой воды от горьких ран
Сейчас бы я испил.

Но... нет ее.
И как вернешь
Обиженный свой час?!
Не умирай, пока живешь,
Гори душой сейчас.

Утро Достоевского

Семеновский плац опоясан штыками,
Семеновский плац окольцован клинками.
И вдруг загремели кругом барабаны,
И красное солнце взмахнуло крылами
Над ним, Достоевским,

и над палачами.

Надели уже на друзей балахоны.
Прощальные вздохи, прощальные стоны.
Он в смертном нелепем стоит одеянье.
Он станет отныне

Поэтом страданья.

И вечность, и миг –

познаются пред смертью.

Он пережил это.

Теперь вы доверьте

Ему свои судьбы, и горе, и думы –
Все бедные люди России угрюмой.
Доверься, студент, и чиновник, и нищий,
И князь, по наличию совести – лишний.
Идут россияне: Раскольников бледный,
Мечтатель спешит вдохновенный, рассветный.
С Настасьей Филипповной, гордой и бойкой,
Рогожин летит на игреневой тройке.
И братьев зовет Карамазов Алеша...
Россия идет исповедаться, Боже!
О, судьбы людские! – сомнений лавины,
Увидел он тайные в душах глубины.
Сказал он: «Я понял вчера поутру:
Есть в муках –

свободная воля к добру».

* * *

Мы все одиноки по-своему.
И я одинок,
Даже ты –
Такая красивая, знойная,
Не знавшая в жизни беды.

Стоишь на виду у роскошного
Восхода.
Открыты пути.
И с паруса взгляда тревожного
Не можешь сейчас отвести.

Вниманьем друзей избалована,
И, яркую жизнь возлюбя,
Ты хочешь, чтоб ныне взволнованно
Позвал я в дорогу тебя.

Но... дума моя одинокая
Живет уже бурей ветров.
Плыву.
И луна краснобокая
Садится на гребни валов.

Я падаю птицею раненой,
Но снова беру высоту..
И в этой стихии отчаянной
Я пережил грусть и беду.

Так вот почему одиночества
Просил я с мольбою, волна:
Ведь в буре есть музыка творчества.
Мне музыка эта нужна.

* * *

Вздыхаю запах сосняка,
 Миндальный запах серы.
 И, словно бы издалека,
 Приходит чувство веры –
 Веселой веры в синий край
 И в вечность доброй воли,
 Которой я сказал «прощай»
 Вчера от горькой боли.
 Уж так душе, видать, дано –
 То плакать, то смеяться
 И, познавая жизни дно,
 Высоко подниматься.
 Но этот трудный взлет души
 Немыслим без участия
 Ветров, лесов, цветов во ржи
 И мартовского наста.
 Зеленым сосняком дышу,
 Смотрю его глазами.
 Я над землей сейчас лечу
 С веселыми стихами.

ДВА ПИСЬМА

С Дуная

Андрей, ты, который сидишь в заснеженной деревянной избушке далекого северного города и пишешь или созерцаешь, а кружевной блеск манит тебя сквозь ледяные узоры на окне твоём по снежному пути, – видишь ли из золотисто-узорчатого своего окна странников пустынь, воющих под снежной вьюгой, которые ищут свое прошлое и будущее в недостижимых далях и падают перед чужим порогом, когда все их надежды тают?..

Друг наш, поэт, кого я давно не видела: ты, певец тихих песен, настоящий европеец и азиат, с маленькими, прищуренными вогульскими глазами, родившийся в таежном поселке для благоговейных ночей, для звенящих волшебных утр, ты, убежавший от пламени костра, когда жизнь была в дыму, когда улетели и птицы, – остались там только обугленные ветки деревьев, как идола, осталась только хижина жрецов-волшебников из сказочного мира твоего детства – сейчас, когда ветры разнесли и ее стены, как носишь на хрупких своих плечах уцелевший миг древней мечты, доверие, унижение, воспоминание, надежду, волю, которые крепят тяжесть тысячелетий?..

Приходилось ли тебе видеть с тех пор масляно-коричневые воды Оби там, где она сливается с золотисто-сияющим Иртышом?

Была ночь, я стояла на корабле рядом с тобой, и мы чуть слышно пели, а убегающие берега вздыхали так, как отшумевшая жизнь, как невозвратно улетевший миг, пусть даже самый красивый, который должен бы быть вечным...

Кто проходит над нефтяными морями и чувствует своими ступнями и сердцем своим пульс нефтяных жил этой строгой земли?

Кто тот, который достает сокровища из-под корней деревьев в тайге, чтобы они стали светлее, чтобы спасти людей от холода, спасти народы от обреченности, чтобы они стали смелее перед своим родом?

Андрей! Человек, улыбающийся в бурях, в поединке огня и льда, – кроток и мудр. Ты никогда не покидал свой народ, очищенный болью. Придешь ли ты когда-нибудь к нам в птичий рай, принесешь ли нам мечтающие в снегах леса, мерзнувшие на холоде бледно-кудрявые узоры, веселые болотные ягоды, прекрасную повесть о возобновившейся человеческой жизни?!

Беде Анна

С Оби

Беде Анне, венгерскому поэту

И прочел я письмо твое, Анна,
Не письмо –

я поэму прочел.

И, как прежде на тропах урмана,
Для борения силы обрел.

Знаки рода сегодня открою,
Род идет от седых журавлей.
Потому перелетной порою
Славят птицы моих сыновей.

Я прошу тебя, Анна, в просторы,
Где мой предок, суровый Тархан,
С небесами имел разговоры,
Посвящал свои думы борам.

Я зову тебя, Анна, в кедровник,
Здесь родился под кронами я.
И несла меня мать на ладонях,
И баюкали ветры меня.

Я веду тебя, Анна-мадьярка,
Позабытой дорогой веду.
Вон у той, у березовой арки
Повстречал я однажды беду.

Чтоб всегда я имел послушанье –
Я запреты нарушить посмел, –
Прямо в сердце мое, в наказание,
Некто хмуρο навел самострел.

Две стрелы пролетели лихие,
Видно, Торум отвел от груди...
Окликают нас птицы седые,
Мы на их повстречались пути.

В грозу

Мэру Ханты-Мансийска

В.Г. Яковлеву

Рокочет гром над хвойной рощей близко.
Как величава летняя гроза!
Парными кедрами Ханты-Мансийска
Сегодня дышат даже небеса.
Притих простор,

и только реют звуки.

Внимает им зеленый город мой.
И словно чьи-то ласковые руки
Меня возносят к туче грозовой.
Две радуги веселого июля
Пьют торопливо воду Иртыша.
И понял я —

еще не отлюбила

Вот этот мир пленительный душа.
Еще мне плавать у холмов лесистых,
И подниматься буду в небеса.
Еще не раз в лугах Ханты-Мансийска
Меня приветит теплая гроза.

Пасхальный день

Искушенной звездой пролети,
Мое сердце,
 над миром безбрежным.
Все равно не уйти от тоски,
Все равно я не буду безгрешным.

Так качайте, качели, меня,
В синеву уносите тугую.
Я на склоне пасхального дня
Голубого Христа поцелую –

Поцелую я детство свое
И такую далекую веру.
И заплачу уже оттого,
Что теперь ни в кого так не верю.

Пасхальная ночь

Беспокойна Пасхальная ночь,
Полыхают зарницы тревоги.
Знаю – другу мне надо помочь,
Знаю – брату сейчас одиноко.

Птица ночи неслышно парит,
Высветляя лачуги и виллы.
Проплывают под нею Париж,
И Белград, и Москва, и Курилы.

Эта ночь родилась для людей,
В эту ночь наступает прозрение.
Кайся, грешник!

И кайся, злодей!

Завтра Пасха во имя спасенья.

Глянул Бог на людские дела
И за сердце схватился в страданье.
Но... карающая стрела
Остается до срока в колчане.

А иначе в дыму и золе
Мир растаял бы, как привиденье...
Появись же, Господь, на Земле,
Появись же в свое Воскресенье.

Плач неба

Голосам умоляющим внемля,
Не скрывая волнующих слез,
Вновь хотел опуститься на Землю
В день Пасхальный
спаситель Христос.

В небесах возликующих майских
И спокойствие, и благодать.
В эту ночь из обители райской
Осиянно планету видать.

Что творится?!

Резня и пожары,
Крик младенцев и плач матерей...
И Христос опустил усталый:
«Сатана перессорил людей.

Наступило умов помраченье,
Позабыли заветы мои,
Будь печальным, мое Воскресенье,
И печально пролейтесь, дожди...».

В эту ночь Первомая и Пасхи
Я не спал по веленью небес.
И лучей долгожданную ласку
Принял первым, душою воскрес.

И по-детски мое ликование:
«О Спаситель! Мы ждем, приходи...»
Вдруг укрылось светило в тумане,
И, как слезы, явились дожди.

Колокольные звоны печальны,
И слова покаянно глухи:
«Ты прости нас, Господь, за обманы,
За житейские беды-грехи».

Небо плакало.
Люди молились
И своею виною казнились.
Небо плакало...

Белый май

В оранжевой дымке Нева,
И белое небо над нами.
И пахнут сиренью слова,
Рожденные в муках сердцами.
«Ты будешь на веки моя», –
Шепчу,

твои плечи лаская.

Но вспыхнула в небе заря –
Разлучница белого мая.
Ты, вздрогнув,

меня обняла:

«Послушай, как скрипка играет.
И плачут колокола...»
Наш май в небеса улетает.

Парус

Сыну Ивану

Снова Бог послал мне знак надежды –
 Белый парус светится вдали.
 У волны загадочной, нездешней
 Я стою на розовой мели.
 Берега тихи и величавы,
 В небе зажигаются огни,
 Парус, мы с тобой в раздумьях правы,
 Нам даны для искупленья дни.
 Много я в пути набедокурил
 В поисках возвышенной любви.
 Ты привез мне, парус, голос бури,
 Ты молитвы подарил свои.
 И теперь мы жизнь начнем сначала,
 За бортом оставив все грехи,
 Чтобы всюду музыка звучала,
 Чтобы стали гимнами стихи.

* * *

Прохлада вечернего лога,
Брусникой усыпанный склон.
И в мир этот нынче, ей-богу,
Я, словно ребенок, влюблен.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет вот этих стволов,
Вот этой березовой арки,
Зовущей в объятья цветов.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет полей и дорог,
Моя черноглазая Матра
Не выйдет ко мне на порог.

Не будет, не будет, не будет
Ни ветки,

лишь пепел и смерть...

Простите меня, мои люди,
И ты мне, березка, не верь.

Да разве такое возможно –
Исчезнут навеки леса, –
Пока мое сердце тревожно
И наши бунтуют сердца?!

Живите, деревья, у лога!
Цвети, мой оранжевый склон!
И в мир этот нынче, ей-богу,
Я, словно ребенок, влюблен.

Зеркальный лось

Под радугой сосновый бор
 И первозданный, и ветвистый.
 Пройдя таежный коридор,
 Лось вышел к речке серебристой.
 Минуты три тому назад
 Здесь буря пела и гремела.
 И был сохатый ливню рад,
 И шел под молниями смело.
 У водополя лось стоит
 И белым кажется из бора,
 Лось ослепительно блестит,
 Сейчас он – зеркало простора.
 Сохатый знает это сам.
 Сквозит голубоватый ягель.
 А по сияющим бокам
 Бегут на землю нити капель.

Белая ночь

Ночь как сон – и волшебный, и давний,
Ночь, как чайка над Обью, бела.
И на время прозревшие камни
Плачут на косогоре села.
Это им от небес подаренье –
Увидать на мгновенье окрест
Родников золотое свечение
И молочно-оранжевый лес.
Видят в белых одеждах влюбленных,
Словно тающих в белом дыму.
Все сейчас –

для счастливых, смятенных,
И остаться нельзя одному.
Не спеши, огнекрылое утро,
На дорогу свою не зови.
Эта ночь, это белое чудо –
Облик первой далекой любви.

Не вспоминай

романс

С моих кедровых гор несет прохладой
И ароматом хвои смоляной.
Мы были там, мой друг, с тобой когда-то,
И ты клялась,

что будешь век со мной.

Куда ты, время, унесло мой шепот:
«Люблю тебя».

Мне было тридцать лет.

И я услышал древних кедров ропот:
«Не вспоминай.

Не надо новых бед.

Живи один,

так велено Судьбою,

И от людей сочувствия не жди.

Она уже не встретится с тобою,

У ней чужие для тебя дожди».

Не вспоминай, —

шепчу я отрешенно, —

Прощай навеки, бывший милый друг.

На эти горы я гляжу влюбленно,

Родилась здесь тропинка наших мук.

* * *

Поэту дан бунтарский склад души.
Душе дай небо,
красоту Вселенной!
А я твержу ей, гордой и смятенной:
Ты будь со мной,
ты будь со мной в тиши.
Душа порой,
как узник, цепи рвет.
И я тогда –
в ее высокой власти.
О, эти редкие минуты счастья! –
Когда со мной земля моя поет.

* * *

Люблю бушующее море.
Когда с турецкой стороны
Валы –
 передвижные горы –
Идут, угрозами полны.
Стою.
А горы нарастают,
Чтоб превратить в песок меня.
Но я навстречу посылаю
Любовь –
Свой ультиматум дня.
И закипели страсти в море,
Валы вступили с небом в спор.
Но... гаснет ярость вод,
 и вскоре
Растаяли остатки гор.
Затихло грозное боренье,
И море вновь – отдохновенье.
Оно как женщина сейчас,
Которая для наслажденья
В любви
 распахнута для нас.

1997, Анапа

* * *

Я славлю раковины пенье —
Прощальный голос моряка.
Он принял смерть как удивленье,
Уж близко-близко берега...
И вот его остался голос.
И раковины чуткой полость
Его для мира бережет.
А голос все зовет, зовет...

* * *

Загорелась звезда в изголовье.

«Ты мечтал о Венере?

Вот – я!

Ты мечтал о Венере с любовью,

Так летим в голубые края!

Ты забудешь дороги ночные,

Ты забудешь слепящий буран

И березы осенне-нагие...

Ну, зачем это грустное нам?

И чего ты задумался, странный,

Обретишь и мечту, и дворец?!

Распрощайся с Землею туманной,

Ну, чего тебе даст этот лес?..»

Не забыть мне дороги ночные,

Не забыть мне слепящий буран,

И березы осенне-нагие,

И над парусом синий туман.

* * *

Брату Владимиру

Ниспослан снег.
Огонь рябины
Мерцает, будто волчий глаз.
А на громадных кедрах – иней,
Пурги шаманский перепляс.
Как в былях при царе Горохе –
Изба в снегах,

она цветет.

Зайди, не бойся, друг, подвоха,
Тебя седой таежник ждет.
Он бородат, медвежья сила,
Глаза вприщур –

от доброты...

В такой глуши живут, Россия,
Твои и тайны, и мечты.

* * *

После распрей, ссор нелепых,
В тишине стыдясь себя,
Смотрим мы на звезды неба,
Их с надеждою любя.

Дети смотрят с удивленьем
И на вас,
и на меня.

Говорит мне сын с почтеньем:
«Можно... рядом сяду я?
Ты на звездочку какую
Смотришь, папа,
покажи?..»

Сына в голову целую –
И стихает крик души.

Но не гаснет сожаленье
О раздорах, суете.
В горький час ища спасенья,
Обращаем взгляд
к звезде.

А спасенье –
в доброте.

* * *

Осколок солнца в сердце у меня,
Я с ним не знаю лени и покоя.
Душа моя сегодня —
 поле боя,
Где в наступленье жарком зори дня.

Мотив лугового пырея

Поклон тебе, равнина снеговая.
Поклон тебе, задумчивый пырей.
Стоишь под ветром,
 путникам кивая,
Наверно, любишь страждущих людей.
Тропа по луговине как струится, –
Поземка вдаль сыпучий снег несет.
Здесь егерский «Буран» порой промчится,
Порой пройдет печальный пешеход.
Февральских дней метели ледяные
Тебя ломают,
 всюду белый дым.

Но видят утром косачи седые, –
Ты из-под снега шлешь улыбку им.
А летом зеленеешь, как сосенка,
И бережешь от ястреба утят,
И привечаешь рыжего лосенка,
Который маму потерял опять.
Я сам люблю твои в июне кущи, –
Утрами каждый стебелек поет.
Когда прольются грозовые тучи –
В твоих просторах радуга цветет.

* * *

Дни грядут голубые и талые,
Только б нам не коснуться беды,
И тогда на апрельской проталине
Бело-синие вспыхнут цветы.
Оглянусь –
 и пойму в озарении –
Этот миг для тебя и меня.
Избежим мы на век сожаления
С неповторною свежестью дня.
Ты – Богиня растаявшей снежности
В соболином притихшем лесу.
И весеннее чудо, подснежники,
На коленях тебе поднесу.

Влюбленным

Луной окольцованы вишни,
И звезды надели короны.
Вечернее это затишье
Дарит Природа влюбленным.
И бережно, словно младенца,
Несут в себе слово девчата –
Горячую исповедь сердца,
Которую выслушать надо...
И требуют губы согласия.
И видят вечерние кроны,
Как звезды

 влюбленным на счастье
Свои надевают короны.

Гимн зеленому чаю

Чайхана гостей полна,
 Как пчелиный рой, шумна.
 Пиалу держу я, словно
 Зачарованное солнце.
 А у солнца шесть боков,
 А у солнца шесть цветков.
 Из цветков-то, примечай, —
 Самый вкусный в мире чай.
 Я добрею,
 я мудрею,
 И на самый мирный лад
 Так я речь вести сумею,
 Что притихнет чайхана.
 Чай зеленый, чай зеленый
 Слаще пива и вина,
 Двадцать чашек пью до дна.

Знойный день

От зноя бор сосновый порыжел,
На дереве свалила рысь дремота.
И даже гриб под елочкой вспотел –
На красной шляпке
семь крупинок пота.

И коршун в небе –
 как прибит гвоздем –
Лучом всеусыпляющего зноя.
Не справиться ему лишь с муравьем,
И в зной
 не знает муравей покоя.

Весенний этюд

Горбатый пенёк обрел свои черты.
Ручей из слез его
На свет родился.
Смеялся над уродом леса ты,
И я твоей жестокости стыдился.

* * *

На улице праздник и вербы, и снега,
Глубинное небо искрится, цветет.

А там,

как ведется от первого века,
Ломают дороги зимы
ледоход.

Вновь дарит Всевышний Земле обновление.
Он хочет, чтоб пели его соловьи,
Чтоб в каждой душе родилось воскресенье
Во имя добра
и во имя любви.

Опять полыхают повсюду пожары,
Никак не опомнятся люди Земли.
Теряют надежду и малый, и старый,
И ложью окутано поле вдали.

Мы вспашем его, поседев от тревоги,
От непосильной его маеты.
На скромных могилах у шумной дороги
Заполыхают живые цветы.

Мы чувствуем ваши веселые лица,
Живите и радуйтесь, люди Земли.
И пусть наше поле всегда колосится
Во имя добра
и во имя любви.

* * *

В человеке бездна жизненности.

Ф. Достоевский

Бездна жизненности во мне.
Словно воля бесстрашных людей
И горенье цветов на стерне
В плоть вошли мою, в песне моей.
И тоска в моем сердце живет.
Просыпаясь порою, она,
Как налетчик, за горло берет,
И... темнеет в глазах вышина.
Я готов на колени упасть,
В этот миг послушанье тая.
Но души непонятная власть
Останавливает меня.
Торопливо за двери ведет
В мир боренья,
 навстречу весне.
Ах, как верба пушисто цветет!
След Армстронга цветет на Луне.

Андрей
ТАРХАНОВ

Утро вознесения

[Избранные
стихотворения]

Андрей
ТАРХАНОВ

Утро вознесения

[Избранные
стихотворения]

УТРО ВОЗНЕСЕНИЯ

поэма

*Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!*

А. Блок

*Поэма посвящается
поэту Виктору Жорнику*

Пролог

Голос космоса

Несчастный! Ты Бухту затишья искал
От горя, страданий и слез.
Среди голубых и оранжевых скал
Ты Храм удовольствий вознес.

В разгуле бездумном проходят часы.
И что тебе беды людей!
Не чуешь, не видишь движение грозы
По воле бессмертной моей.

И снова бокал наполняют тебе.
И я говорю, как судья:
Поэтом назвал я тебя по Судьбе,
Но вижу –
ты предал меня.

Позор свой погасишь душевным огнем,
Прозренье, заблудший, познай.
Застольные звоны заглушит мой гром.
Ты бурю под утро встречай.

Первая глава
Шторм

Я ночью проснулся от рева валов.
Стучал в мое сердце неистовый зов.

Ты к морю иди! – грохотало кругом.
Громадные камни разбрасывал гром.

Рыдали деревья и, падая ниц,
Кричали – преступник! – при свете зарниц.

Мой Храм содрогался. Стенали вокруг
Ужасные маски вчерашних подруг.

Мой радужный кубок взлетел к потолку
И... бликами света истек по стеклу.

Не помня себя, – только знала душа, –
Я выбежал в ночь, потрясенно дрожа.

Разумная сила меня подняла
И бросила к дубу, нарочно спасла.

Ударили молнии, белым слепя.
О, Господи! – крик проглотил я в себя.

Качалась у кручи земля подо мной.
Я к дубу прижался прощально душой.

Ревела, рычала стихия воды.
Знобило от страшной ее красоты.

От молний пожар во Вселенной пылал.
И, к тучам вздымаясь, накатывал вал.

Шли белые горы, крича на меня,
Малюсенькой пташкой казался им я.

Но, видимо, что-то я значил для них,
Коль нужен был им

мой задумчивый стих.

И снова услышал я голос небес:
«Тебе неуютно, наверное, здесь?

Ты хочешь, конечно, в свой розовый Храм,
К вину и бесстыдным холеным телам?

Но я тебе дам только соли глоток.
На пользу пойдет тебе этот урок.

Я волю даю справедливым громам».
И с грохотом рухнул мой розовый Храм.

Почудилось –
падаю я между скал...
Вселенский орган рокотал, грохотал.

Очнулся я, видимо, от тишины,
От ласковых звуков прибрежной волны.

И дуб – мой спаситель –
стоит чуть живой.
Лежу я, как прежде, прижавшись душой

К прохладной и пряной от ливней коре,
Явился я заново в мир на заре.

Повсюду обломки деревьев, колонн.
Сквозь трещину в тверди слышался стон.

О, боги! Мой Храм проглотила земля.
А камни – насмешка того бытия.

Но – что это? Посох, и рядом сума.
Я понял – она мне с намеком дана.

На посохе надпись – Всевышнего труд:
Нас тени великих на встречу зовут.

Взяв посох, суму, я спустился к волне, –
Я верил, что тайна откроется мне.

И вот он... баркас,
как истории дань.
На парусе буквы сияют – Тамань.

Я замер. Я верю давно в чудеса, –
Вы парус прислали за мной, небеса.

В Тамани мятежный поэт меня ждет.
Скорее, скорее в желанный поход!

Вторая глава Встреча с Лермонтовым

*У жизни есть горькая мука,
Когда ты совсем одинок.
Но есть и бессмертие духа.
Бессмертье небесных дорог.*

От автора

*...Но сердце сильнее рассудка. Оно чувствует
и находит вдалеке родные тени...*

В.И. Лихоносов. Осень в Тамани

*Я взошел в хату...
В разбитое стекло врывался морской ветер...
М.Ю. Лермонтов. Тамань*

Сегодня в окошко не дует –
Здесь новое светит стекло.
И ветер на крыше ночует,
Ему, сироте, все равно.

Когда затихает округа,
Из туч выплывает луна.
Она освещает лачугу,
Баркас озаряет она.

Он – вестник далекий у кручи.
Площется парус над ним.
Выходит на берег поручик,
Тревогою тайной гоним.

Идет он в знакомую хату, –
Две лавки, и стол, и сундук.

Ему дописать что-то надо,
И верит:

появится друг.

Он, буркой укрывшись, подремлет,
Заветную спрятав тетрадь.
Он слышит и море, и землю,
И облака песню слышать.

Он встал далеко до рассвета,
Спешит по откосу тропы...
К лачуге бессмертной поэта
Я прибыл по воле Судьбы.

Мой парусник встал у баркаса.
Поэт, словно Бог, подходил.
Такого и мига и часа
Давно я у жизни просил.

Он, Лермонтов,
будто из света, –
В полнеба восход воспылал.
В пронзительном взгляде поэта
Я гения мира признал.

Диалог

Странник: Михаил Юрьевич,
Как небо велело, я – странник.
По воле души я – поэт.
И встретил я вас не случайно,
Я шел к вам с младенческих лет.

Лермонтов: Я волю небес уважаю,
Я с волею этой дружил.
Мятежной душою страдаю:
Я мало и жил, и любил.

Но дело не в личной печали,
Веду не о том свою речь.
В одном мы покоя не знали –
Отчизну от бед убережь.

Я вижу – вы ждете совета?
Даю вам: себя не предай.
И страсть к совершенству
заветом

Потомкам своим передай.
И лжи, и коварства, и лести
Повсюду расставлена сеть.
Нет выше и долга, и чести
В атаке за Русь умереть.
Ах, память! –

минувшему верность.

Под музыку движется рать...
Фанагорийскую крепость
Хотелось бы мне повидать...

Пожар разгорался рассвета,
Сияли огнем небеса.
И поднял я вновь на поэта
Печальные в думе глаза.

Но вижу я рыжую кручу
И краба смешного в воде.
Куда подевался поручик?
Баркас его парусный где?

Какая-то лодка мелькнула
И в розовом скрылась дыму.
И вспыхнуло тотчас светило,
И горько стоять одному.

По-прежнему празднично небо,
И голос поэта слышать:
Фанагорийскую крепость
Хотелось бы мне повидать.

Третья глава

Явление Фанагории

О, пыль веков! По ней сейчас хожу,
Наверно, тень минувших дней ищу.
Со мною рядом бродит русский грек.

Он, Сердериди, мудрый человек.
 Он любит слушать камни и цветы,
 Познал у жизни тайны красоты.
 Взяв амфоры округлый черенок,
 Сказал: «На дне усох вина глоток.
 Кого питал сосуд сей огневой?
 Кого он вдохновлял в час роковой:
 Оратора? философа? жреца,
 Имеющего славу мудреца?»
 Причудливая вязь ему видна, —
 Всмотрелся грек и прошептал: «Фа-на...»
 Задумался, догадкой осиян:
 «От запаха веков я нынче пьян...
 Фанагория! — дивная страна...
 Нам подарила амфору она!..»
 Провидцем стал сегодня русский грек:
 Сквозь облака узрел желанный век.

Фанагория

Живет разумно на Земле
 Страна Фанагория.
 Не золото ценится в жилье,
 А мудрых книг стихия.

У власти здесь триумвират —
 Поэт, ученый, зодчий.
 В делах ответственность и лад.
 Бывают споры, впрочем.

Совет ученых по делам
 Взволнованной Природы
 Имеет свой рабочий Храм.
 Для связи с небом

коды

Хранят, взгляните, своды, —

Идут сигналы кода «Марс» —
 Грядет землетрясение.
 Мигает «Веги» синий глаз —
 Не будет наводнения.

Здесь изучайте судьбы рек,
Озер, лесов дремучих.
Твое призванье, человек, –
Дружить с землей и тучей.

Целебных кедров, трав, цветов
Страна имеет парки.
Храм земледелия готов
Всем показать поля хлебов –
Труда подарок яркий.

Во Храм искусств
людей зовет,
Наверно, сам Всевышний.
Орган торжественно поет –
Он друг небес давнишний.

Ответно льется горний свет.
Храм полнится стихами.
И говорит седой поэт
С народом и богами.

Каменотес, кузнец, поэт
Равны по вдохновенью
В труде, –
приняв небесный свет
В сердца свои с рожденья.

И потому растут дворцы
Один другого краше.
Сравнимы в мастерстве творцы
С Природой дивной даже...

Ты для кого цветешь, страна
Любви Фанагория?
В соседних странах дикость, тьма –
Враждебная стихия.

Они завидуют тебе,
Терзает зависть злая.
Тебя ждет гибель по Судьбе,
Страна моя святая.

Эпилог

Идет пророк

Страна моя, любимая Россия,
Судьба тебе от Космоса дана.
Ты одинока, как Фанагория,
Но верю в себя навек сильна.

Вокруг тебя враждебный мир клокочет,
От козней лютых передышки нет.
Но видят и враги, как льется ночью
На все твои просторы Божий свет.

Ты вновь, Россия, нынче на распутье.
Куда идти? Туманно на Земле.
И странные везде на тронах люди:
Без Бога в сердце,
без царя в челе.

Отринув на обочину поэтов
(Пророков, мол, в России больше нет),
Забыла власть верховная при этом,
Что перед Богом ей держать ответ.

Судьба твоя, Россия, светоносна,
Идет к тебе
твой страждущий Пророк.
Святой Георгий бой победоносно
Закончит скоро над крестом дорог.

*Анапа – Тамань – станица
Старотитаровская – Ханты-Мансийск
Октябрь 1997 – апрель 2001*

СОДЕРЖАНИЕ

Поющая тропа язычника.	
Предисловие К. Яковлева	5

ОСЕННЕЕ ТАНГО

«Паруса снимает с лодок осень...»	17
«Угасает закат...»	18
«Как зелена сегодня луговина!..»	19
Бригантина	20
Зов неба	21
«Пылает купол златоглавый...»	22
«Ковш Медведицы черпает тьму...»	23
«Ночами трепетны леса...»	24
«Вы и вправду потерялись...»	25
Сумерки марта	26
Случай в доме отдыха	27
«Гроза из дальних-дальних странствий...»	28
Полевая межа	29
Август	30
Черный ворон	31
Звуки	32
В октябре	33
Снежный танец	34
«Идут по дороге обозы...»	35
«Осенние грибы, как черепашки...»	36
Осенние сумерки	37
«Соловей поет...»	38
В том порту	39
К маме	40
Прощай, моя шальная жизнь!	41
«Я в час мечты живу на Марсе...»	42
«А при луне, как при свече...»	43
«Был Лермонтов ранен в опале...»	44
«Поплакать надо над собой...»	45
К незнакомке	46

Ночной сторож	47
Божественная поляна	48
«Ты смеешься и ходишь легко...»	49
«Базар всегда его смущает...»	50
Танцует Капья	51
Мелодия бабьего лета	52
К новорожденному	53
Осенний вальс	54
«Сосны расцвечены бликами...»	55
«На беды жалуюсь земле дождями...»	56
Березонька	57
«Не верю в стих...»	58
Вечерний Балатон	58
В Хортобадской степи	60
Осеннее танго	61
У священного кедра	62
«После дождя в тот день весенний...»	63
Золотой падун	64
Погоня	65
В диком бору	66
О женщине	67
«Прохлада дороги ночной...»	68
Небесные звуки	69
Мольба к Богу	70
«В логу всегда поет ручей...»	71
Была ты нежною дворянкой	72
«Явись, ромашковое поле...»	73
Священная березка	74
К осеннему озеру	75
Рябиновый пир	76

ИСПОВЕДЬ ЯЗЫЧНИКА

Вершины кедров	81
«Гляжу с тропы...»	82
Ночь георгина	83
Предосенье	84
«Наверно, я парень-рубаха...»	85
«Куда зовете, снегири?...»	86
Старый ворон	87
«Где ты, Аманья моя?...»	88
Языческие лиственницы	89
Важенка	90
Признание следопыта	91

Маска язычника	92
Сон	93
«Сосновый бор до стона раскален...»	94
«Здесь я родился...»	95
Встреча с родиной	96
Забытый идол	97
Ослушник	98
«Язычник мудрый...»	99
Исповедь таежника	100
Явление священного озера	101
Исповедь волка	102
«На Ендырском озере пляшут валы...»	103
«Притворство женщин не от страха...»	104
Мои деревья	105
«Озера Веленце лик темнеет...»	106
Мелодия Балатона	107
«Спешите говорить: – Люблю...»	108
Юча	109
«От шелеста трав и до шороха звезд...»	110
Дума у спиленного дерева	111
Могила Толстого	112
«Где же подлости мера, скажите...»	113
Озеро Веселое	114
К Неве	115
Предчувствие	116
«Христианин я и язычник...»	117
Миссия Юлиана	118
В ягельном бору	121
Тропа язычника	122
Сосновая поляна	123
Ночь священного медведя	124
«Нет шумней в селеньях вести...»	126
Исповедь человека, лишённого детства	128
Идол-пришелец	129
«Трубят над милым краем трубачи...»	130
Виртум	131
«Черные горные пчелы...»	132
Сны камня	133
«Уходит в ночь вечерняя заря...»	134

ДЕНЬ БОРЕНЬЯ

«Я – частица природы летучей...»	139
«Молчит седых небес орган...»	140

«Мы в чем-то, право, дикари...»	141
Зло	142
«Меж сосен светится огонь заката...»	143
Моя деревня	144
Вечный бой	146
Прощанье	147
«Ты – словно подмороженная птичка...»	148
«С годами улетает смех...»	149
«Вчера подруге заявила...»	159
Искушение	152
Позиция	153
Прозревший сторож	154
Маскарад	156
Вчерашний раб	157
Толпа	158
«В предгрозовом тумане...»	159
День боренья	160
Одинокий поручик	161
Батька Махно	163
Сталин	164
Маршал Жуков	166
Брежнев	167
«Не приходи сегодня, гений...»	168
«Пророки есть...»	169
«Да, граница не избе...»	170
Новая встреча	171
Фанагорийцы	172
К тебе, столица	173
«Ночь бессонная – ни звезды...»	174
Явление Нерона	175
Первая августовская ночь	176
«Неужели сегодня расстанемся...»	177
К мужчинам	178
Залетная	179
Дума злого духа	180
О жадности	181
«Что делать...»	182
Пожар	183
Исповедь сатанинской ночи	184
О зависти	186
Мятеж зодчих	187
Жалость	188
Барсук	189

Ограда 190
Сомнения Весны 191
Спор 192

ВЕТЕР ВЕЧНОСТИ

Дума о дальнем 197
«Пойду к отцовской роще дикой...» 198
Майское половодье 199
Взаимосвязь 200
Закат 201
Сын гармонии 202
«Мой внук заплакал...» 203
Это поле 204
Горизонт 205
Ночью 206
Голубые дожди 207
Ответ таежника 208
«Чащобный запах кружит надо мною...» 209
Гурзуф 210
«Лиловы лики скифов грозных...» 211
Ночной кедровник 212
«Здравствуй, лес...» 213
Тайна скорби 214
Казанский вокзал 215
Снежная симфония 216
Красные камни 217
Поющие молнии 218
Ночной поединок 219
О доброте 220
«Я помню, как ягоды рдели...» 221
Январская рапсодия 222
Монолог охотника 223
«Грохочет колесница небесного Ильи...» 224
Ночь моря 225
Шторм на Черном море 226
К Лермонтову 227
Эльбрус 228
Рерих 229
Купола Тобольска 230
День Пророка 231
Храм воздуха 232
Ранний снег 233
«У железных людей...» 234

Один 235
«Ветер в сторону вечности...» 236
Мечтатель 237
Пасха 238
«Зажигает звезды в небе вечер...» 239
«Ночь говорила голосом ручья...» 240
Костер памяти 241
«Видать, я от Бога отрекся...» 242
«Я поэт...» 243
«О, время, чувствую тебя...» 244
«Ради новых сомнений живу...» 245
Звездный час 246

ХРАМ МИЛОСЕРДИЯ

Чудаки 251
К другу 252
Элентур 253
«Загадочны нынче закаты...» 254
Исповедь эмигранта 255
Моя Осень 256
«Рыбачили, сено косили...» 257
«В войну морозы были лютыми...» 258
«Уходи скорей, вражда...» 259
«Я должен остаться собою в стихах...» 260
Лишний 261
Песня о забытой дороге 262
Костер Вавилова 263
«Под куполом вечного неба...» 264
Лариса 265
«Как в чудо первой сказки я поверил...» 266
«Не зря, конечно, величают...» 267
Послушный зяблик 268
Береза и старик 269
На речной пристани 270
«Я ушел с пешеходной дороги...» 271
К военному летчику 272
Шаим 273
«Тайну упавшего дерева...» 274
Храм милосердия 275
Увертюра ночи 277
Исповедь маньщика 278
Живи, Конда 279
«Незабываемое утро...» 280

«Деянья наши – в траурной кайме...» 281
«Даль покрылась ноющими птицами...» 282
«От медной тучи – импульсы беды...» 283
Прелюдия к бабьему лету 284
Бабник 285
Сентябрь 286
Болото 287
Гармония утра 288
Дождливая ночь августа 289
«Тебя, столица, покидаю...» 290
Февральская оттепель 291
«Сегодня глухарку возьму...» 292
Веселый дождь 293
Ночь в станице 294
На Балатоне 295
«Мадьярские скрипки рыдают в степи...» 296
Лиственница Меншикова 297
«Молчать в беду...» 298
«Я нынче бездумный затворник...» 299
День прощения 300
Весеннее прозрение 302

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

«А снег не тает...» 307
«Тени мерцающе с веток упали...» 308
«Ханты-мансийские холмы...» 309
«Рдеют тучки над закатом...» 310
«Не веря назойливым временщикам...» 311
Гимн березовому соку 312
«Мы всеми в юности любимы...» 313
Поэтический натюрморт 314
«Разорвал он струи лунных ливней...» 315
«Иду за стихами к лесному ручью...» 316
Приключения сибирского комара 317
Миллионерша 318
Эх, новый купец! 319
«Сегодня ты, как луч, тиха...» 320
Семейные времена года 321
В Ачимово 322
«Ты все готов друзьям отдать...» 323
«Золоченые репы собора...» 324
«О, сколько выстраданных слов...» 325
Тишина 326

«Разве сторонкой, Галина...» 327
Сотворение женщины 328
О любви 329
«Удивляюсь синей мгле...» 330
Вербное воскресенье 331
«А женщина и март нерасторжимы...» 332
«Наедине с воспоминаньями...» 333
«Вокруг пахучий сумрак снега...» 334
Этюд из Долины ручьев 335
Крутояр 336
Таежное 337
Первый снег 338
Вспоминая Рубцова 339
Крымский этюд 340
Холостяки 341
Свадебные кони 342
«Небесной манны, видно, ждешь...» 343
Утро Достоевского 344
«Мы все одиноки по-своему...» 345
Дума альпиниста 346
«Вдыхаю запах сосняка...» 347
Письмо в Сибирь 348
Письмо в Венгрию 349
В грозу 350
Пасхальный день 351
Пасхальная ночь 352
Плач неба 353
Белый май 354
Парус 355
«Прохлада вечернего лога...» 356
Зеркальный лось 357
Белая ночь 358
Не вспоминай 359
«Поэту дан бунтарский склад души...» 360
«Люблю бушующее море...» 361
«Я славлю раковины пенье...» 362
«Загорелась звезда в изголовье...» 363
«Огневая осень...» 364
«Ниспослан снег...» 365
«После распрей, ссор нелепых...» 366
«Осколок солнца в сердце у меня...» 367
Мотив лугового пырея 368
«Дни грядут голубые и талые...» 369

Влюбленным 370
Гимн зеленому чаю 371
Знойный день 372
В Хулоре 373
Весенний этюд 374
«На улице праздник и вербы, и снега...» 375
«Бездна жизненности во мне...» 376

УТРО ВОЗНЕСЕНИЯ

поэма 381

Тарханов А.С.

Т 22 **Исповедь язычника: Стихи и поэма / Предисл. К. Яковлева.**
– Екатеринбург: – Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. – 400 с.: ил.

ISBN 5-7529-0737-3

Книга избранных стихотворений известного мансийского поэта, охватывающая почти три десятилетия его творческого пути.

ББК 83.3 Ма

Тарханов Андрей Семенович

ИСПОВЕДЬ ЯЗЫЧНИКА

Стихи и поэма

Редактор М.П. Немченко
Художественный редактор В.С. Солдатов
Художник А.П. Зарубин
Корректор М.Ф. Худякова
Компьютерная верстка Н.И. Бочкарева

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 064913, выдана 14.01.97 г.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции – 005-93,
том 2 – 953 000.

Подписано в печать 18.09.2001.
Бумага офсетная. Формат 60х90/16.
Гарнитура PeterburgC. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Уч.-изд. л. 18. Тираж 2 000 экз.
Заказ № 449.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»,
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24

Отпечатано в ГИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

X

74762004
Окружная библиотека

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

«...Сохранив глубокую и страстную любовь к родному краю и к своему народу, связь с его историческим укладом и моралью и в то же время влюбившись в русскую классику, Тарханов создал масштабное и синтетическое по содержанию искусство.

Он ведет рассказ о тасжном крае, его природе, людях, а вместе с тем — это рассказ и о всей нашей стране, и о всем человечестве».

«...Поэтический мир Тарханова — это мир человека, который не отделил себя от природы и не чувствует себя чем-то отличным от нее.

Гармония настолько полная, что Тарханову мало любить природу самому. Он живет в родном краю, «и лесом, и небом любим». Это взаимная любовь».

«...Поэт-язычник, крещенный в православии, убеждает нас в том, что в нашей любви и природе — «один Господь, одна вера». Поэт-философ убежден, что «возвращение к исконным началам — это единственный путь к созданию самобытной национальной культуры».